

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов,
А. И. Купцов, Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский,
Д. В. Ознобишин, З. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,
А. С. Федотов (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя), А. П. Юшкевич,
А. Л. Яншин (председатель), М. Г. Ярошевский

В. С. Корякин

**Владимир Александрович
РУСАНОВ**

1875 – 1913?

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. М. ПАСЕЦКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»
1987

ББК 26.8

К 66

УДК 910.4 В. А. Русанов

Рецензенты:

доктора географических наук
Г. А. АГРАНАТ, Л. Р. СЕРЕБРЯННЫЙ

Корякин В. С.

К 66 Владимир Александрович Русанов (1875—1913?).— М.: Наука, 1987.— 128 с., ил.— (Научно-биографическая литература).

Книга посвящена известному полярному исследователю В. А. Русанову. Совершив ряд научных экспедиций на Новую Землю, он разработал современную концепцию геологического строения архипелага, занимался проблемой освоения Северного морского пути.

К 1402000000-120
054(02)-87 34-87 НП

ББК 26.8

Владислав Сергеевич Корякин
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ РУСАНОВ
1875—1913?

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Приходько
Художник А. Т. Кобрин. Художественный редактор Л. В. Кабатова
Технический редактор А. С. Бархина
Корректоры В. А. Алешкина, Г. Н. Лац
ИБ № 35423

Сдано в набор 22.01.87 Подписано к печати 18.03.87
Т-05542. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр. отт. 7,4. Уч.-изд. л. 7,1
Тираж 17 200 экз. Тип. зак. 92. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
117864, ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

© Издательство «Наука», 1987 г

Введение

Среди русских полярных исследователей дореволюционной поры Владимир Александрович Русанов занимает особое место, и прежде всего по необычайно высокой результативности своих полевых работ, проведенных в короткие сроки (1907—1912 гг.). В. А. Русанов — родоначальник целого ряда научных направлений, получивших свое развитие уже после гибели исследователя, в годы Советской власти. Он занимался вопросами широкого освоения природных богатств Севера страны (включая Арктику), превращения Северного морского пути в постоянно действующую транспортную магистраль и целым рядом других проблем, которые в наше время успешно разрешены. Поэтому неудивительно, что жизни и деятельности В. А. Русанова посвящено много работ советских исследователей. Наиболее значительный вклад в изучение жизни и творчества известного полярника внесли составители опубликованного в 1945 г. первого сборника работ В. А. Русанова «Статьи, лекции, письма», включающего многочисленные документы. Пожалуй, особенно ярко интерес к личности В. А. Русанова проявился в организации и проведении Всесоюзной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения исследователя, на его родине, в городе Орле, а позднее в открытии здесь специального мемориального Дома-музея.

Следует отметить, что в биографии В. А. Русанова далеко не все ясно. В первую очередь это касается его последней экспедиции 1912 г., завершившейся исчезновением во льдах Карского моря. Случайные находки в 1934 г. остатков экспедиции в этом отношении не принесли ничего нового. Имеется и целый ряд других «пробелов» в биографии исследователя. Так, о пребывании Владимира Александровича в Париже, когда он учился в Сорбонне, известно в основном из писем к родным. Тем более весьма отрывочны сведения о революционной деятельности полярника, проходившей в условиях полной конспирации. Многочисленные пробелы в биогра-

фии исследователя привели к тому, что авторы ряда публикаций стали приписывать В. А. Русанову участие в событиях, к которым он, по-видимому, не имел никакого отношения (например, к открытию Северной Земли). Совершенно очевидно, что сама память об одном из наиболее выдающихся русских полярников требует более бережного отношения к тем материалам, которые оказываются в руках исследователей. Важно при этом отметить, что результаты деятельности В. А. Русанова в Арктике не стали лишь достоянием истории; они сохранили свою актуальность и используются, как показала практика последних десятилетий, не только историками, но и многими специалистами других отраслей науки.

В 1957—1959 гг. автору настоящей книги, принимавшему участие в программе МГГ, довелось посетить места, связанные с деятельностью Владимира Александровича, — полуостров Адмиралтейства, Маточкин Шар и др. А спустя несколько лет, в 1962 г., пролетая над Таймырским побережьем, я оказался над теми районами, где в 1934 г. были обнаружены несомненные признаки пребывания участников последней экспедиции В. А. Русанова. К сожалению, ни время, ни обстоятельства не позволили нам провести какие-либо дополнительные поиски, но даже чисто зрительное восприятие мест, где произошла драма исследователя, оставило в душе неизгладимый след и разбудило желание разобраться в истоках событий, уяснить смысл и цели его поисков. Наконец, начиная с 1965 г., во время экспедиционных работ на Шпицбергене мне удалось побывать практически во всех пунктах, которые посетил В. А. Русанов в экспедиции 1912 г. Суровая природа Арктики, как известно, с тех пор не изменила свой крутой нрав, и нередко складывались ситуации, близкие к тем, с которыми приходилось встречаться В. А. Русанову.

Эти экспедиции представляли для меня большую ценность, так как позволили несколько дополнить факты и обстоятельства жизни исследователя, описанные прежде историками, с позиций естествоиспытателя. Ни в малейшей степени не посягая на заслуги биографов, рассматривавших больше внешние стороны жизни В. А. Русанова, мне захотелось раскрыть глубину его идей и тем самым попытаться преодолеть существующий парадокс: о В. А. Русанове пишут историки, в то время как его коллеги, нередко используя данные иссле-

дователя в своих трудах, не уделяют ему должного внимания. Скажем, ждаль от историка, что он сможет оценить значение находок В. А. Русанова (например, фауны силура), едва ли оправданно. Но именно это обстоятельство сыграло определяющую роль в разработке концепции геологического строения Новой Земли. Следует также иметь в виду, что с чисто профессиональной точки зрения маршруты геолога должны быть максимально привязаны к местности, иначе обесцениваются результаты его наблюдений. К сожалению, на этот принцип историки не всегда обращали должное внимание, и поэтому по мере возможности я стремился восполнить этот пробел.

Основу книги составляют две части, из которых — «Экспедиционные исследования» — посвящена описанию экспедиций на Новую Землю (1907—1911 гг.) и на Шпицберген (1912 г.). Здесь было важно показать, где, когда и при каких обстоятельствах были выполнены полевые наблюдения, послужившие в будущем основой для формирования взгляда ученого. Вторая часть — «Научное наследие» — дает оценку сделанного В. А. Русановым с позиций сегодняшнего дня. Помимо того, что В. А. Русанову принадлежит первая научная концепция геологического строения Новой Земли, значительны его заслуги и в других областях. Он занимался изучением ледников, картографированием Новой Земли и, наконец, проблемами, связанными с организацией регулярного мореплавания по Северному морскому пути.

Кроме материалов, собранных в полевых условиях, в книге широко использованы и опубликованные в издании: Владимир Александрович Русанов. «Статьи, лекции, письма» 1945 г. Среди организаций, предоставивших документы, связанные с жизнью и научной деятельностью исследователя, мне особо хотелось бы выделить Орловский дом-музей В. А. Русанова, Географическое общество СССР и его Московский филиал, Музей Арктики и Антарктики при ААНИИ Госкомгидромета СССР, Архангельский краеведческий музей. Большую помощь при написании настоящей книги мне оказали консультации и советы Д. А. Алексеева, М. М. Белова, В. Н. Булатова, К. П. Гемп, Н. К. Евдокимовой, М. М. Ермолаева, З. М. Каневского, А. И. Панова, В. М. Пасецкого, М. Г. Серапионовой, В. В. Титовой и К. Н. Чубакова, которым мне хочется выразить искреннюю благодарность.

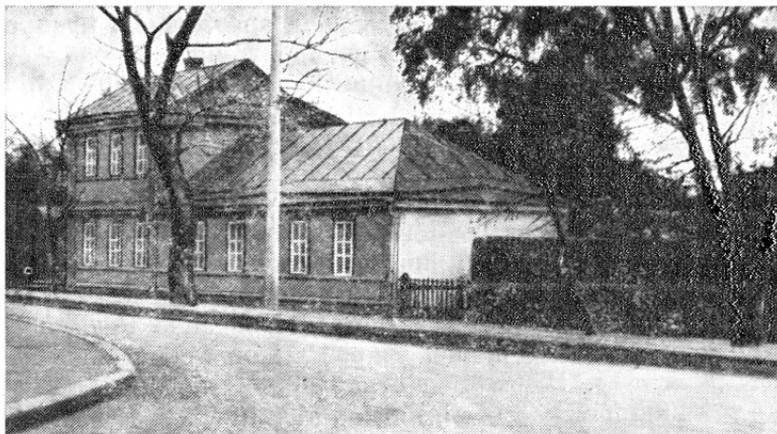
Становление исследователя

Перекресток улиц в еще сохранившейся старой части Орла хорошо передает облик окраины губернского города конца прошлого века. Здесь в обветшалом доме 3 ноября (15 по н. ст.) 1875 г. родился Владимир Александрович Русанов, будущий полярный исследователь, нарушивший выбором своего жизненного пути традиции купеческой семьи. Вскоре после рождения сына умер отец, и воспитание ребенка легло на плечи матери, Любови Дмитриевны. Оставшись с сыном в новом доме с мезонином в Мацневском переулке (теперь Дом-музей В. А. Русанова), она успевала и вести хозяйство, и заниматься сыном, который поначалу оказался из трудных. Его исключили из единственной в городе классической гимназии, а позже — и из Александровского реального училища. Однако дело было не в учебе и не в поведении (хотя и не блестящем): уже в 14 лет Владимир Русанов привлекался к допросу и дознанию в качестве свидетеля.

Видимо, упрямого подростка больше тянуло в овраги, которые начинались тут же, за городской окраиной, чем в учебные классы, а то и в заброшенные каменоломни, откуда можно было притащить в отвисших от тяжести карманах такие обычные и в то же время непонятные камни. (Много позже, получив диплом геолога всемирно известного университета, он напомнит матери в одном из писем: «Помнишь, мамочка, как ты выбрасывала мои камушки? Вот они и пригодились!..» [Пасецкий, 1971, с. 23].) В деревню за полсотни верст, куда мать отправляла его на лето к родственникам, мальчик предпочитал добираться пешком по проселку, отказываясь от поездки в бричке. Возможно, в этих первых маршрутах и проявился его первый интерес к окружающему миру.

Когда Володе было семь лет, в их доме появился человек, с которым он остался дружен на всю жизнь, — сначала просто один из жильцов, а потом второй муж матери, преподаватель латыни в Орловской духовной семинарии Андрей Петрович Соколов. Очевидно, не без его помощи Владимир Русанов в 16 лет стал семинаристом. Курс семинарии для непоседливого подростка закончился, судя по списку выпускников, только в 1897 г., когда ему уже было 22 года.

Ряд важных обстоятельств определяет его жизнь в это время. Наверное, на первом месте — поиски заня-

Дом-музей В. А. Русанова в городе Орле
(фото автора)

тия по душе, тем более что духовная карьера его никак не привлекает. Начало этих поисков подтверждает «свидетельство из Орловской мещанской управы орловскому мещанину (уже не купцу!) В. А. Русанову... вследствие просьбы его матери и согласно приговору мещанского общества, состоявшегося 27 февраля 1897 года и утвержденного орловским губернатором, в том, что на продолжение им, Владимиром Русановым, образования в высших учебных заведениях препятствий со стороны общества и мещанской управы не имеется» [Русанов, 1945, с. 10]. Однако семинарское образование не давало права на получение высшего образования, поэтому естественный факультет Киевского университета зимой 1897/98 г. он посещает лишь вольнослушателем, причем недолго: российская жандармерия потребовала его возвращения в Орел, и не случайно.

Как мы помним, еще в 1889 г. Владимир Русанов впервые привлекался к допросам и дознанию, что, по видимому, и следует считать началом его революционной деятельности. Об этих «университетах» повествует обширная «Справка особого отдела департамента полиции» [Там же, с. 419], составленная 1 декабря 1900 г. Вот из нее выдержки.

1. «Во второй половине 1894 года... привлекался по делу Максима Перес и Надежды Смерчинской». Добавим — знакомство признал, но не более.

2. 4 сентября 1894 г. «обыскан, арестован и препровожден из Орла в Москву в распоряжение местного губернского жандармского управления, где он был привлечен в качестве обвиняемого к дознанию по делу о „Рабочем союзе“... Дознание по делу о „Рабочем союзе“ в отношении В. А. Русанова было прекращено за недостаточностью добытых против него улик».

3. «28 октября 1898 года Русанов был обыскан и арестован в г. Орле и привлечен в качестве обвиняемого к дознанию по делу о бывшем воспитаннике Орловской духовной семинарии Владимире Карловиче Родзевиче-Белевиче, обвинявшемся в преступной пропаганде среди рабочих». Итог — под стражей до февраля 1899 г., в дальнейшем — особый надзор полиции.

4. «В ночь на 30 января 1900 года Русанов был обыскан в г. Орле, а затем привлечен в качестве обвиняемого к дознанию о преступной пропаганде среди рабочих на Брянском заводе».

5. «Обыскан и арестован 30 июня 1900 года, но по обыску у него явно преступного не было...» — всего две недели под стражей. Вывод из цитируемого документа следует такой: практически постоянно в поле зрения полиции, связи очевидны, а улики никаких. А посему «государь император... в 30 день мая 1901 года высочайше повелеть изволил... выслать Владимира Русанова под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на два года» [Там же, с. 420].

Как известно, «Рабочий союз» сыграл особую роль в формировании революционной партии нового типа, а один из его руководителей — И. Ф. Дубровинский, в будущем видный партийный деятель и член ЦК партии, находился в заключении по тому же делу, что и В. А. Русанов. В Доме-музее В. А. Русанова в Орле имеется копия агентурной сводки за подписью начальника московской охранки полковника С. В. Зубатова, агенты которого зафиксировали встречу В. А. Русанова с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой (сестрой В. И. Ленина) в Москве и одновременно сообщили о прибытии в Москву В. Ильина (псевдоним В. И. Ленина в то время). Не исключено, что в будущем историки установят факт и обстоятельства встречи В. А. Русанова с В. И. Лениным, ибо есть основания считать, что такая встреча могла произойти.

В документах жандармерии отмечается, что недавний семинарист, находясь в Орловской губернской

гюрьме в октябре 1898 г., читает книгу Ф. Нансена «Среди льдов», там же в январе 1899 г. работает с самоучителем французского языка. Среди документов, отобранных у него при обысках, фигурируют два билета на геологическую выставку.

Очевидно, интерес будущего исследователя, начавшийся с «камушков» из окрестных оврагов и каменоломен, получил дополнительный стимул.

В июне 1899 г. В. А. Русанов подает в Орловское губернское жандармское управление прошение о выезде для учебы на естественном факультете Парижского университета и получает отказ. В отношении ряда других заявлений с просьбой о выезде — в Тифлис (июль 1899 г.) или на Дальний Восток (август 1900 г.) — судить трудно: то ли это поиски приложения сил и интересов, то ли попытка уйти от жандармской слежки. Во всяком случае, к идее поездки в Маньчжурию, где заканчивалось строительство железной дороги на Порт-Артур и Дальний, он возвращается еще раз в феврале 1902 г., уже находясь в вологодской ссылке. Выбор жизненного пути — дело сложное, важно здесь то, что в период между октябрем 1898 г. и июлем 1899 г. в поисках В. А. Русанова наметилась уже определенная позиция, наиболее полно проявившаяся в дальнейшем: жизнь и учеба за границей не отделялись от самой активной деятельности на благо своей страны.

Но вернемся к «Справке особого отдела департамента полиции», приведенной с сокращениями выше. В ней довольно явно противоречие между плотной жандармской опекой за молодым революционером, с одной стороны, и весьма скромными ее результатами — с другой; очевидно, крепким орешком оказался он для ловцов человеческих душ. Видимо, этот период отразился на характере будущего исследователя. Недаром многие

В. А. Русанов — гимназист

Но вернемся к «Справке особого отдела департамента полиции», приведенной с сокращениями выше. В ней довольно явно противоречие между плотной жандармской опекой за молодым революционером, с одной стороны, и весьма скромными ее результатами — с другой; очевидно, крепким орешком оказался он для ловцов человеческих душ. Видимо, этот период отразился на характере будущего исследователя. Недаром многие

современники упрекали его в неспособности к компромиссам, определенной скрытности, нежелании делиться планами на будущее и т. д. Кстати, именно жандармерии мы обязаны портретной характеристикой В. А. Русанова той поры: «рост выше среднего (177 см), телосложение крепкое, волосы русые, усы с эспаньолкой, глаза светло-синие, движения быстрые, характер живой. А вот воспоминания товарища по подполью К. А. Турбиной: «Высокий блондин, полный жизни и энергии... Более чем кто-либо из нас вдавался в теоретическую область. Читал он много, толково. Говорил превосходно. Никогда в спорах не оскорблял своего противника, между тем всегда оставался победителем. Симпатии слушателей всегда были на его стороне» [Пасецкий, 1974, с. 27].

В вологодскую ссылку В. А. Русанов отправился с молодой женой, Марией Петровной Булатовой, окончившей с золотой медалью орловскую гимназию. Ее отец, крупный железнодорожный чиновник, верой и правдой служил государю, а дочь вела революционную пропаганду в железнодорожных мастерских. Прибыв к месту ссылки, В. А. Русанов устроился статистиком земской управы в Усть-Сысольске (теперь Сыктывкар). В то время в Вологодской губернии отбывали ссылку многие революционеры. Сохранилась фотография 1902 г., на которой В. А. Русанов запечатлен с А. В. Луначарским, будущим первым наркомом просвещения, с писателем А. М. Ремизовым и др. В документе местной полиции от апреля 1902 г. сообщается о В. А. Русанове как о человеке «вполне одобрительного поведения» [Русанов, 1945, с. 422], а в конце пребывания в ссылке оценка меняется: «ведет знакомство с поднадзорными». С точки зрения чиновников, рассматривавших просьбу В. А. Русанова о поездке в Маньчжурию, это уже серьезно меняло дело, и ему было отказано.

Однако даже в условиях полицейской слежки не в характере В. А. Русанова было сидеть сложа руки, и он начинает действовать. Летом 1902 г. обследует водораздел бассейнов Волги и Печоры между верховьями Вычегды и Ухты. «Как много хороших часов провел я там, в этих грязных и жалких хижинах, греясь у огня и слушая красивый, загадочный шум лесного безграничного моря» [Там же, с. 340], — вспоминал впоследствии В. А. Русанов о своем первом путешествии. Его помощником в этом предприятии был ссыльный А. А. Богданов, примыкавший в то время к большевистской фрак-

ции РСДРП, а позже — первый директор Института по переливанию крови, автор ряда книг по экономике и политэкономии. С тех пор ссыльные участвовали практически в каждой экспедиции В. А. Русанова.

О путешествии В. А. Русанова зимой 1902 г. известно лишь из официальной губернской переписки, но как и где оно проходило, были ли намеченные планы реализованы и каковы были результаты — неизвестно. Тем не менее из письма вологодского губернатора в департамент полиции от 9 ноября 1902 г. следует, что согласие на такую поездку дано при «условии, что работа Русанова при разъездах ограничится исключительно выписками из дел волостных правлений и землеописных книг, не сопровождаясь опросом населения» [Там же, с. 422].

Летом 1903 г. была снаряжена уже настоящая экспедиция. На нее было ассигновано 85 р. Она примечательна некоторыми обстоятельствами. Во-первых, цель работ — изыскание водных путей через водораздел бассейнов Печоры и Волги в верховьях рек Березовки и Безволосой — никак не совпадает с грандиозным маршрутом, предпринятым по всей Печоре, и затем с возвращением морем в Архангельск. Скорее это предлог для рекогносцировки обширного региона и первого знакомства с Северным Ледовитым океаном и Арктикой. Во-вторых, В. А. Русанов продемонстрировал умение использовать ограниченные возможности для решения крупных поставленных задач. В-третьих, результаты полевых работ были опубликованы в виде отчетов.

С периодом ссылки В. А. Русанова связаны первые его четыре публикации, причем самая значительная из них — «Зыряне» по сути представляет собой этнографо-социологическое исследование, которое было закончено уже в эмиграции, в Париже.

С июня 1903 г. ссылка для В. А. Русанова закончилась, но постановлением особого совещания «жительство в столицах и столичных губерниях на пять лет» [Там же, с. 423] ему воспрещалось, а гласный полицейский надзор сменялся негласным. В таких условиях семейство Русановых приняло решение эмигрировать во Францию, чтобы получить высшее образование. Начальник вологодского жандармского управления сообщил в департамент полиции: «Владимир Александрович Русанов 29 минувшего сентября выбыл из г. Вологды в г. Орел, откуда, по имеющимся сведениям, намерен

ехать за границу с выданным ему вологодским губернатором заграничным паспортом от 22 сентября сего года за № 4680 сроком на полгода...» [Там же, с. 424]. Однако родину он увидел только четыре года спустя.

Шумный, кипящий жизнью Париж, словно сошедший с полотен К. Писсаро или К. Моне, с его трехмиллионным населением был в начале века третьим городом мира и его неофициальной столицей в сфере духовной и культурной жизни. «Значение Парижа, как первого мирового города новейшего времени, хотя и уступающего по величине Лондону, сыграло для Франции роль могучего рычага, давшего ей культурный перевес», — отмечал немецкий географ А. Филиппсон. «Парижане могут сказать... — еще раньше писал Э. Реклю, — что их город есть в настоящее время главный город Европы, как объявляют его и сами иностранцы, которые стекаются в Париж в таком множестве, привлекаемые своими делами, или просто более или менее утонченными удовольствиями, или в особенности любовью к искусствам, к науке...» [Реклю, 1898, с. 695]. За время ссылки В. А. Русанов так соскучился по учебе, что, приехав в Париж, одновременно приступил к занятиям на естественном факультете Сорбонны и в Высшей русской школе. Уже 10 декабря 1903 г. он пишет родным в Орел: «Теперь я удостоен бакалаврской степени и, уплатив 205 франков (примерно 70 р. по курсу того времени. — В. К.), состою l'étudiant (студентом) Парижского университета. Поздравляйте меня...» [Русанов, 1945, с. 374]. Действительно, дата зачисления в его студенческом деле указана — 7 декабря 1903 г.

Следует отметить, что в те годы развитие геологии и смежных с ней наук (включая географию) делало во Франции несомненные успехи. Так, в исследованиях Г. Дебре получила развитие экспериментальная геология. В области минералогии и петрографии успешно трудился А. Лакруа. Основы металлогении заложил Л. Лоне. А. Дарси и Ж. Дюпюи сформулировали важнейшие положения гидрогеологии. А. Лаппаран широко использовал методы геологического картирования. Э. Ог разрабатывал учение о геосинклиналях. М. Бертран доказал периодичность тектонических движений и т. д. Не случайно многочисленные ссылки на эти исследования встречаются во всей мировой геологической литературе того времени, включая русскую — достаточно сослаться на «Физическую геологию» И. В. Мухометова.

В период обучения В. А. Русанова в Сорбонне деканом естественного факультета был видный французский геолог Гюстав Эмиль Ог (1861—1927), автор известного учебника по геологии. Труды Э. Ога, выступавшего с позиций контракционной теории и изостазии, были посвящены проблемам тектоники, стратиграфии и региональной геологии Альп и Прованса. Особой его заслугой является разработка теории развития геосинклиналей (именно с этой проблемой В. А. Русанов позднее столкнется на Новой Земле.) Выдвигая концепцию цикличности геологических процессов в образовании платформенных и складчатых областей, он доказывал, что морским трансгрессиям на платформах соответствуют регрессии в геосинклиналях и наоборот (закон Ога). В 1909 г. Э. Ог был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук и позже Академии наук СССР.

Настоящим добрым гением В. А. Русанова в период его обучения в Сорбонне, особенно в связи с первыми научными публикациями по линии Французской академии наук, был другой видный геолог — Альфред Франсуа Антуан Лакруа (1863—1948), по образованию фармацевт. С 1893 г., став профессором Национального музея естественной истории, он долгое время одновременно преподавал в Сорбонне, с 1914 г. выполнял обязанности постоянного секретаря Французской академии наук. В 1904 г. А. Лакруа был избран академиком, в 1909 г. — иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а с 1925 г. — почетным членом Академии наук СССР. «...Живя здесь, в далеком Париже, — писал В. А. Русанов родным в письме от 17 марта 1904 г. [Там же, с. 374], — я достиг всего, о чем мечтал целые годы, и не желаю ничего лучшего, ибо это лучшее со мной... Постараюсь показать вам, какой роскошный пир науки окружает меня ежедневно и как велико счастье принимать участие в этом пире». Год спустя, сравнивая с принятой в России французскую систему обучения, он так характеризует ее: «Каждый предмет проходится сразу, а не разбивается на несколько курсов; экзамены сдаются сразу же по одному предмету во всей его полноте, и, выдержав их, вы получаете диплом об окончании высшего образования по данной свободной избираемой вами специальности» [Там же, с. 378].

В конце октября 1904 г. В. А. Русанов писал матери: «В нынешнем году я записываюсь на минералогию и гео-

логию: первую буду заканчивать, так как уже слушал в прошлом году, а вторую — начинать» [Там же, с. 377]. Единственная проблема — язык. Спустя год после окончания учебы в Сорбонне он признается в письме к отчиму: «Мне приходится мало говорить — я еще слишком недостаточно знаю la langue cougant (разговорный язык.— В. К.), чтобы вести непринужденный разговор... Теперь я все внимание обратил на то, чтобы читать свободно специальные книги, понимать лекции и записывать их. По минералогии я этого более или менее достиг — в общем понимаю все, что говорит на лекции профессор, и мало пользуюсь словарем, а о других предметах я этого не могу сказать» [Там же].

И вот наконец-то В. А. Русанов может сообщить своему отчиму А. П. Соколову: «Вчера, 20 октября (1905 г.— В. К.), окончились мои последние экзамены по минералогии... При моем незнании языка это очень недурно. Я доволен, так как прошел самый трудный экзамен и так как это первый удачный дебют» [Там же, 1945, с. 378]. Однако радость успеха разделить было не с кем: вскоре после рождения сына 20 марта 1905 г. умерла его жена. Чтобы В. А. Русанов мог продолжать учебу, заботу о маленьком Шуре взяла на себя Любовь Дмитриевна, приехавшая из Орла. Через несколько месяцев она вернулась с внуком в Россию.

Приезд матери был очень своевременным, потому что у В. А. Русанова начинались полевые практики, требующие длительных отлучек. В письме к отчиму от 13 июня он описывал свои впечатления от потухших вулканов Оверни: «Под руководством опытных профессоров передо мной открывалась вся глубина и сложность структуры нашей планеты, раскрывалась полная захватывающего интереса и разнообразия ее история. Я поднимался на самую высокую гору Франции — пик Sancy. Пробираясь по снежным и ледяным откосам ее, я должен был бороться с холодным ветром, готовым сорвать и сбросить в открывающуюся под ногами бездну...» [Там же, с. 380]. В том же году В. А. Русанов наблюдал извержение Везувия.

Такое внимание к вулканическим процессам не случайно — ведь среди его наставников был А. Лакруа, изучавший катастрофическое извержение вулкана Мон-Пеле в 1902 г. на острове Мартиника, и Ш. Велен, побывавший еще в 1874 г. на вулканических островах на юге Индийского океана.

Так постепенно формировались взгляды будущего исследователя. Однако не только проблемы наук о Земле занимали В. А. Русанова в то время. Он начал посещать Высшую русскую школу, где можно было слушать лекции и семинары по гуманитарным дисциплинам, встречаться с земляками-эмигрантами, находившимися в оппозиции к царскому режиму. Школа была основана в 1901 г. историком и социологом М. М. Ковалевским (1851—1916 гг.), уволенным еще в 1887 г. из Московского университета за «отрицательное отношение к государственному строю». В. А. Русанов писал: «Там читают светила русской науки, гордость России: Ковалевский, с которым я имел счастье лично познакомиться и который был заинтересован некоторыми моими наблюдениями, сделанными над бытом зырян (коми.— В. К.), Мечников, Исаев и другие талантливые и блестящие представители кафедр» [Там же, с. 374].

И. И. Мечников (1845—1916) в то время разрабатывал теорию иммунитета в Пастеровском институте, а А. А. Исаев (1851—1924) — бывший профессор Петербургского университета — преподавал статистику и экономику, его статистическими данными пользовался В. И. Ленин.

В Высшей русской школе В. А. Русанов занимался, видимо, недолго. В письме к отчиму от 25 декабря 1904 г. он сообщал, что «русских лекций в этом году я совсем не посещаю» [Там же, с. 377], хотя летом того же года он писал матери: «Читал под председательством профессора Ковалевского реферат „Артели у зырян“... Он сам взялся поместить в печати мою работу и даже сам предложил ее редактировать» [Там же, с. 376]. Однако В. А. Русанов еще долго работал над статьей, дополняя ее новыми материалами. Она была закончена только в январе 1906 г. и под названием «Зыряне» впервые увидела свет в сборнике работ исследователя в 1945 г.

Все мысли А. А. Русанова постоянно обращались к России. В письме к матери от 17 марта 1904 г. он просил: «Напиши, пожалуйста, какие у вас по поводу войны настроения?» [Там же]. Газеты сообщали о многочисленных революционных выступлениях. «Вы мне не советуете ехать в Россию впредь до успокоения, — читаем в письме В. А. Русанова к родным от 30 марта 1907 г., — но я боюсь, что успокоения пришлось бы ждать целые годы, да мне, не говоря ни о чем прочем, очень

и очень интересно повидать родину именно теперь» [Там же, с. 382].

Судьба родины так волновала В. А. Русанова, что он совершает поступок, необычный для политического эмигранта, — в разгар русско-японской войны пишет письмо русскому военному министру В. В. Сахарову: «Зная, что вопрос о прохождении Балтийской эскадрой через Северный Ледовитый океан обсуждался весьма компетентными лицами, я все же решаюсь представить на Ваше усмотрение свои собственные соображения по этому предмету» [Провидец будущего Арктики, 1975, с. 16].

В этом письме В. А. Русанов излагает план изучения Северного Ледовитого океана вдоль Сибирского побережья, чтобы перебросить русские военные корабли на Дальневосточный театр военных действий. Однако предложения В. А. Русанова были отвергнуты опытными экспертами, в том числе гидрографом А. И. Варнеком и крупнейшим русским океанографом Ю. М. Шокальским. Дело в том, что осажденный Порт-Артур не мог ждать, пока завершатся исследования в далеком Северном Ледовитом океане. Это и решило судьбу русановского плана.

К лету 1907 г. В. А. Русанов выполняет большую часть практических занятий, остается единственный экзамен, диплом не за горами. «Для огромного большинства студентов-французов это единственная цель, дальше которой они не идут, — писал он 30 марта 1907 г. А. П. Соколову, — а для меня это будет в лучшем случае только половина того подготовительного научного пути, который я решил пройти... Мне надо сделать хоть маленькую предварительную геологическую экскурсию, чтобы познакомиться и собрать материал для своей будущей докторской диссертации... Начинаю подготавливаться к своей экскурсии на дикий Север...» [Там же].

К этому времени в русской Арктике сложилась довольно непростая ситуация. В создании ее отчасти сыграла роль почти анекдотическая резолюция, наложенная на одну из докладных записок поборника освоения русского Севера М. К. Сидорова сановой рукой: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немислимы, то, по мнению моему и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот и объясняете о каком-то

Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут производить только помешанные» [Визе, 1948, с. 144].

Такое отношение правящих кругов к проблемам освоения русской Арктики привело к тому, что во второй половине XIX в. последние поморы ушли со Шпицбергена, освоенного ими по крайней мере в начале XVI в. [Старков и др., 1983]. Опустел Северный остров Новой Земли, где были даны названия по следам пребывания поморов (губа Крестовая, мыс Мучной и т. д.). Политика царизма в Арктике не могла не нанести ущерб интересам России. Неудивительно, что за рубежом стал подниматься вопрос о государственной принадлежности Шпицбергена. Дело дошло до того, что союзы шкиперов Тромсё, Вардё и Гаммерфеста объявили (!) Новую Землю никому не принадлежащей, причем в ответ на русскую ноту норвежское правительство заявило, что ему трудно воспрепятствовать своим подданным охотиться у Восточного льда, т. е. в водах Новой Земли. Такова вкратце ситуация, в которой начал свои исследования в Арктике В. А. Русанов.

Хотя места будущих маршрутов В. А. Русанова были освоены поморами, в научном отношении они оставались белым пятном, особенно внутренние районы Новой Земли. Экспедиция под начальством Ф. П. Литке в 1821—1824 гг. лишь в самом общем виде установила общий характер побережья до мыса Нассау [Литке, 1948], решающую же роль в изучении Новой Земли в то время сыграла экспедиция П. К. Пахтусова и его отважных спутников С. А. Моисеева и А. К. Цивольки, которые в 1832—1835 и 1838—1839 гг. положили на карту побережье острова вплоть до полуострова Адмиралтейства [Пахтусов, Моисеев, 1956]. Обобщил научные результаты этой экспедиции академик К. Бэр.

Геологическое изучение Новой Земли продолжалось и в дальнейшем, но оно проводилось не систематически и целостной картины строения островов не давало. Тем не менее наблюдения таких исследователей, как А. Э. Норденшельд, Х. Хёфер, Л. Ф. Гриневецкий и Ф. Н. Чернышев, способствовали накоплению определенных данных о геологическом строении Новой Земли. Однако в геологии, да и в других дисциплинах, связанных с полевыми исследованиями, успех исследования нередко зависит от района, выбор которого часто случаен, скажем определяется транспортными условиями.

Именно при таких обстоятельствах, например, А. Э. Норденшельд на Гусиной Земле наткнулся на крайне редкие, не типичные для Новой Земли континентальные отложения. Наблюдения Ф. Н. Чернышева оказались приуроченными к полю пермских отложений на участке местного синклиория, и все разнообразие горных пород, слагающих Новую Землю, не могло быть вскрыто.

Первые Новоземельские экспедиции В. А. Русанова по времени совпадают с завершением университетского курса. Летом 1907 г. он отправляется в свою первую экспедицию на Новую Землю. Ее результаты произвели впечатление на преподавателей Сорбонны. В письме к родным от 18 января 1908 г. он сообщал: «Профессора меня встретили очень радушно, наперерыв предлагая услуги по определению привезенного материала, а мой старый профессор физической географии m-r Velain... встретил меня с распростертыми объятиями» [Русанов, 1945, с. 383]. Хотя сам исследователь позднее неоднократно ссылался на свои наблюдения в этой экспедиции, ее главный результат, по нашему мнению, — В. А. Русанов обрел себя в роли полярного исследователя-геолога новой формации, целью которого было не открытие новых территорий, а характеристика природного процесса — формирования геологических структур, эволюции оледенения и т. д. Специальных публикаций по итогам полевого сезона 1907 г. В. А. Русанов не сделал, сведения об этой экспедиции можно почерпнуть лишь из статьи его спутника, студента-орнитолога Л. А. Молчанова [1908]. Главный же результат первой Новоземельской экспедиции В. А. Русанова — открытие нового полярного исследователя, ставившего своей целью не просто изыскание неизвестных земель, а прежде всего изучение природных процессов — развития геологических структур, эволюции ледников и т. д.

Высокая оценка профессорами Сорбонны результатов экспедиции В. А. Русанова способствовала его утверждению в новой роли. В письме А. П. Соколову от 17 апреля 1908 г. он сообщает: «Завтра я подпишу контракт и сделаюсь геологом французской полярной экспедиции...» [Русанов, 1945, с. 384]. В то время в Арктику на судне «Жак Картье» отправилась экспедиция Ш. Бенара. Однако она не внесла значительного вклада в изучение высших широт. В. А. Русанов же в глазах французских коллег зарекомендовал себя наилучшим

образом, и раздел книги Ш. Бенара о геологии Новой Земли [Benard, 1909], как отмечено автором, написан по результатам наблюдений В. А. Русанова. Выводы и разработки В. А. Русанова заинтересовали его учителя А. Лакруа, рекомендовавшего их для публикации в «Докладах Французской академии наук» [Русанов, 1945, с. 23]. Это было, несомненно, признание ученого мира, даже несмотря на все еще не сданный экзамен по геологии.

В 1909 г. В. А. Русанов был приглашен архангельским губернатором И. В. Сосновским участвовать в специально снаряженной экспедиции на Новую Землю. И. В. Сосновский разделял взгляды В. А. Русанова относительно проведения активной политики в области освоения севера России, он сам выступал с предложениями по освоению Северного острова Новой Земли, предлагал объявить Карское море внутренним русским морем, не боясь привлечь для решения государственных задач противников существующего строя. В этой экспедиции в полной мере проявились качества В. А. Русанова как руководителя, выступившего с обширной собственной программой в противовес официальной, и как исполнителя, заметно выделявшегося среди других участников.

В феврале 1910 г. общим собранием профессоров парижского Музея естественных наук по совокупности результатов Новоземельских экспедиций 1907—1909 гг. В. А. Русанов был представлен к награждению «Академическими пальмами» — специальной наградой Французской Республики для профессоров высших учебных заведений и ученых. Сам В. А. Русанов так прокомментировал это событие: «Я не придаю никакого значения всем этим внешним знакам отличия, но должен сознаться, что меня глубоко тронуло то внимание, с каким всегда ко мне относятся французы... Они меня ценят и любят больше, чем мои любезные соотечественники... Теперь меня ценят и в России, теперь ко мне относятся и там внимательно, но мне уже это не много льстит» [Там же, с. 385]. Разумеется, «любезные соотечественники» — это те, кто заставил жить его за рубежом.

В июле 1910 г. В. А. Русанов сдал наконец последний экзамен — геологию. А еще раньше, в мае, он получил предложение И. В. Сосновского занять пост начальника экспедиции «для обследования в течение июля и августа сего года северной части Новой Земли — от Ар-

хангельской губы до полуострова Адмиралтейства» [Там же, с. 39]. Однако и в этот раз при организации экспедиции у В. А. Русанова были собственные планы, что прежде всего отразилось на подборе участников. В частности, А. П. Смирнов, ранее служивший в Гидрографическом управлении, посчитал задачу по обходу Северного острова «слишком рискованной и неосуществимой» и отказался от участия в плавании. Его заменил штурман Г. И. Поспелов, начавший морскую службу на севере с 11 лет. Он и осуществил все планы В. А. Русанова, работая с ним рука об руку. В составе экспедиции был также М. М. Кругловский, командированный Минералогическим обществом. О нем В. А. Русанов в отчете сделал следующее примечание: «Мне неизвестно, были ли найдены какие-либо полезные ископаемые присоединившимся к экспедиции инженером Кругловским, равным образом я не осведомлен о характере и количестве собранных им палеонтологических материалов» [Там же, с. 159]. Большая часть участников экспедиции была представлена И. В. Сосновским к наградам.

В. А. Русанов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, его ближайший помощник ненец И. К. Вылка — медалью «За усердие» на Анненской ленте, капитан Г. И. Поспелов — той же медалью на Владимирской ленте и т. д. В представлении архангельского губернатора было особо отмечено за «заслугами начальника Новоземельской экспедиции геолога Русанова серьезное государственное значение...». Это означало, что благодаря очередной экспедиции В. А. Русанова Северный остров Новой Земли остался частью России.

В 1910 г. В. А. Русанов предпринял рекогносцировку ледовых условий в Карском море, тем самым начав работу по изучению возможности плавания по Северному морскому пути. Те же цели в основном ставил исследователь и в экспедиции 1911 г., во время обхода Южного острова на моторной лодке «Полярная». Как и предыдущие, эта экспедиция была организована на средства Главного управления земледелия и землеустройства. Правда, на этот раз она осуществлялась минимальными силами — численность персонала составила всего пять человек. Полученные результаты в значительной мере предопределили ход событий на будущий год, когда начались работы на Шпицбергене.

Как известно, первая русская экспедиция 1911 г. под руководством В. Ф. Држевецкого для восстановления былого русского влияния на архипелаге закончилась неудачей. В. А. Русанов писал, что «в истории полярных исследований, вообще изобилующих неудачами, едва ли найдется другая экспедиция, в такой степени безрезультатная, как эта» [Там же, с. 284]. По мнению В. М. Пасецкого, эта неудача «была признана правительственными кругами губительной для государственных интересов России» [Пасецкий, 1975, с. 175]. Потому они и обратились к В. А. Русанову с предложением возглавить экспедицию. Складывалась парадоксальная ситуация: ошибки, допущенные правящим режимом, должен был исправлять противник этого режима. Волей-неволей ему приходилось предоставлять полный карт-бланш на все действия, оставив без внимания то, что в составе экспедиции, выполнявшей секретное правительственное задание, оказались политически неблагонадежные (А. С. Кучин, Р. Л. Самойлович) и даже иностранные подданные (З. Ф. Сватош, Ж. Жан). В верхах даже отмахнулись от предупреждения В. А. Русанова использовать судно для того, чтобы «быстро двинуть вперед вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь» [Русанов, 1945, с. 287].

Появление в составе Шпицбергенской экспедиции Жюльетты Жан требует, видимо, особых пояснений, поскольку это важный личный момент в биографии исследователя. После смерти жены в письме от 6 марта 1906 г. В. А. Русанов писал матери: «Не беспокойся и не надейся — я никогда уже больше не женюсь» [Там же, с. 379]. Однако спустя пять лет, в феврале 1911 г., он делится со своими родными планами создания семьи и называет избранницу — Жюльетта Жан. В экспедиции 1910 г. ее имя В. А. Русанов присвоил леднику и бухте. Наконец, в письме от 16 марта 1911 г. он сообщает родным: «Я знаком с моей невестой четыре года... Ее знания являются для меня в высокой степени полезными и необходимыми... Научная важность нашего союза неопределима, громадна» [Там же, с. 387].

Участие Ж. Жан в Шпицбергенской экспедиции, тем более в те годы, вряд ли готовилось заранее. В. А. Русанов, уже побывавший в суровых условиях Арктики, знал, что для женщины это сопряжено с большим риском. Строя планы дальнейшей совместной жизни, он, несомненно, отговаривал ее. Но, поскольку

мы уже знаем состав экспедиции, можно лишь заключить, что уговоры действия на Жюльетту не возымели, а значит, желание разделить все опасности с любимым человеком оказалось сильнее.

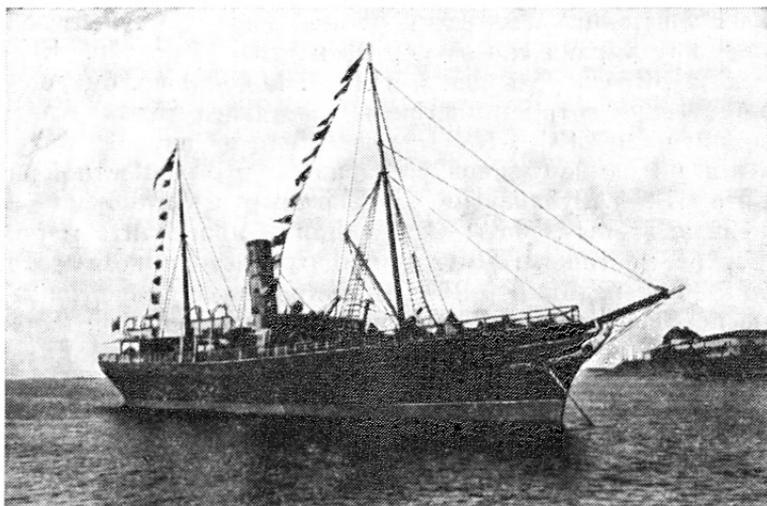
Воспоминания современников сохранили для нас облик исследователя накануне последней экспедиции. «При первом взгляде на Русанова,— писал много лет спустя известный полярник Н. В. Пинегин,— можно было принять его за молодого адвоката или чиновника — настолько типичны были его городская фигура в широком пальто и мягкой шляпе, его интеллигентская борода, галстук бабочкой и тросточка... Этот серьезный светловолосый человек успел показать себя настоящим полярником» [Пинегин, 1952, с. 77—78].

Известный архангельский краевед К. П. Гемп, в семье которой исследователь появлялся не раз, также отмечает элегантность В. А. Русанова, обходительность, остроумие, умение дискуссировать. В своих воспоминаниях его ближайший помощник И. К. Вылка особо останавливается на неприхотливости, смелости, неутомимости исследователя, т. е. на тех качествах, которые особенно ценятся в экспедициях. А еще В. А. Русанов любил русские песни и часто их напевал. Многие считали его удачливым за умение выходить из самых трудных положений, называли это даже второй натурой исследователя. И никто не думал, что может быть иначе...

Экспедиционные исследования

Новоземельская экспедиция 1907 г.

Существенную трудность для биографов В. А. Русанова представляет то, что после первой экспедиции, предпринятой им в 1907 г. на Новую Землю, он не оставил никаких записей. Неясно, например, планировалась ли эта экспедиция именно на Новую Землю, или же идея посетить острова возникла уже в Архангельске, когда выяснились возможности с транспортом. Во всяком случае, в письмах В. А. Русанова накануне экспедиции район предстоящих исследований намечен им весьма приблизительно (30 марта — «начинаю подготавливаться к своей экскурсии на дикий Север»), а чуть ранее в том же письме узнаем о цели поездки: «Мне надо

**«Королева Ольга Константиновна» — судно, совершавшее рейсы на Новую Землю
(фото из Архангельского областного архива)**

сделать хоть маленькую предварительную геологическую экскурсию, чтобы познакомиться и собрать материал для своей будущей докторской диссертации» [Русанов, 1945, с. 382]. Так или иначе, но Новая Земля впервые в письмах В. А. Русанова названа лишь 8 июля: «Через день большой прекрасный пароход унесет меня в Ледовитый океан, на край света, на Новую Землю» [Там же].

Отметим, что планируемую поездку он называл экскурсией и только спустя четыре года — экспедицией. «Летом 1907 года я организовал на собственные средства первую экспедицию» [Там же, с. 262]. На наш взгляд, такая переоценка справедлива, ибо эта экспедиция заняла достойное место в ряду последующих и как первая многое определила на будущее. Говоря современным языком, это были ограниченные полевые работы, выполненные небольшим отрядом. И. К. Вьлка писал: «Русанов с Молчановым ходили по проливу Маточкин Шар на Карскую сторону. Проводником у них был Ефим Хатанзей» [Казаков, 1983, с. 157]. По-видимому, в той обстановке и конкретная цель исследований, и выбор спутников определялись на месте. В письме от 8 июля В. А. Русанов писал: «Со мной едет но-

вый товарищ, очень симпатичный парень, студент-зоолог из Харьковского университета» [Русанов, 1945, с. 382]. Здесь речь идет о Л. А. Молчанове, будущем профессоре, сотруднике Среднеазиатского филиала Академии наук СССР. На Новой Земле он изучал жизнь птиц, но, самое главное, составил отчет о совместной работе с В. А. Русановым, что позволило восстановить основные этапы работы экспедиции и проследить маршрут на местности. Другим важным источником сведений об экспедиции 1907 г. является глава из биографического очерка в сборнике работ В. А. Русанова, написанная С. П. Петросовым. Он использовал ряд материалов, которые больше нигде не встречаются в литературе, причем по многим признакам весьма надежных. По обоим источникам, основные события развивались следующим образом.

10 июля грузо-пассажирское судно «Королева Ольга Константиновна» вышло в рейс из Архангельска, и уже через двое суток показались горы Новой Земли. Судно заходило в становища в губе Белушьей и в Малые Кармакулы, где В. А. Русанов осматривал окрестности. Позже в его работах появятся указания на наличие здесь торфяников. Поскольку в современных условиях торфа в Арктике не формируются, это важное наблюдение позволяет судить о состоянии природной среды в прошлом, особенно в голоцене.

Далее судно направлялось в пролив Маточкин Шар. Еще А. Э. Норденшельд отмечал: «Более обстоятельное изучение геологического строения Новой Земли необходимо начать с означенного пролива... так как единственно в этих местах представляется возможность получить полную профиль страны от востока к западу» [Норденшельд, 1880, с. 22]. Таким образом, выбор В. А. Русановым для своих исследований Маточкина Шара не случаен.

16 июля «Королева Ольга Константиновна» бросила якорь в Поморской губе у западного входа в Маточкин Шар. В отчете Л. А. Молчанова читаем: «Здесь же сошел с парохода и студент Парижского университета В. А. Русанов, наметивший себе местом геологических исследований берега Маточкина Шара. Решено было отправиться в поездку по Шару вместе» [Молчанов, 1908, с. 15]. Четыре дня разбирали имущество, искали проводника, совершали экскурсии по окрестностям, вплоть до реки Песчанки.

«21-го утром, — писал далее Л. А. Молчанов, — отправились по Шару на восток на нанятом карбасе с проводником Ефимом Хатанзеем. Во время поездки погода была довольно ясная, дождь шел сравнительно редко; почти каждый день был сильный восточный ветер... Делались остановки на несколько дней у реки Гусиной, против ледника Третьякова, близ устья речки Бычковой и наконец у Переузья, самого узкого места пролива, верстах в 30 от Карского моря. Дальше ехать не было возможности. Льдины, нагоняемые постоянным восточным ветром, совершенно заполнили Шар к востоку от Переузья» [Там же, с. 15—16].

Тогда же В. А. Русанов сделал очень важный вывод: «В 1907 году я впервые установил общее отступление ледников на Новой Земле» [Русанов, 1945, с. 227]. К сожалению, установить, какие объекты еще, кроме двух ледников — Третьякова и Менделеева (точнее, Молчанова), послужили основанием для такого вывода, не удастся. Между тем для гляциологов этот вопрос имеет большое значение.

У С. П. Петросова находим описание трехдневной стоянки в устье Гусиной. Однако на современной карте реки с таким названием нет. К счастью, опубликованная карта-схема В. А. Русанова [Там же, с. 269] позволяет отождествить эту реку с Епишкиной на современных картах, устье которой располагается в 25 км от Поморской губы. С. П. Петросов писал, что В. А. Русанов проводил какие-то маршруты в окрестностях стоянки, но подробностей не сообщал. Однако сам В. А. Русанов отметил, что долина реки Серебрянки, протекавшей поблизости, прослежена им на расстоянии 45 км. За рекой же находится хребет Митюшов Камень с многочисленными ледниками. Хотя В. А. Русанов не упоминает этот хребет, понятно, что описанные им за Серебрянкой ледники приурочены именно к Митюшову Камню. Окончательную ясность вносят иллюстрации к статье В. А. Русанова, опубликованной в 1921 г., уже после гибели исследователя, под редакцией профессора Ш. Велена. На фото № 9 изображен ледник, который достаточно хорошо отождествляется с ледником Кольцова (№ 386 по Каталогу ледников Новой Земли). Причем и его описание подтверждает такой вывод. (При переводе статьи в сборнике работ исследователя допущена ошибка — местоположение ледника указано не на Северном, а на Южном острове Новой Земли.) Нако-

нец, истоки ледника Кольцова видны на фото № 13, причем снимок сделан в направлении верховий ледника Гордеева (№ 385). Об этом тоже свидетельствует сравнение с картой. Со всей очевидностью мы можем теперь утверждать, что трехдневная стоянка в устье реки Гусиной (Епишкиной) была использована В. А. Русановым для изучения долины Серебрянки и ледников Мишюшова Камня.

Следующая остановка была сделана на южном берегу пролива (по Л. А. Молчанову, «против ледника Третьякова»), т. е. в 15 км от первой стоянки. В работах В. А. Русанова этому леднику уделено чрезвычайно много внимания [Там же, с. 228, 273, 274 и др.]. Видимо, отсюда он совершил подъем на гору Вильчека (сейчас пик Седова). Скорее всего, из того же лагеря был посещен и ледник Велена, наблюдения над которым сыграли важную роль в формировании взглядов В. А. Русанова на развитие оледенения Новой Земли.

Судя по схеме В. А. Русанова, этот ледник располагался на южном берегу Маточкина Шара, неподалеку от мыса Журавлева. При этом его конечно-моренный комплекс находится вблизи моря, но выше серии четких древних морских террас. Указанным признакам отвечают ледники № 666 и 667 по Каталогу ледников Новой Земли, расположенные поблизости. Один из них в 1901 г. А. А. Борисовым был назван в честь художника В. М. Васнецова (о чем В. А. Русанов, вероятно, не знал).

К сожалению, уверенно отождествить речку Бычковую с каким-либо современным топонимом не удалось. Однако на полпути между второй стоянкой и Переузьем находится долина речки Шалоник, не исключено, что в отчете Л. А. Молчанова говорится именно о ней. Во всяком случае, неясности в положении третьей стоянки в описываемом маршруте не имеют существенного значения для привязки важных объектов научных наблюдений. Можно лишь точно утверждать, что четвертая стоянка, у Переузья, располагалась на северном берегу Маточкина Шара, так как от нее все участники похода, оставив карбас и палатку, отправились к Карскому морю пешком из-за неблагоприятных ледовых условий в проливе.

Восстановление дальнейшего маршрута 1907 г. связано с положением ледника Менделеева, о котором В. А. Русанов писал следующее: «Лучшим примером

прибрежного ледника может служить ледник, открытый мной в июне 1909 года на северном берегу Маточкина Шара, в 7 километрах выше мыса Узкого. Я дал этому леднику имя сопровождавшего меня в этих исследованиях зоолога А. Менделеева» [Там же, с. 270]. В этом отрывке французские редакторы допустили две ошибки. Во-первых, перепутаны русские фамилии Молчанова и Менделеева (поскольку В. А. Русанов сопровождал именно Л. А. Молчанов, то его имя и было присвоено леднику). Во-вторых, в июне 1909 г. В. А. Русанов готовился к очередной экспедиции в Архангельске и после 1907 г. он вообще в районе «в 7 километрах выше мыса Узкого» не появлялся.

С учетом указанных обстоятельств события после четвертой стоянки развивались так: В середине августа, когда небольшой отряд находился всего в 40 км от цели, пролив был блокирован льдом. Позади осталось 60 км пути. С приближением осени выход к Карскому морю оказался делом проблематичным. Тогда В. А. Русанов и его спутники решили оставить карбас с частью коллекций в Переузье и дальше идти на восток пешком в обход Белужьей губы. К куту этого залива можно было выйти либо вдоль берега (более 30 км от мыса Узкого), либо напрямую по долине одного из ручьев, получившего в 50-х годах название Халькопиритовый. Последний путь был значительно короче — всего 17 км.

С. П. Петросов писал: «Открылась широкая долина, по которой они медленно пошли вперед... Впереди показалась полоска воды — это была Белужья губа» [Там же, с. 24]. В отчете же Л. А. Молчанова нигде не говорится, что обходили по берегу.

В. А. Русанов и С. П. Петросов упоминают о находке здесь медного колчедана (халькопирита) — очевидно, маршрут проходил по долине одноименного ручья. Как раз в этой долине, в 7 км от мыса Узкого, и находится ледник, получивший в 50-х годах название Святогор (№ 348 по Каталогу ледников Новой Земли). Особенности его морфологии, ориентировка, положение относительно ручья полностью совпадают с описанием В. А. Русанова ледника Молчанова.

15 августа, обойдя кут Белужьей губы, путники устроились на отдых в чуме. Следующая ночевка была в устье речки Гольцовой (по Л. А. Молчанову), в маленькой курной избушке. На всем пространстве от Бе-

лужьей губы до мыса Выходного встретился единственный крупный поток — ручей Ночуев. Возможно, он был назван так в связи с ночевкой в избушке, стоявшей рядом. В 1923 г. недалеко от этих мест была выстроена полярная обсерватория Маточкин Шар.

17 августа участники перехода достигли мыса Выходного, Л. А. Молчанов отметил в своем отчете: «У берега был сплошной лед, на горизонте была видна полоса чистой воды; к северу льда было гораздо меньше, чем к югу» [Молчанов, 1908, с. 16]. Такая картина распределения льдов наблюдалась и участниками экспедиции на «Бельгике» — судне герцога Орлеанского, которое в начале июля прошло Маточкиным Шаром, попало в дрейф льдов и примерно через две недели было вынесено в Карские Ворота.

В тот же день В. А. Русанов и Л. А. Молчанов, охотясь на оленей, пришли в губу Мелкую (залив Канкринна), где и заночевали. На следующий день они уже вернулись в Тюлений залив (Белужья губа), очевидно сократив путь по долине реки, впадающей в залив Канкринна с юго-запада (этим путем позже пользовались зимовщики обсерватории Маточкин Шар) [Кузнецов, 1967]. Там их ожидал Е. Хатанзей со своим карбасом. Вечером 18 августа они присоединились к промышленникам, которые собирались возвращаться в Поморскую губу, а 20-го все вместе были у Переузья, откуда В. А. Русанову и Л. А. Молчанову пришлось вновь возвращаться к куту губы Белужьей за шкурами медведей, убитых ими еще 14 августа. Сильные встречные ветры задержали дальнейшее продвижение на запад до 22 августа, но и в тот день удалось пройти очень мало. 23-го начался шторм, сломавший мачту на карбасе. Пришлось становиться лагерем на южном берегу на подходах к мысу Моржовому. Шторм продолжал бушевать еще несколько дней. Л. А. Молчанов считал, что это была местная бора. Ветром сбрасывало камни с горных вершин, и они с грохотом скатывались вниз.

Только 25 августа, когда ветер стал стихать, решено было продолжить движение к западу бичевой. В конце дня сделали стоянку у «Крестов», а 26-го добрались до Поморской губы. Здесь почти до прихода судна «Королева Ольга Константиновна» 10 сентября стояла плохая погода, мешавшая проведению экскурсий, удалось совершить лишь два коротких пеших выхода.

Несмотря на довольно скромные результаты последних наблюдений, в целом экспедиция В. А. Русанова сыграла важную роль не только в становлении его как полярного исследователя. Наблюдения на Новой Земле позволили ему сделать вывод об отступании ледников, опровергавший широко распространенное в то время представление известного геолога (с 1909 г. академика) Ф. Н. Чернышева о том, что ледники наступают.

Новоземельская экспедиция 1908 г.

17 апреля 1908 г. В. А. Русанов писал отчиму: «Завтра я подпишу контракт и сделаюсь геологом французской полярной экспедиции... Судно „Жак Картье“ отправляется более чем для годового путешествия в Северный Ледовитый океан и для исследования Новой Земли... Полагаю, что... 1) эта экспедиция будет для меня чрезвычайно полезна в научном отношении, 2) превосходна для изучения языка, 3) интересна, так как нет спутников более живых и веселых, чем французы, 4) выгодна в материальном отношении» [Русанов, 1945, с. 384]. Из письма к родным В. А. Русанова от 8 мая того же года становится ясно, чем привлекла его кандидатура организаторов экспедиции: «У меня уже настолько есть опытности и знания местных условий, что фактически я буду руководить сухопутными экскурсиями и буду единственным посредником с самоедами» [Там же]. Поэтому ниже будут рассматриваться лишь те события, которые связаны с деятельностью В. А. Русанова.

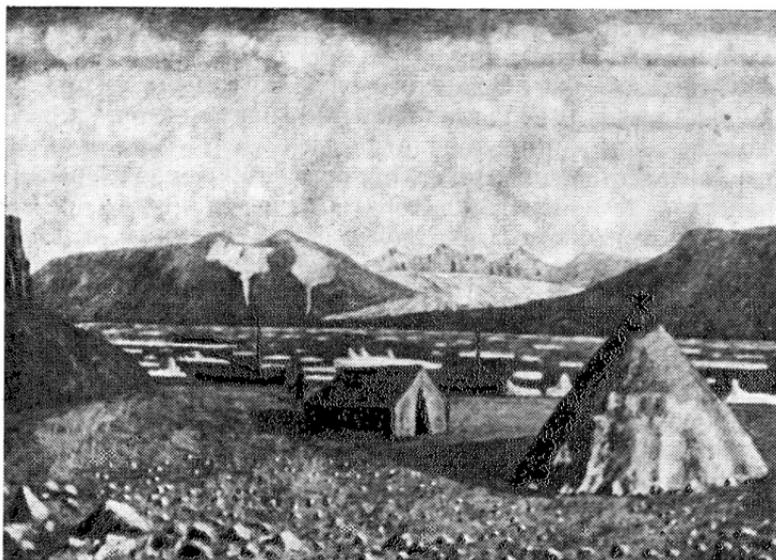
Участников экспедиции, снаряженной Ш. Бенаром, В. А. Русанов настиг уже в Белушьей губе 25 июля, с очередным рейсом «Королевы Ольги Константиновны» из Архангельска. Однако роль В. А. Русанова в предстоявшем путешествии оказалась несколько скромнее, чем он предполагал, — начальником отряда по Северному острову был назначен врач ВМС Франции Кандиотти. Да и все члены экспедиции были в основном из военных моряков. Программой работ предусматривалось: прибыть в Маточкин Шар попутным рейсом «Королевы Ольги Константиновны», остановиться в становище и договориться с ненцами о помощи; обследовать прилегающую местность и, достигнув Карского побережья, пройти дальше, к северу, в поисках мес-

та, наиболее подходящего для пересечения Северного острова. В случае тяжелых ледовых условий в Карском море предполагалось пересечь остров со стороны Баренцева моря. Возвратиться отряд должен был на попутном русском судне, а затем присоединиться к экспедиции в норвежском порту Хаммерфест. В состав отряда, помимо доктора Кандиотти и В. А. Русанова, были включены еще два француза и два ненца-проводника. Дальнейшие события, судя по рапорту Кандиотти (описания маршрута В. А. Русанов не оставил), развивались следующим образом.

Плавание «Королевы Ольги Константиновны» было задержано туманом, и судно подошло к становищу Маточкин Шар лишь 30 июля. На следующий день имущество отряда было доставлено на берег, а люди разместились в доме художника А. А. Борисова. Сразу же после высадки из пролива задула бора, и настолько сильная, что палатки поставить не удалось. Ненцы Константин Вылка и Митрофан Хатанзей приняли настолько активное участие в обсуждении планов отряда, что доктор Кандиотти отметил в отчете: «Мы были вынуждены оставаться в стороне» [Benard, 1909, с. 121]. В итоге проводники предложили идти по Карскому морю к Незнаемому заливу. Было решено выступать в первый же погожий день по мере готовности карбасов.

5 августа доктор Кандиотти и В. А. Русанов, который, видимо, исполнял обязанности эксперта и переводчика, вместе с 32 упряжными собаками, сетями и прочим снаряжением разместились в карбасе К. Вылки, остальные — в карбасе М. Хатанзея. Карбасы сильно текли, по ненцы заверили, что особой опасности течь не представляет. Только отчалили, как снова задул сильный встречный ветер, пришлось пристать к ближайшему берегу. Поскольку парус на карбасе М. Хатанзея был рваным, решили шить новый. В путь тронулись только 8 августа и после 17-часового плавания достигли двух крестов (на одном из них дата — 1895). 10 августа были в устье реки Гусиной (Епишкиной), а на следующий день — у мыса Морозова.

12 августа опять усилился ветер. В. А. Русанов с одним из спутников использовал вынужденную стоянку для восхождения на гору Вильчека. Лишь 14 августа отряд наконец добрался до Белужьей губы. Охота и ремонт карбасов задержали до 18 августа, но зато за один переход удалось добраться до Карского моря,

Лагерь экспедиции в заливе Незнаемом. На заднем плане — ледник Краснова
(фото с картины И. К. Вылки)

встав на ночевку немного севернее залива Канкриня. Следующая стоянка была в двух милях севернее устья ручья Носилова (в отчете доктора Кандиотти ошибочно — Набокова), где отряд на несколько дней был задержан непогодой и туманом. Доктор Кандиотти и В. А. Русанов совершили экскурсию к небольшим, видимо реликтовым, озерам, но каких-либо ссылок на результаты наблюдений в этом маршруте в литературе нет.

22 августа туман разошелся и с окрестных холмов вдали за заливом Чекина обозначился синеватый контур гор в окрестностях залива Незнаемого — цели плавания. На следующий день вышли с попутным ветром, и, хотя к вечеру он усилился настолько, что пришлось спускать паруса, все же на исходе дня карбасы достигли залива. Незнаемый встретил путешественников совсем негостеприимно — сильный встречный ветер, снова, скорее всего, бора, но на этот раз с запада, мешал неуклюжим карбасам подойти к самому куту. Хотя на плато в устье залива снега еще не было, горы в глубине Новой Земли были уже в снегу. Суровый пейзаж в лучах низкого солнца накануне наступления зимы показался доктору Кандиотти плохим предзнаменованием,

И действительно, множество испытаний обрушилось на путешественников. Французские палатки не были рассчитаны на новоземельские ветры, то и дело их приходилось чинить, а когда палатки срывало — спать на земле, завернувшись в полотнища.

25 августа пошел снег, лагуны замерзли, ветер свирепствовал. В отчете доктора Кандиотти ничего не говорится о реакции В. А. Русанова на ситуацию, в которой оказался отряд и с которой французы столкнулись впервые. Для В. А. Русанова это были нормальные экспедиционные будни, хотя, конечно, обстановка не могла его не тревожить: ведь чтобы одолеть залив Незнаемый длиной около 40 км при встречной боре, понадобилось четверо суток практически в условиях наступавшей зимы! Наконец 27 августа переход закончился в небольшой бухте, названной из-за обилия лосося Гольцовой.

Со всех сторон стоянку обступали горы с ледниками, и лишь на запад, в глубь Северного острова, протягивались три долины, по одной из которых и следовало попытаться выйти к Баренцеву морю. День 28 августа, облачный и ветреный, прошел в рекогносцировках, которые должны были показать, реальна ли поставленная задача, удастся ли пересечь Северный остров, что ожидает людей в маршруте. Наиболее удобной для передвижения была средняя долина, хотя ее и перегораживал ледник (видимо, № 301 по Каталогу ледников Новой Земли). Легкий морозец, ночью до -3°C , не помешал В. А. Русанову приступить к геологическим изысканиям, увенчавшимся крупным успехом. Он обнаружил небольшое обнажение с ископаемой фауной *Orthoceras* и *Cyrtoceras*, позволившее уверенно характеризовать условия формирования слагающей толщи в силуре. Позднее, в 30-х годах это обнажение уже не находили: возможно, оно оказалось скрытым плащом рыхлых пород или было разрушено абразией, поэтому стоит привести описание его местоположения, сделанное В. А. Русановым: «Оно находится в глубине залива Незнаемый, на юго-восток от бухты Гольцовой. На холме, отшлифованном движением льда и эрратических валунов (отторженцев), в непосредственном соседстве с диабазовым массивом, сохранившимся после ледников, находится небольшая антиклиналь, сложенная из выветренных сланцев. Там я нашел все виды цефалопод палеозоя (*Orthoceras* и др.).»

Это месторождение со скоплениями ископаемых не превышает 30—40 метров в ширину. Ископаемые, попадая в воду бухты, разрушаются волнами. Даже на небольшом расстоянии от выходов этих пород ничто не напоминает о богатстве месторождения ископаемой фауны». [Русанов, 1945, с. 226—227]. В частности, именно в этом месторождении был обнаружен новый вид ископаемых — *Caroceras*. (семейство *Cyrtoceratides*). Это было важным событием для палеонтологической характеристики Новой Земли и восстановления палеогеографических связей в палеозое с другими территориями (в частности, с породами того же возраста в Средней Европе). Отметим, что результаты наблюдений на этом обнажении явились основой для первой публикации в «Докладах Французской академии наук».

29 августа хотя и потеплело до $+1^{\circ}\text{C}$, но ветер и низкая облачность не позволили начать главный маршрут. О своем участии в нем В. А. Русанов писал так: «Поподобилось дойти до Крестовой губы, чтобы видеть поперечные разрезы горных пород на возможно большем протяжении» [Там же, с. 121].

Ранним утром 30 августа участники маршрута стали готовиться к выходу. С собой взяли примус и кастрюлю, две коробки с провиантом, вместо палатки кусок брезента, а также другое снаряжение. Маршрутную группу должен был сопровождать с собачьей упряжкой М. Хатанзей. К. Вылка, накануне повредив ногу, смог дойти только до ледника. Выйдя в 6 ч несколькими группами, участники перехода собрались на моренах ближайшего ледника. Первый снежок даже не покрывал камней и не мешал движению. Однако, когда стали преодолевать водные потоки и топкую тундру, выяснилось, что обувь явно оставляла желать лучшего. В ней же предстояло подниматься и по леднику, который своей неровной поверхностью спускался к озерам. (Позже В. А. Русанов назовет этот ледник в честь адмирала Жерве.)

На леднике уже царствовала зима. Порывы ветра с характерным шелестом волокли клубы поземки, оседавшей искрящимися снежинками на одежде людей и шерсти собак. Стали попадаться трещины, на их обход уходило много времени. Когда по анероиду достигли высоты 350 м, то увидели, что к Баренцеву морю спускается еще один ледниковый язык, названный В. А. Русановым в честь адмирала Макарова, погибше-

го за четыре года до описываемых событий на русско-японской войне.

Таким образом, выяснилось, что ледораздел обоих ледников совпадает с главным водоразделом острова. Во время перехода в бассейн Баренцева моря путешественников поджидал неприятный сюрприз: ледник Макарова, правым краем упираясь в горный отрог, обрывался 50-метровой стеной к потоку, стекавшему в Крестовую губу. Почти все участники похода с трудом одолели это препятствие, но М. Хатанзею с его собачьей упряжкой пришлось остаться на леднике. В дальнейшем участники маршрута могли рассчитывать только на собственные силы. Это существенно ограничивало их во времени, лишало возможности проводить по пути серьезные научные наблюдения. Путь к Баренцеву морю теперь был обозначен темной долиной (в отличие от Карской стороны, свободной от снега) шириной до 3 км, по дну которой текла река Крестовая, впадавшая в одноименную губу. По северному борту долины можно было насчитать пять ледников, по южному — только два, остальные скрывал кругой поворот. С ледника было видно, как по побережью Баренцева моря ходят полосы тумана, ухудшая видимость и мешая наблюдениям.

Стала сгущаться облачность. Так как после спуска по леднику продвигаться по топкому, кое-где покрытому льдом днищу долины было трудно, решили идти по ее левому, довольно крутому борту. Однако здесь путешественников подстерегали камнепады, поэтому шли быстро, без отдыха. Такой темп стал постепенно сказываться — отряд растягивался, люди начали отставать. К берегу губы Крестовой вышел только один В. А. Русанов. На обратный путь к леднику Макарова вместо шести часов ушло всего четыре: возвращались уже по знакомому пути. Еще час занял подъем на ледник, где их ожидал М. Хатанзей. Здесь была сделана остановка для двухчасового отдыха, который на ветру и холоде приносил, пожалуй, больше страданий. У некоторых началась «снежная слепота». Лишь в 2 ч ночи 31 августа участники маршрута увидели свои палатки на берегу бухты Гольцовой. Поставленная задача была выполнена.

Пересечение Северного острова Новой Земли показало, что его средняя часть занята горными ледниками, где-то севернее перерастающими в сплошной ледни-

Отряд доктора Кандиотти. Слева направо: В. А. Русанов, инженер Деламар, доктор Кандиотти, курсант Непве (фото З. З. Виноградова; из фондов Дома-музея В. А. Русанова)

ковый покров, а заливы-фиорды Карского и Баренцева морей довольно близко подходят друг к другу своими верховьями, причем территория между ними доступна для маршрутных исследований. Для первой рекогносцировки результаты маршрута были вполне удовлетворительными.

Даже кратковременное пребывание на ледниках убедило участников экспедиции, сколь чревато наступление полярной зимы. Поэтому уже 1 сентября, пользуясь попутным северо-западным ветром (снова бора?), отряд покинул лагерь в бухте Гольцовой. Всего за один переход одолел он залив Незнаемый и 2 сентября достиг залива Чекина. Однако из-за ветра 3 сентября пришлось провести на стоянке, даже несмотря на угрозу льдов, приближавшихся с севера. Короткая экскурсия на плато показала, что между заливами Чекина и Незнаемым оно сложено преимущественно сланцами.

4 сентября отряд продолжил плавание, и очередная стоянка была сделана снова севернее устья ручья Носилова, у входа в залив Чекина. Непогода задержала путешественников почти на неделю, до 11 сентября. Причем перед выходом в море карбас К. Вылки был

выброшен волнением на берег. В глубине острова ветер гнал клубы снега по горным гребням. В снежных зарядах оба карбаса вошли в Маточкин Шар, предприняв очередную стоянку в Тюленьем заливе (Белужья губа). 13 сентября достигли мыса Морозова, а еще сутки спустя были у становища, встретив дружественный прием его обитателей. Практически поход на этом закончился.

Задержавшись на переходе, отряд доктора Кандиотти мог подвергнуться суровым испытаниям. Уже 17 сентября замерзла река Маточка. В. А. Русанов старался продолжать экскурсии в окрестностях и даже, как сказано в рапорте доктора Кандиотти, обнаружил месторождение угля — очевидно, речь идет об очередных фрагментах лигнитов. 27 сентября путешественники оставили берега Новой Земли.

Несмотря на неблагоприятные погодные условия, в экспедиции 1908 г. В. А. Русанов сделал довольно много, что нашло свое отражение по крайней мере в двух публикациях: в научном отчете начальнику экспедиции (опубликованном Ш. Бепаром в 1909 г. в своей книге со ссылкой на авторство В. А. Русанова) и в первой публикации в «Докладах Французской академии наук». Эта экспедиция ознаменовалась для В. А. Русанова признанием со стороны его коллег и преподавателей Сорбонны. В свою очередь, такое признание за рубежом стало своеобразной рекомендацией для официальных русских властей. Это обстоятельство и определило в дальнейшем деятельность В. А. Русанова именно в русских экспедициях, где его талант исследователя, прошедший, что называется, «огранку» в одном из авторитетнейших учебных заведений мира, раскрылся во всем своем блеске.

Новоземельская экспедиция 1909 г.

Приглашение В. А. Русанову для участия в экспедиции 1909 г. было направлено архангельским губернатором И. В. Сосновским. Хотя начальником экспедиции был назначен ссыльный Ю. В. Крамер, инженер по образованию, архангельские власти в период подготовки экспедиции неоднократно запрашивали мнение В. А. Русанова по тем или иным вопросам. В частности, в мае 1909 г. он изложил свою точку зрения на план

исследований: «Если Крестовая губа будет признана подходящей для устройства в ней нового становища, то я считаю безусловно необходимым пополнить предложенный мной (выделено мной.— В. К.) и принятый губернатором план исследований одним новым и очень существенным пунктом... Задачей нашей экспедиции должно быть: исследование западного побережья до полуострова Адмиралтейства¹; исследование Крестовой губы и переход в Незнаемый залив» [Русанов, 1945, с. 34]. Позже пресса утверждала, что «план экспедиции был разработан В. А. Русановым». В экспедиции приняли также участие фотограф-любитель А. А. Быков, ботаник и препаратор К. А. Лоренц, младший чиновник для особых поручений архангельского губернатора П. А. Галахов. Ю. В. Крамер, помимо руководства экспедицией, должен был исполнять обязанности метеоролога и топографа, а В. А. Русанов — геолога.

4 июля «Королева Ольга Константиновна» покинула Архангельск и 9 июля бросила якорь в Крестовой губе, зайдя по пути в Маточкин Шар. Здесь состав экспедиции пополнился ненцами Санко Вылкой и Тыко (Илья) Вылкой с двумя нартами, упряженными 28 собаками. Правда, опыт предшествующей экспедиции показал, что собачьи упряжки в летнее время малопригодны.

Место для высадки в Крестовой губе, получившее название бухты Сосновского, оказалось удобным для экспедиционного лагеря. Во-первых, бухта была защищена от морских волн, во-вторых, путники не испытывали недостатка в пресной воде и плавнике. На следующий день погода испортилась. Почти вдвое суток шел снег с дождем при сильном северном ветре. 12 июля появилась возможность для экскурсий по окрестностям лагеря. Во время одной из них В. А. Русанов обнаружил куски лигнита из четвертичных отложений. Эта находка была очень важной, так как позволяла надеяться на местные источники топлива в будущем. Еще через день Ю. В. Крамер и А. А. Быков приступили к фотографметрической съемке. Правда, начавшаяся бора

¹ В воспоминаниях И. К. Вылки говорится: «Мы пошли на шлючке до полуострова Адмиралтейства, шли на веслах, трудности нас одолевали, и пришлось вернуться назад в Крестовую губу» [Казаков, 1983, с. 158]. Как следует из приведенного письма В. А. Русанова, такое возвращение планировалось заранее, а не было вынужденным.

очень осложняла работу: штативы инструментов под напором ветра сильно выбрировали.

15 июля Ю. В. Крамер выполнил рекогносцировку Становой горы, расположенной к северу от лагеря. Оказалось, что от кута губы в глубь острова шли три долины. В тот же день западнее бухты Сосновского В. А. Русанов обнаружил отложения морского палеозоя, судя по ископаемой фауне *productides* — каменноугольного возраста, т. е. значительно более молодые, чем в окрестностях бухты Гольцовой.

18 июля Ю. В. Крамер и В. А. Русанов попытались подняться по западному, подветренному склону горы Становой, но уперлись в непроходимые осыпи у подножия неприступных обрывов. Лишь на следующий день Ю. В. Крамер с И. К. Вылкой наконец взобрались на вершину Становой, откуда «вся губа видна до мельчайших подробностей» [Там же, с. 114], и выполнили необходимые наблюдения астролябией на базисе фотограмметрической съемки.

В. А. Русанов тем временем готовился к походу морем на полуостров Адмиралтейства. «Шлюпка, в которой ему предстояло плыть, была старая, сильно сгнившая, порядочно текла, и вдобавок у нее был разбит киль в носовой части. Но выбора не было... Шлюпку законопатили и засмолили во второй раз, а для крепости набили на киль, поломанный у носа, железный полоз от саней» [Там же]. Подняв паруса, шлюпка ушла в океан после дружеского, теплого прощания. Накануне в губу Крестовую зашли пароход «Николай» и парусно-моторное судно «Дмитрий Солунский», принадлежавшее архангельскому рыбопромышленнику Д. Н. Масленникову. Разумеется, тогда В. А. Русанов не мог и предполагать, что именно на «Дмитрии Солунском» на будущий год ему предстоит сделать то, что еще не удавалось ни одной русской экспедиции.

Четверо оставшихся путешественников совершали экскурсии из лагеря в бухту Сосновского. 23 июля провели разведку средней из трех долин, уводивших к Карскому морю. С 24 по 27 июля посетили развалины зимовья А. К. Цивольки в Мелкой губе. А. А. Быков вместе с Ю. В. Крамером выполнили фотограмметрическую съемку со Становой горы (результаты этих работ не публиковались). Основные усилия группы были сосредоточены на рекогносцировках в глубь острова, но успеха они не принесли: удобного прохода к

В окрестностях Крестовой губы. На заднем плане — ледник
Благодать
(фото А. А. Быкова; из фондов Архангельского краеведческого
музея)

Карскому морю не нашли. Какие-то надежды оставались только на южную долину...

Маршрут В. А. Русанова к полуострову Адмиралтейства и обратно, проходивший в те же сроки, был гораздо напряженнее и, главное, результативнее. Через несколько часов после выхода из бухты Сосновского, у мыса Прокофьева, был обнаружен домик норвежских промышленников, незаконно охотившихся на Новой Земле. Во время переговоров с ними И. К. Вылка выступал в качестве переводчика. В. А. Русанов особо отметил в отчете: «Печальная картина на русской земле! Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы» [Там же, с. 114].

23 июля шлюпка на веслах и под парусами вошла в бухту Южную Сульменева. Здесь остановились на отдых, на противоположном берегу грохотал непрерывно ледник, В. А. Русанов назвал его за это Шумным².

² Позже И. К. Вылка отмечал: «Теперь ледник не доходит до воды примерно на два метра, и толща льда уже не та»

На следующий день из-за сильного ветра В. А. Русанов и его спутники перебрались в губу Северную Сульменева и расположились на стоянку у мыса Степового. 25 июля начал дуть попутный ветер. Стараясь не упустить этой возможности, В. А. Русанов, несмотря на туман и волнение, утром следующего дня высадился на полуострове Адмиралтейства. Теперь можно было не спеша, уделяя большую часть времени наблюдениям, продвигаться к лагерю в Крестовой губе.

От места высадки на мысе Спидвель, где, судя по экспедиционному отчету, была сделана только кратковременная остановка для отдыха, отряд морем достиг залива Садовского, откуда «26, 27 и 28 июля В. А. Русанов делал экскурсии на горы, прилегающие к полуострову Адмиралтейства, и в глубь острова» [Там же, с. 115] Новой Земли.

Видимо, интерес исследователя к этому району не случаен: ведь три столетия назад корабли В. Баренца прошли проливом между полуостровом Адмиралтейства (он был тогда островом!) и Северным островом Новой Земли. Здесь было над чем поломать голову, тем более что последние наблюдения в этом районе были выполнены Ф. П. Литке в 1823 г. и П. К. Пахтусовым в 1835 г., которые и описали превращение острова в полуостров. К разгадке этого события В. А. Русанов вплотную подошел спустя год, но, несомненно, какой-то материал был им уже предварительно получен.

В свою очередь, потомкам В. А. Русанов также оставил небольшую загадку в виде ледника, панесенного им на карту посреди полуострова Адмиралтейства, где ледников вообще быть не должно. Можно предполагать, что исследователя в те дни подвели непогода и скверные условия видимости (туман), из-за чего он принял за ледник просто скопление снега...

28 июля отряд В. А. Русанова был уже в Машигиной губе. Судя по отчетной карте экспедиции, стоянка отряда разместилась в небольшой бухте восточнее мыса Борисова. Отсюда шлюпочный маршрут продолжался на восток, за так называемую Машигину Ледянку, где «был обнаружен сравнительно узкий, около одной версты шириной, но, судя по плавающим льдинам, очень глубокий и доступный для самых больших судов

каю, как 50 лет назад» (Правда Севера, 1957, 10 февр.). Ныне ледник не оправдывает свое название, так как не образует айсбергов.

проход, ведущий в обширный залив, на картах совершенно не обозначенный и глубоко, на 20 верст, врезающийся по направлению к востоку внутрь острова» [Там же, с. 16]. Действительно, еще в 1839 г. С. А. Мойсеев и в 1901 г. В. Н. Вебер на месте пролива отмечали ледник. Следовательно, открытие В. А. Русанова подтверждало его вывод об отступании ледников Новой Земли, сделанный во время экспедиции 1907 г. Результаты наблюдений в Машигиной губе важны по крайней мере по двум причинам: во-первых, появилась возможность объяснить расхождение во взглядах с Ф. Н. Чернышевым сменой направленности в развитии оледенения, а, во-вторых, с учетом наблюдений В. Н. Вебера достаточно точно определить время смены направленности этого природного процесса — как раз в период между наблюдениями Ф. Н. Чернышева (1896 г.) и В. А. Русанова, т. е. на протяжении всего 12—14 лет.

Проход на весельной лодке перед фронтом ледника в глубь открытой территории требовал и мужества и сноровки. Причем открытый район был быстро закартирован. Ранее неизвестные ледники В. А. Русанов назвал в честь своих учителей А. Лакруа и М. Буля (соответственно № 61 и 229 по Каталогу ледников Новой Земли), группа небольших островов получила имя П. А. Галахова.

Пешие маршруты по северному берегу Машигиной губы позволили судить о составе слагающих пород (зеленые хлоритовые сланцы, конгломераты с кварцитовым цементом и т. д.). Здесь же были обнаружены остатки поморской избы, а на островке у мыса Борисова — поморские кресты. Изучение вновь открытых территорий Новой Земли потребовало дополнительных стоянок. Одна из них располагалась на самом севере Машигиной Ледянки, у зандрового поля перед ледником Широким. Это название также впервые появилось в работах В. А. Русанова [Там же, с. 120, 156, 199, № 62 по Каталогу ледников Новой Земли]. Другая находилась в куту открытой акватории у ледника Лакруа. В целом можно считать, что начало маршрута складывалось удачно.

2 августа, завершив исследование Машигиной губы, отряд на шлюпке перешел в одну из бухт губы Северной Сульменева, расположенной чуть восточнее мыса Черницкого. По пути В. А. Русанов высадился у мыса Птичьего. Добираясь до стоянки, он обнаружил породы

девонского возраста. Это требовало дополнительных исследований по северному побережью губы и даже переноса стоянки примерно на 10 км восточнее. Поэтому работы здесь затянулись до 6 августа включительно. В губе он открыл два острова и назвал их в честь А. А. Быкова и К. А. Лоренца. Наблюдения в губе Северной Сульменева имели важное значение для установления палеозойского возраста интрузий и соответственно для выявления роли и времени герцинского орогенеза в условиях Новой Земли. В отчете экспедиции указано, что «восточный конец Северной Сульменевой губы не был обследован ввиду недостатка времени и противных ветров» [Там же, с. 116], и тем не менее общая картина побережья дана В. А. Русановым совершенно правильно. В частности, на карте Северного острова Новой Земли, составленной годом позже, но в том числе и по результатам полевого сезона 1909 г., в куту губы показан ряд ледников, в том числе ледник Северный Сульменева (№ 225 по Каталогу ледников Новой Земли).

В ночь на 7 августа (солнце на Новой Земле в это время не заходит) В. А. Русанов вышел рабочим маршрутом к побережью губы Южной Сульменева на участке между мысом Плавучих Льдов и ледником Шумным. А потом из-за сильного прибоя долго не мог сесть в шлюпку. Такой прибой был, видимо, обусловлен волнением с юго-запада, поэтому в поисках спокойной стоянки пришлось перейти на южный берег и остановиться в том же месте, что и 23 июля. О результатах наблюдений здесь экспедиционный отчет ничего не говорит, кроме того, что «Русанов прошел к востоку по южному берегу Южной Сульменевой губы до конца его и, перевалив через хребет в полверсты вышиной, утром 9 августа спустился в Крестовую губу» [Там же, с. 116]. На самом деле одним из результатов пребывания В. А. Русанова в этой губе является открытие крупного ледника, показанного им год спустя на карте Северного острова (в 50-х годах этот ледник был назван Хитрым, № 214 по Каталогу ледников Новой Земли). Техническая сторона маршрута излагается так: «В течение 20 дней было пройдено на шлюпке океаном 135 верст из Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства и 295 верст назад, считая с заходами заливы — всего 430 верст. Пешком Русанов прошел берегом 75 верст и, кроме того, сделал не менее 150 верст, экскурсируя в глубь страны» [Там

же, с. 116]. Результативность В. А. Русанова как полевого исследователя по сравнению с остальными участниками экспедиции была необыкновенной.

После того как экспедиция собралась в полном составе в новом лагере, можно было приступить к последнему пункту программы — пересечению острова по новому пути на Карскую сторону. Как говорилось, в результате рекогносцировок участники экспедиции пришли к выводу, что наиболее перспективен маршрут по южной из трех долин к востоку от Крестовой губы.

После сборов, занявших примерно сутки, 12 августа участники перехода (кроме П. А. Галахова) с двумя собачьими упряжками и нартами переправились на карбасе на южный берег Крестовой губы. Нарты оказались перегруженными, поэтому часть вещей пришлось оставить. Пройдя около 15 км, разбили лагерь, как отмечено в дневнике А. А. Быкова, «у черного ледника» (видимо, ледник Наблюдений, № 486 по Каталогу ледников Новой Земли). Едва поставили палатку и чум, пошел дождь, причем погода ухудшалась настолько быстро, что 14 августа путешественники вынуждены были не двигаться с места. Выйти смогли только на следующий день. Прошли озеро (Долгое на современных картах) длиной до 7 км. В тот же день с южного борта долины В. А. Русанов обнаружил проход к заливу Чекина. Лишь 16 августа по безветренной погоде вышли сначала к главному водоразделу острова, а затем завершили маршрут в том же самом месте, где год назад располагался лагерь французской экспедиции в бухте Гольцовой. Тем самым поставленная цель — поиск удобного пути поперек Новой Земли — была достигнута.

Ю. В. Крамер, К. А. Лоренц и И. К. Вылка 18 августа тронулись в обратный путь. Выход к побережью Крестовой губы совпал с началом свирепой боты. Она продолжалась до 22 августа. Когда наконец Ю. В. Крамер и его спутники добрались на шлюпке до лагеря, то увидели страшную картину: карбас затоплен, часть коллекций погибла, имуществу нанесен значительный ущерб. В ожидании товарищей лагерь пришлось восстанавливать заново.

О В. А. Русанове и его спутниках в отчете экспедиции сказано, что они «оставались в Незнаемом заливе до 25 августа, исследуя его окрестности и собирая богатую жатву редких силурийских ископаемых» [Там же, с. 124]. Одновременно В. А. Русанов установил, что

«дальше на запад, во внутренней части острова, находятся изоклинальные абрадированные пласты кораллового известняка, много раз повторяющиеся. Эти пласты принадлежат нижнему и среднему девону» [Там же, с. 254].

Некоторое представление о том, чем занимались В. А. Русанов и его спутники в Незнаемом заливе в те дни, дают записки А. А. Быкова.

20 августа поднялись на вершину, которая на современных картах носит имя В. А. Русанова. «Напротив нас,— отмечал А. А. Быков,— дивный по красоте ледник спускается своей фронтальной мореной к самому заливу... Словно морщины избороздили его широкие трещины» [Быков, 1911, с. 121—122]. Два следующих дня были непогожими, но В. А. Русанов не прекращал сбора геологических коллекций. 23 августа он закончил «наконец со своим холмом, где он искал своих ископаемых» [Там же, с. 439] и предложил А. А. Быкову отправиться к леднику, который они наблюдали 20 августа с горы Русанова. А. А. Быков отметил особый интерес В. А. Русанова к этому объекту: «Пахтусовым при съемке показана на карте несуществующая теперь бухта. Не мог же этот энергичный и деятельный исследователь полярных стран так ошибаться?..» [Там же].

Именно эту задачу и отправился решать В. А. Русанов, тем более что здесь было явное противоречие концепции отступания ледников Новой Земли. А. А. Быков, правда, не исключал, что этот ледник, названный В. А. Русановым в честь капитана Бенара (на современных картах — Краснова), незадолго до появления исследователей испытал подвижку — мощное кратковременное наступание. В то время подобное явление не было известно специалистам-гляциологам. Судя по последующим публикациям, очередную загадку Арктики В. А. Русанов так и не решил, оставив ее на будущее...

24 августа начались сборы в обратный путь, на следующий день оставили стоянку. Только 27 августа В. А. Русанов и его спутники прибыли в лагерь экспедиции в Крестовой губе. До 30 августа В. А. Русанов продолжал обследовать окрестные места, обнаружив месторождения лигнита и ископаемые ледники, фотографическую съемку которых выполнил А. А. Быков. 1 сентября началась подготовка к отъезду, а 3 сентября экспедиция оставила Крестовую губу на судне «Мира», доставившем всех участников на следующий

день в Маточкин Шар. Здесь они пересели на «Королеву Ольгу Константиновну» и прибыли 12 сентября в Архангельск.

Последовавшие затем события выявили особый вклад В. А. Русанова в выполнение программы экспедиции. Публичный отчет начальника экспедиции Ю. В. Крамера в Архангельском обществе изучения русского Севера 7 октября 1909 г. вызвал весьма разноречивые отклики. Так, газета «Архангельск» писала: «Впечатление от сообщения г. начальника экспедиции самое неопределенное».

Наоборот, в оценке «Архангельских губернских новостей» преобладали самые мажорные тона. В. А. Русанов в том же обществе прочитал лекцию «Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле в связи с геологическим строением острова». В ней были сформулированы проблемы, на многие годы определившие основные направления изучения природы Новой Земли. Разумеется, содержание отчета Ю. В. Крамера позволяло без труда оценить заслуги каждого. Если Ю. В. Крамер ограничился лишь указанным докладом, то В. А. Русанов по итогам экспедиции подготовил девять научных работ по самой различной проблематике. В «Открытом письме об „открытиях“ г. Крамера на Новой Земле» [Русанов, 1945, с. 392], несмотря на полемический тон публикации, содержатся весьма серьезные научные положения (например, об асимметрии оледенения Новой Земли, отличии погребенных глетчерных льдов от обычных жильных и т. д.).

Очередная экспедиция В. А. Русанова еще раз продемонстрировала его талант исследователя и организатора.

Новоземельская экспедиция 1910 г.

Экспедиция 1910 г. под руководством В. А. Русанова занимает особое место в изучении Новой Земли. Впервые русские исследователи с научными целями обошли Северный остров, составив при этом представление о режиме западной части Карского моря. «В программу этой экспедиции, составленную начальником последней геологом В. А. Русановым... входило продолжить начатое в 1909 году рекогносцировочное обследование северо-западного побережья Новой Земли от полуострова Адмиралтейства до Архангельской

губы, а если бы позволили время и обстоятельства, то попытаться, кроме того, обойти кругом Северный новоземельский остров» [Русанов, 1945, с. 134].

Помимо В. А. Русанова, в экспедиции приняли участие: горный инженер М. М. Кругловский (по специальному заданию Минералогического общества), зоолог, студент Парижского университета С. С. Иванов, препаратор С. С. Четыркин (участник экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. в Центральную Азию), штурман В. Е. Ремизов, на которого были возложены астрономические и метеорологические наблюдения. В распоряжении экспедиции находился парусно-моторный куттер «Дмитрий Солунский», построенный в селе Мудьюг в 1908 г., тоннажем 180 т, длиной 96 футов со специальной ледовой обшивкой и мотором в 50 л. с. Капитаном на нем был штурман из поморов Г. И. Поспелов. Экипаж включал также двух механиков, кока, шестерых матросов и рабочего М. М. Кругловского. Таким образом, на борту «Дмитрия Солунского» находилось 16 человек. Экспедиция была снабжена специальными инструментами для проведения гидрологических и астрономических наблюдений. Наконец, ее руководитель, побывав уже в трех экспедициях, стал опытным полярником. «На Новой Земле, как дома. Теперь, пожалуй, нет в Европе никого, кто бы так хорошо знал Новую Землю, как я» [Там же, с. 386]. В этих строках В. А. Русанова нет преувеличения.

12 июля «Дмитрий Солунский» вышел из Архангельска с попутным грузом для строящегося становища в Крестовой губе. Из-за встречных ветров лишь 15 июля удалось миновать Канин Нос и только 20-го достичь становища Маточкин Шар. На борт корабля был взят провиант, оставленный В. А. Русановым в прошлом году, сухари, рис, тапиока, гороховая мука, клюквенный экстракт и т. д.), кроме того, состав экспедиции пополнился семнадцатым участником — И. К. (Тыко) Вылкой, «оказавшим экспедиции неоценимые услуги глубоким знанием своей родины — Новой Земли и Карского моря» [Там же, с. 136]. 21—23 июля «Дмитрий Солунский» провел под выгрузкой в Крестовой губе. Здесь шло интенсивное строительство становища (Ольгинский поселок), проводились промер и съемка залива гидрографической партией Г. Я. Седова.

24 июля, с опозданием более чем на две недели по сравнению с прошлым годом, «Дмитрий Солунский»

прибыл в намеченный район исследований. В отчете экспедиции отмечено: «Решено поделить между членами экспедиции район обследования. Капитану Поспелову, Иванову и Ремпзову поручено было идти на „Дмитрий Солунском“ в Архангельскую губу и заняться ее обследованием, захватив с собой из залива Норденшельда Кругловского и Четыркина для обследования Панкратьевских островов. Русанов взял на себя обследование береговой линии от залива Норденшельда до Архангельской губы и совместно с Кругловским и Четыркиным — обследование северного берега полуострова Адмиралтейства и Глазовой губы» [Там же, с. 137].

И. К. Вылка — ближайший помощник В. А. Русанова по Новоземельским экспедициям 1909—1911 гг.

Таким образом, часть работ выполнялась с борта экспедиционной плавбазы, а периферийные участки намеченного района обследования изучались отдельными отрядами самого В. А. Русанова (на юге) и М. М. Кругловского (на севере). Каждый отряд располагал шлюпкой. Судно, находясь между отрядами, могло оказывать им необходимую поддержку. В практике русских экспедиционных исследований такая организация применялась впервые.

Высадка 25 июля на севере полуострова Адмиралтейства в научном отношении была неудачной: из-за непогоды не удалось определить астропункт, ботанические и палеонтологические сборы оказались скудными. Кроме того, покидая берег, повредили мотор на шлюпке. В последующие дни работали в Глазовой губе, где, в частности, В. А. Русанов отметил пермско-карбонную фауну (в сборах М. М. Кругловского позднее обнаружилась пермская). Тем самым верхняя граница новоземельского палеозоя приблизилась к реальной. В. А. Русанов обнаружил здесь ископаемые льды, правда, описания их не сделал.

В ночь на 28 июля на веслах и под парусом, поскольку мотор на шлюпке окончательно вышел из

строю, перешли в залив Норденшельда, где спустя сутки встретили «Дмитрия Солунского». 30 июля судно ушло в Архангельскую губу, а отряд В. А. Русанова, завершив обследование залива Норденшельда и одноименного ледника³, одного из самых крупных на Новой Земле, 1 августа перешел на север. Здесь произошло очередное открытие — большой залив и впадающий в него огромный ледник В. А. Русанов назвал в честь начальника Гидрографического управления А. И. Вилькицкого. Обследование залива и ледника Вилькицкого продолжалось до 3 августа. Одна из находок плавника *in situ* (на месте) в моренах ледника Вилькицкого сыграла особую роль в формировании взглядов В. А. Русанова на эволюцию современного оледенения Новой Земли.

Дальнейшее плавание отряда В. А. Русанова к Архангельской губе ознаменовалось открытием небольших заливов Кривошеина и Жан с одноименными ледниками. Были попутно уточнены размеры острова Вильяма (Вильгельма), по сравнению с показанным на карте он был меньше в 3 раза. В окрестностях залива Кривошеина четвертичная фауна (обломки раковин) была обнаружена на высотах до 140 м, а исследование прибрежной полосы позволило В. А. Русанову заключить, что мысы сложены преимущественно диабазами, устойчивыми к влиянию внешних агентов, в то время как в куту заливов преобладали мягкие, пестойкие сланцы. Вечером 6 августа шлюпка В. А. Русанова подошла к южному входу в Архангельскую губу.

Следующий день выдался солнечным и необычайно теплым: температура воздуха достигала 19° С. Ночью с окрестных ледников сорвалась ураганная бора и едва не снесла лагерь в море. К счастью, свирепый ветер продолжался недолго. Это позволило уже 9 августа войти в пролив, отделяющий остров Личутина от Новой Земли. Вскоре встретили «Дмитрия Солунского», от экипажа которого узнали, что отряд М. М. Кругловского еще не вернулся с Панкратьевских островов.

³ В отчете экспедиции [Русанов, 1945, с. 140] этот ледник был назван в честь владельца «Дмитрия Солунского» Д. Н. Масленникова, однако позднее, при составлении отчетной карты экспедиции, леднику было присвоено имя А. Э. Норденшельда. Такое переименование связано с тем, что В. А. Русанов традиционно давал заливам и спускавшимся в них ледникам одноименные названия. Название же «залив Норденшельда» существовало еще до В. А. Русанова.

1 августа встретили норвежское судно «Сирнус», капитан которого, Улаф Ульсен, имел официальное предписание своего правительства о запрете норвежским подданным заниматься охотничьим промыслом на Новой Земле. Таким образом, меры, принятые русскими властями, в проведении которых в жизнь активно участвовал В. А. Русанов, оказались эффективными.

Во время береговых экскурсий была собрана обильная пермско-карбоновая фауна на острове Берха. Позднее, при обработке собранного материала, В. А. Русанов обнаружил среди сборов и девонскую фауну и пришел к выводу, что на островах Берха и Личутина более древние породы налегают на более молодые — весьма важная особенность с точки зрения тектоники. Тем самым были сделаны первые шаги к идее существования Карской плиты, разработанной уже в советское время. Среди других событий следует отметить находку креста на мысе Крушения с надписью: «Циволька, 1835». Одновременно на острове Большом Заячьем провели наблюдения на астропункте. Интересная находка плавника была сделана на моренах ледника Архангельской губы, позволившая приступить к разработке идеи взаимосвязей морских трансгрессий и эволюции оледенения.

Рано утром 12 августа между островами Берха и Южными Крестовыми встретили шлюпку с отрядом М. М. Кругловского, также благополучно завершившего свою программу исследований. Еще 5 августа этот отряд перебрался за 12—15 км на ближний к Новой Земле из двух Панкратьевских островов, оказавшийся в процессе обследования ... полуостровом. «Кругловский объясняет это превращение острова в полуостров поднятием суши в связи с накоплением моренного материала из соседних ледников» [Там же, с. 148]. Хотя такое объяснение (как и в случае с ледником Низким) не учитывает переноса рыхлого материала вдоль берега и роли береговых процессов, оно близко к действительности; причем в роли поставщика этого материала выступала правая (восточная) боковая морена ледника Таисия. 6—10 августа полуостров был положен на карту буссольной съемкой с одновременным определением высот анероидом. М. М. Кругловский, изучавший слагающие породы, отнес их к нижней перми.

На этом официальная часть программы, на которую ушло 19 дней, завершилась, и можно было приступить

к обходу Новой Земли, что удалось только легендарному Савве Лошкину⁴, причем с двумя зимовками. Южнее Крестовых островов «Дмитрий Солунский» вышел в открытое море и с попутным ветром направился к северу.

Начало плавания было отмечено падением барометра на 10 мм в ночь с 12 на 13 августа, и к утру ветер достиг силы шторма. За гребнями волн с трудом удалось различить плоские очертания скал на мысе Литке и островах Баренца. «Русанову очень хотелось зайти в Русскую Гавань... или в гавань Мака, наконец, но нечего было и думать подойти в такую бурю к скалистым неизвестным берегам» [Там же, с. 149]. Уже 14 августа прошли траверз залива Святой Анны, а на следующие сутки — важнейшие ориентиры на севере Новой Земли: Большой и Малый Ледяные мысы, ледники Бунге и Петерсена, со времен В. Баренца выступавшие в море севернее мыса Желания. В. А. Русанов в отчете отметил, что в связи с отступанием ледников эти ориентиры скоро могут исчезнуть, и оказался прав.

Утром 15 августа «Дмитрий Солунский» был уже у Оранских островов. «Ввиду невозможности высадки и важности изучения в гидрологическом отношении данной, не исследованной еще области решено было лечь в дрейф и взять пробы воды от дна до поверхности для определения температуры и солености воды на разных глубинах» [Там же, с. 150]. Отметим, что гидрологические наблюдения в экспедициях В. А. Русанова проводились впервые и были необходимы для оценки ледового режима на одном из важнейших участков Северного морского пути.

На следующий день судно было уже у мыса Желания. Причем после неудач Ф. П. Литке в 1821—1824 гг., П. К. Пахтусова в 1835 г. и С. О. Макарова в 1901 г. В. А. Русанов оказался первым из русских исследователей, кому удалось достичь мыса, да еще на судне, значительно уступавшем по размерам его предшественникам. В воспоминаниях И. К. Вылки выход экспедиции к мысу Желания отмечен особо: «На обеих мачтах „Солунского“ подняли флаги. В. Русанов, восторгаясь успехом, сказал экипажу: „Сегодня мы находимся в самой крайней точке севера Новой Земли. Тут русской экспедиции до нас не было» [Казаков, 1983, с. 159].

⁴ Правильнее, видимо, Лошкину. Эта фамилия распространена среди мезенских поморов и поныне.

16 августа была выполнена вторая гидрологическая станция, в 20 км на северо-восток от мыса Желания, на следующий день — третья, в 55 км. Во время наблюдений на последней станции вдали показались морские льды — для В. А. Русанова это была первая встреча с ними. Установив положение кромки льда, которая уходила на север, вернулись к мысу Желания, где на берегу провели кратковременную экскурсию. Здесь удалось наблюдать признаки понижения морского уровня (террасы с современной фауной, реликтовые озера и т. д.), а также собрать коллекцию пород. Конгломераты, судя по фауне, производили впечатление не древнее девонских, однако будущее показало, что на севере Новой Земли преобладали породы преимущественно силурийского возраста, более древние.

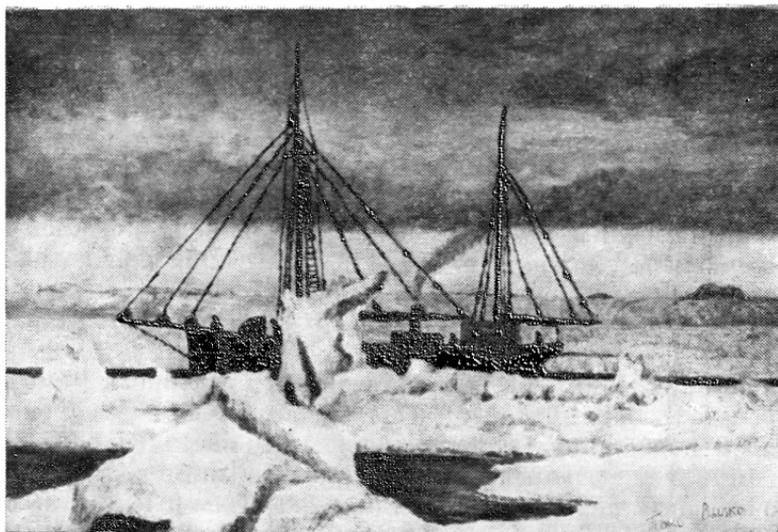
18 августа судно перешло в Ледяную гавань, где когда-то проходила зимовка В. Баренца. Здесь с окрестных холмов увидели, что Карское море до самого горизонта забито льдом, несмотря на ветер с берега, стоявшим неподвижно. Вынужденную остановку вновь использовали для экскурсии по берегу, которая оказалась весьма полезной: В. А. Русанов обнаружил фауну пермокарбона, а М. М. Кругловский неподалеку — перми и силура.

На следующий день В. А. Русанов предложил идти вдоль кромки льда на восток, но, пройдя 70 км, из-за непогоды (снег с ветром, потеря видимости) вновь вернулись к мысу Желания. Было решено отстояться в бухте, которой присвоили имя Г. И. Поспелова. Под защитой мыса переждали сильный шторм. И. К. Вылка высказал мысль, что западный ветер отнесет лед от берега и, таким образом, откроется путь в Карское море. Однако утром 21 августа с северо-запада, из-за мыса Желания, стал надвигаться новый массив льда. Попытка вырваться на запад не удалась уже на подходах к Оранским островам, где подвижка льда привела к торожению на берегу. Оставалось снова возвращаться в Карское море, здесь вдоль берега еще сохранялась полоса чистой воды. «По мнению самоеда Вылки, разделяемому капитаном Поспеловым, следовательно, по мнению двух лиц, наиболее опытных и хорошо знакомых с полярными льдами, идти Карским морем, полным льдов, было крайне рискованно, но дальнейшие попытки пробраться Ледовитым океаном у западных берегов Новой Земли, когда на эти берега нажало лед, были еще

опаснее и угрожали судну неизбежной гибелью» [Там же, с. 153]. В сложившейся ситуации было принято решение идти Карским морем. Много лет спустя И. К. Вылка вспоминал: «Подул неожиданный ветер с запада. Двое суток бросало нас из стороны в сторону, два якоря не держали. На нас надвигалась масса льдов. На четвертый день подул слабый ветерок с севера, и нам пришлось выйти на Карскую сторону. Другого выхода не было» (Цит. по: [Казаков, 1983, с. 159—160]).

22 августа судно продолжало двигаться по каналу чистой воды, возникшему, как и полагал И. К. Вылка, из-за западных ветров, причем ширина его сильно менялась: порой кромка льда еле угадывалась по горизонту, а временами лед вплотную подступал к выдающимся в море мысам (судя по отчетной карте, Константина, Висингер-Гофт и др.). Положение с точки зрения навигации осложнялось тем, что за заливом Течений берег был обозначен лишь пунктиром. Южнее располагались четыре участка — ледниковых фронта, соответствующие ледникам Розе, Новопапшенного (Средний), Рождественского и Вершинского на современных картах. Также можно считать, что на карте В. А. Русанова впервые изображен ледник Мощный (топоним современный), на котором основные морены показаны выходами коренных пород. В этих местах морской лед стал тоньше, хотя обширные ледяные поля встречались довольно часто. Среди них возвышались неподвижные глыбы айсбергов. С борта судна нередко наблюдали, как они образовывались у отвесных фронтов ледников (ледник «телился», по образному выражению поморов). «Льда было так много, что невольно являлся вопрос: не заполнено ли им все Карское море?» [Русанов, 1945, с. 153].

Период с 22 по 24 августа можно назвать гонкой среди льдов с единственной целью — вырваться к знакомым местам. Позднее В. А. Русанов отмечал: «Нельзя не отметить той стойкости, хладнокровия и неослабной бдительности, которые обнаружил капитан Г. И. Поспелов во время пребывания „Дмитрия Солунского“ во льдах. Без сна, без отдыха по целым суткам стоял он в бочке, привязанной к вершине мачты... Капитану Г. И. Поспелову экспедиция обязана тем, что судно не только не было затерто льдами, но и возвратилось, не потерпев серьезной аварии» [Там же,

«Дмитрий Солунский» во льдах Карского моря
(фото с картины И. К. Вылки)

с. 132]. Судя по воспоминаниям И. К. Вылки, и капитан и начальник экспедиции вели себя самоотверженно: «Владимир Русанов круглые сутки не спал, все стоял на носу судна, а капитан Поспелов находился на мачте, высматривал разводья среди льдов» [Казаков, 1983, с. 160]. Остается удивляться, как много в таких условиях смог увидеть В. А. Русанов. Он нанес на карту практически все сколь-либо значительные детали побережья, даже выступ полуострова Сомнений (но без залива Благополучия) и ледник Налли. На карте показаны крупные ледники, достигающие здесь моря, за исключением Кропоткина и Полисадова. Необходимо отметить особую роль И. К. Вылки в этом плавании, который еще ранее продолжил съемки П. К. Пахтусова примерно на 150 км севернее по побережью, доведя их до залива Власьева. Только этими данными и пользовался В. А. Русанов во время плавания в Карском море.

В целом плавание проходило весьма успешно, и во второй половине дня 23 августа «Дмитрий Солунский» миновал траверз мыса Дальнего. В этот день «впервые капитан уснул после двух бессонных суток, в течение которых он, кажется, ни на минуту не сомкнул глаз и все время оставался в бочке, привязанной к верхушке

мачты, отыскивая дорогу между льдинами» [Русанов, 1945, с. 154]. Пока капитан спал, судно стояло: взять на себя ответственность за дальнейший путь среди льдов не мог и В. А. Русанов. Он знал, что попытка подобной подмены в экспедиции А. А. Борисова в 1900 г. привела к гибели судна.

Движение возобновилось, когда Г. И. Поспелов вновь заступил на вахту. Ледовая обстановка по-прежнему оставалась сложной, видимость часто снижалась из-за тумана. Судно находилось примерно на полпути между мысом Желания и восточным устьем Маточкина Шара. 24 августа на подходах к острову Пахтусова столкнулись с крайне тяжелыми ледовыми условиями. «Это был не разбитый на куски плавающий лед, а совершенно неподвижная, крепко смерзшаяся масса сплошного зимнего льда. Этот лед, тянувшийся на много верст, был, очевидно, так крепко припаян к островам и подводным скалам, что его не смогли разбить и унести самые сильные бури... Нечего было и думать пройти через такой лед, обойти его тоже было нельзя, так как к нему прилегал плотной массой разбитый плавающий лед. Поэтому ничего не оставалось, как лечь в дрейф» [Там же].

Время ожидания использовали для охоты, драгирования морского льда и очередной гидрологической станции, тактика себя оправдала. «Тем временем разбитый лед немного отошел от неподвижного ледяного припая, и через образовавшийся узкий проход судно под парусами и с помощью мотора успело проскользнуть к югу на обширное свободное от льда водное пространство» [Там же]. Однако сутки закончились плохо: вышел из строя мотор и пришлось идти под парусами.

25 августа при свежем ветре подошли к заливу Хромченко. В. А. Русанов не переставал восхищаться съемками И. К. Вылки: полуостров Пять Пальцев он снял гораздо точнее, чем показывали карты. После полудня судно вошло в залив и встало за островом Горн. Почти сутки продолжался ремонт мотора. Это время использовали для береговых экскурсий. И. К. Вылка вспоминает, что где-то поблизости «мы с Русановым раскопали в одной очень старой разваленной избушке кожаный документ, промыли и высушили, надпись читать было трудно, на углу документа был изображен какой-то герб. Владимир Русанов говорил: „Мы с тобой нашли находку, это пойдет в музей“» [Казаков, 1983, с. 160]. Там же была обнаружена фауна девона.

Поход «Дмитрия Солунского» был, конечно, опасным предприятием, что подтверждают описания В. А. Русанова и И. К. Вылки. Но главную опасность В. А. Русанов видел в возможности зимовки «с семидесятиградусными морозами, с голодом ввиду недостатка съестных припасов и с неизбежно при таких условиях страшного цингоу» [Русанов, 1945, с. 152]. А И. К. Вылка указывал совсем иную причину: «Команда „Солунского“ очень боялась зазимовать, боялась, что тогда нас унесет на Северный полюс» [Казаков, 1983, с. 160]. С точки зрения полярника, это было намного страшнее, но, по справедливому мнению В. А. Русанова, маловероятно, потому что дрейф «Бельгики» в этой части Карского моря в 1907 г. проходил в южном направлении. Как бы то ни было, но неизбежный риск (обычное дело для полярных экспедиций тех лет) себя оправдал, а опасения за недостаток продовольствия отпали после успешной охоты: за неделю, 18—25 августа, были убиты три оленя и медведь.

Около полудня 26 августа мотор привели в порядок, и судно снова отправилось на юг. Однако керосина оставалось всего на 30 ч, что помешало В. А. Русанову пройти до Карских Ворот. На заключительном этапе плавания тяжелый лед, встретившийся только у входа в Маточкин Шар, заставил зайти в залив Канкрин. 27 августа «Дмитрий Солунский» бросил якорь в Тюленьем заливе. Здесь с одной из окрестных вершин В. А. Русанов провел оценку ледовых условий.

29 августа судно продолжило плавание и вечером пришло на рейд становища Маточкин Шар. В заключительной части отчета В. А. Русанов писал: «Кто проходил Маточкиным Шаром, тот, вероятно, никогда не позабудет удивительной красоты дикой и величественной панорамы, которая там постепенно разворачивается. Сколько прелести и разнообразия в сочетании зеленых морских волн с обнаженными и разноцветными горными складками, со снегом и ледниками! Пользующиеся такой известностью у туристов норвежские фиорды тусклы и бледны по сравнению с удивительным разнообразием и оригинальной яркостью форм, цветов и оттенков этого замечательного и в своем роде единственного пролива» [Русанов, 1945, с. 156].

31 августа экспедиция оставила Маточкин Шар и вышла в открытое море. Встречные ветры задержали возвращение на материк, и только 9 сентября судно

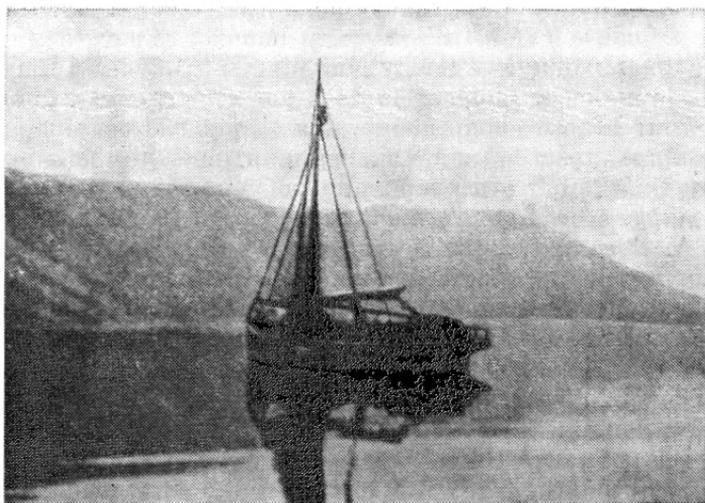
пришвартовалось к причалу Александровска на Мурмане. Самая большая экспедиция В. А. Русанова блистательно завершилась изучением не только Новой Земли, но и Карского моря, прежде всего его ледовой обстановки.

Архангельские власти высоко оценили заслуги В. А. Русанова. В официальном письме И. В. Сосновского говорилось: «Совершенное Новоземельской экспедицией в 1910 г. плавание, несомненно, займет видное место в истории полярных путешествий. Важнейшими практическими результатами, достигнутыми названной экспедицией, явилось обнаружение на севере Новой Земли еще четырех промысловых пунктов норвежцев сверх открытого в 1909 году в Крестовой губе, производство ряда в высокой степени важных для разрешения вопроса о Северном морском пути в Сибирь наблюдений относительно распределения льдов в связи с характером местных ветров и с направлением морских течений, обследование северо-западного побережья Новой Земли в колонизационно-промысловом отношении, составление весьма важных в научном отношении коллекций по геологии, палеонтологии, ботанике, энтомологии, зоологии и пр.» [Там же, с. 41].

Несомненно, успешная экспедиция 1910 г. дала толчок дальнейшим планам. После экспедиции он выступил с планом изучения ледникового покрова Новой Земли, о чем сообщал журнал «Землеведение» (1910, кн. IV, с. 101) в отчете о выступлении В. А. Русанова в Большой аудитории Политехнического музея 8 января 1911 г.: «В заключение докладчик познакомил с проектом санной экспедиции от Крестовой губы до мыса Желания через весь Северный остров, рассчитанной на три месяца, и указал на те препятствия и затруднения, какие могут при этом встретиться». Проект такого рода выдвигался в России впервые, и разрабатывать его мог только В. А. Русанов. Но на будущий год ему пришлось проводить совсем другие исследования...

Новоземельская экспедиция 1911 г.

По своему характеру экспедиция 1911 г. явилась логическим продолжением исследований В. А. Русанова на Новой Земле начиная с 1907 года. «Главной задачей экспедиции было обследование южного побережья Пе-

«Полярная» на стоянке

туховского Шара с его окрестностями в колонизационном, промысловом, геологическом и географическом отношении. Кроме того, Русановым была выдвинута еще одна задача — обход вокруг Южного острова... Обходом вокруг Южного острова должны были завершиться обход и общее рекогносцировочное обследование всей Новой Земли» [Русанов, 1945, с. 162]. Однако по составу и по транспортным средствам экспедиция существенно отличалась от предыдущих. Экспедиционным судном стала моторно-парусная лодка «Полярная» водоизмещением всего 5 т и осадкой лишь 3 фута (менее 1 м), что делало ее весьма удобной для работ у мелководного побережья. В то же время размеры (32 фута длиной) и наличие мотора «Болиндер» в 5 л. с. обеспечивали судну достаточную мореходность и автономность. В составе экспедиции было пять человек. Кроме самого В. А. Русанова и И. К. Вылки, в экспедиции приняли участие ссыльный Э. П. Тизенгаузен и два матроса. Из мелких плавсредств имелся норвежский фансбот (обычно он шел на буксире за «Полярной», нагруженный имуществом, не уместившимся на ней) и английская байдарка фирмы «Бертон».

Экспедиция вышла из Архангельска 6 июля, как и раньше, на «Королеве Ольге Константиновне» и уже

8 июля прибыла в становище в Белушьей губе. Здесь подготовили судно к дальнему переходу, заготовили у ненцев походную одежду (малицы) и обувь. 14 июля «Полярная» со скоростью 4—5 узлов пересекла пролив Костин Шар и вдоль побережья острова Междушарского направилась на юг — экспедиция приступила к полевым работам. Хотя очертания побережья уже в начале маршрута не соответствовали изображенным на карте, В. А. Русанов решил не задерживаться для их уточнения, чтобы не терять времени на исполнение главной задачи. Встречавшийся лед затруднял плавание, однако с появлением тумана — постоянного спутника льдов — обстановка стала еще хуже. Много хлопот доставляла буксировка фанбота. Плавание осложнялось и тем, что среди ненцев не удалось найти проводника, а И. К. Вылка южной части Новой Земли не знал.

К исходу первого дня экспедиция, обогнув мыс Черный, остановилась на ночевку в Строгановой губе. Здесь были обнаружены следы поморского поселения. К сожалению, кресты выветрились настолько, что разобрать надписи, и особенно даты, было невозможно. Среди слагающих пород В. А. Русанов обнаружил конглобрекчии, которые посчитал палеозойской мореной — признаком древнего оледенения. Из-за непогоды стоянка затянулась. Это время было использовано Э. П. Тизенгаузенем для сбора гербария и топографических съемок. И. К. Вылка также участвовал в этих съемках, много охотился и рисовал. В. А. Русанов собрал коллекцию каменноугольной фауны, в которой преобладали хорошо сохранившиеся продуктусы.

23 июля ветер стих и можно было продолжать плавание. У мыса Кушной (губа Широчиха) встретили английское судно «Нимрод», стоявшее на якоре, капитан которого не знал своего местоположения. Хотя русские исследователи также работали с плохими картами, очевидная неподготовленность англичан их удивила, и В. А. Русанов в отчете отметил: «Ошибка (2° по долготе! — В. К.) капитана Вебстера простительна для него, как для бывшего кавалерийского офицера» [Там же, с. 171]. Разрабатывая планы торговли с Сибирью, Вебстер интересовался условиями плавания к устьям Оби и Енисея. Поэтому встрече с ним в отчете экспедиции уделено много места.

Продолжая маршрут, «Полярная» пересекла Черную губу и бросила якорь в одной небольшой бухте, у избы

мурманского промышленника Олонкина. Во время стоянки до 28 июля проводились топосъемка и обследование окрестностей. Успешно шла охота — к моменту отплытия запасы экспедиции составили 10 пудов свежей оленины и шкур. В. А. Русанов обнаружил здесь мощные отложения девона с остатками *Atrypa reticularis*. Встретив пароход «Николай», уточнили координаты и сверили часы. Выходя из Черной губы, увидели полосы хотя и разбитого, но довольно толстого льда. То же наблюдалось и в губе Саханихе, от посещения которой пришлось отказаться. К вечеру вошли в Петуховский Шар — основной район работ экспедиции.

29 июля «Э. П. Тизенгаузен занялся съемкой Большого Оленьего острова, Вылка — рисованием и съемкой северной стороны Петуховского Шара. Русанов отправился на экскурсию в глубь Новой Земли, к северу» [Там же, с. 173]. Уже на следующий день начались «открытия». Выяснилось, что Большого острова Тихомирова, показанного на картах, не существует, а место пролива между островами Большим Оленьим и Тихомирова занимает перешеек.

К вечеру 31 июля подошли ко входу в залив Рейнеке. «Даже с холма в 50 метров вышиной не было видно конца этого залива. Этот залив был „велик как море“ по выражению Вылки» [Там же, с. 174]. На карте был показан только вход в залив, который еще в 1832 г. обнаружил П. К. Пахтусов, но весь залив так и не был положен на карту, оставались неизвестными и его размеры. Остатки креста в одной из укромных бухт свидетельствовали, что ранее П. К. Пахтусова здесь побывали поморы. И хотя съемка залива затянулась до 10 августа, результаты работ оказались очень ценными — залив вдавался в глубь суши на 30 км. Несомненно, «второе открытие» залива Рейнеке — одно из важнейших достижений экспедиции 1911 г. Уже 6 августа намеченный план экспедиционных работ был выполнен, но внушала опасение поломка мотора. «Неужели из-за мотора мы не сможем продолжать наш путь, — отмечал В. А. Русанов, — не увидим Карского моря, не обогнем Новую Землю с юга?»

Положим, обязательная и официальная часть программы выполнена: не только снят и обследован Петуховский Шар, но и залив Рейнеке. Однако меня это мало утешает. Я хочу во что бы то ни стало выполнить свою собственную программу: обойти с юга Новую Зем-

лю, обследовать восточное побережье, куда еще не ступала нога ни одного натуралиста, и Карским морем пройти в Маточкин Шар.

Я решил, если мотор не будет действовать, идти на парусах, даже плыть на одном фансботе, в крайнем случае бросив „Полярную“, если это окажется необходимым. Поэтому, когда заговорили о возвращении старым путем, я сухо заметил, что о возвращении назад не может быть и речи; если лед помешает двигаться пав вперед, то придется подумать о зимовке, но никак не о возвращении» [Там же, с. 176—177]. Такое решение было глубоко обоснованным, так как удачная охота свидетельствовала, что не будет проблемы с мясом, а обилие плавника обеспечивало топливом на всю зиму.

Кроме того, с выходом на север по Карскому побережью, в родные места И. К. Вылки, расстояние до жилых мест на побережье Баренцева моря (становища в Малых Кармакулах и в Белушьей губе) сокращалось до трех-четырёх дневных переходов.

Непогода снова задержала исследователей на несколько дней. Выход 9 августа оказался неудачным: подвел мотор и пришлось возвращаться на прежнюю стоянку. Тем временем Э. П. Тизенгаузен положил на карту «залив, лежащий рядом с заливом Рейпеке, к востоку от него; этот залив также не был нанесен на карты, как залив Рейпеке» [Там же, с. 177]. Здесь В. А. Русанов допустил неточность: бóльшая часть залива к востоку от залива Рейпеке показана на карте П. К. Пахтусова⁵. На полуострове Обручева, разделяющем эти заливы, В. А. Русанов обнаружил торфяник, который характеризовал природную среду в этой части Арктики за последние тысячелетия.

10 августа И. К. Вылка и Э. П. Тизенгаузен сняли пролив, ведущий в Никольский Шар, которому П. К. Пахтусов еще в 1833 г. присвоил имя своего сослуживца Юнкера. Плавание проливом Юнкера еще раз подтвердило, что «Полярная» — «незаменимое судно для прибрежного обследования таких мест, как скалистые, опасные и совершенно неизвестные берега Новой

⁵ См.: *Пахтусов П. К., Моисеев С. А.* Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. М.: Географгиз, 1956. С. 86. В 1924 г. этот залив был назван Р. Л. Самойловичем в честь президента Российской Академии наук А. П. Карпинского, хотя еще ранее поморы называли его губой Охальной.

Земли» [Там же, с. 178]. В полдень миновали остров Кусова Земля и вошли в Карские Ворота. «Где же те страшные льды, которые в этих местах столько судов пленили, разбили или обратили в бегство? — спрашивал В. А. Русанов.— Впереди к востоку расстилалось сверкающее, ласковое, слегка волнующееся и совершенно свободное от льдов Карское море... Перечень плаваний у юго-восточных берегов Новой Земли показывает, насколько рискованна, трудна и опасна задача плавание вокруг Южного острова Новой Земли и насколько благоприятным для плавания оказался 1911 год» [Там же].

Вечером того же дня бросили якорь в губе Каменке у креста, поставленного еще П. К. Пахтусовым на месте своей зимовки в 1832—1833 гг. Поблизости находились развалины избы, в которой жили участники его экспедиции, могила умерших от цинги. «Унылая картина... — отметил В. А. Русанов.— Серая, однообразная, монотонная тундра полого спускается к холодному мутно-зеленому морю, сверкающему в лучах низкого солнца каким-то особенным молочно-стальным блеском» [Там же, с. 179]. В окрестностях зимовки П. К. Пахтусова В. А. Русанов собрал много девонской фауны — кораллы, ортоцерасы, гастроподы и гигантские брахиоподы.

Беспокоил дальнейший путь. Ровные очертания побережья Карского моря не обещали хороших стоянок для «Полярной». Зато сильного волнения впереди из-за присутствия льдов (хотя бы и за горизонтом) можно было не опасаться — В. А. Русанов знал это по опыту прошлых экспедиций.

12—13 августа сделали большой переход открытым морем (около 140 км) на значительном удалении от берегов, по-прежнему не встречая льда. Заход в устья речек Бутакова и Савиной показался В. А. Русанову рискованным предприятием, поэтому решили идти до залива Абросимова. Туда пришли в ночь на 14 августа. Первые же наблюдения В. А. Русанова показали, что возраст слагающих местность пород иной, чем на юге Новой Земли. «Геологическая экскурсия Русанова дала несколько интересных продуктусов и брахиоподов, которые, вероятно, относятся к концу каменноугольного или к началу пермского времени» [Там же, с. 183]. Тем самым намечалась привязка к наблюдениям Ф. Н. Чернышева, отметившего по своему маршруту осадки артинского горизонта перми. Далее В. А. Руса-

нов определил, что общее направление морских течений у обследованного побережья — с севера на юг, так как плавник накапливался в основном на северных берегах мысов или на южных у небольших бухт.

Постепенно характер местности менялся. «У залива Абросимова холмы начинаются почти от берега моря и теснятся один за другим в глубь страны. После утомительного однообразия плоской тундры глаз отдыхает на этих неровностях почвы, на этих первых предвестниках гор. И как хороши ряды сопок, уходящих внутрь Новой Земли! Самые далекие из них, покрытые таинственной синей дымкой, обрамляют горизонт своими волнистыми фиолетовыми контурами...» [Там же]. Был отмечен еще целый ряд интересных особенностей прилегающей местности. В частности, днища долин рек в нижнем течении имели четкий эрозионный профиль, а в верховьях носили характер трогов, обусловленных древним оледенением. Отсутствие здесь больших бухт и заливов объяснялось тем, что направление Карского берега совпадало с простираем слагающих структур. Берега же Баренцева моря, вдоль которых шли в начале маршрута, пересекали их, как говорят геологи, вкрест простираения, и море, вторгаясь в глубь нарушенных структур, образовывало бесчисленные бухты и заливы.

Не менее важным занятием была охота, приносящая обильную добычу. «Меню» экспедиции пополнялось еще и местным деликатесом — гольцом, который засаливался впрок (на каждого члена экспедиции приходилось более чем по пуду этой вкусной рыбы). Во время экскурсий по Карскому берегу находили многочисленные следы пребывания ненцев, места стоянок их чумов были отмечены валиками из щебня. Нередко встречались остатки женской одежды. «Переход через Новую Землю, чуть ли не считавшийся подвигом, — отметил В. А. Русанов, — с легкостью совершают каждый год многие самоедские женщины» [Там же, с. 184].

К ночи 25 августа «Полярная» после многих дней непогоды наконец достигла залива Литке. Здесь участники экспедиции увидели «первые настоящие горы с крутыми уступами, с осыпями, с глубокими ущельями. Кое-где глубокие ущелья заняты снегом и льдом» [Там же, с. 188]. Эти горы были добрым знаком: где-то за ними лежал Маточкин Шар — конечная цель экспедиции. В долинах отчетливо наблюдались признаки древнего оледенения: бараньи лбы, в верховьях кары и цир-

**В. А. Русанов накануне одной из последних экспедиций
(фото из фондов Дома-музея В. А. Русанова)**

ки, острые вершины гребней. Между тем погода становилась холоднее, чаще шел снег, насыщенная влагой почва подмерзала. Из-за снега стало труднее вести геологические исследования, и волей-неволей В. А. Русанов больше времени стал уделять рельефу, геоморфологии, выполнил барометрическое нивелирование морских террас. Эти работы продолжались и в заливе Степового, куда перешли 29 августа. Среди валунов В. А. Русанов обнаружил диабазовые, по его заключению принесенные древним ледником из центральной части острова. Действительно, на современной геологической карте в истоках реки Степового показаны выходы диабазов, секущие слагающую толщу пород девона в центре острова. Маршруты В. А. Русанова здесь едва не закончились несчастьем: на одном из ложбинных ледничков под ним обрушилась протаявшая за лето кровля ледяного грота, из которого он выбрался с помощью геологического молотка.

Четверо суток в заливе Степового свирепствовал шторм, но это была не бора, гораздо реже случающаяся на юге Новой Земли. Северо-восточный ветер задувал с моря, и поэтому только 4 сентября удалось перейти в залив Шуберта, оказавшийся типичным фиордом. Как обычно, зима в Арктике наступает с гор, что и было отмечено в экспедиционном отчете: «Во время нивелировки террас южного залива Шуберта на высоте 300 метров Русанова захватила снежная буря, между тем внизу довольно тихо» [Там же, с. 190]. На следующий день перешли в залив Брандта, где был оставлен фансбот, так как буксировка его доставляла много хлопот. 7 сентября отсюда была совершена пешая экскурсия в залив Клокова. Здесь были обнаружены интрузии диабазов — последствия герцинского орогенеза, захватившего, таким образом, и Новую Землю.

На следующий день «Полярная», миновав при выходе из залива Брандта скопления опасных подводных камней, вошла в Маточкин Шар и бросила якорь у мыса Дровяного. Хотя программа, намеченная В. А. Русановым, была завершена, научные наблюдения продолжались. Проведенные поблизости промеры позволили лучше судить о характере дна пролива. 9 сентября было выполнено нивелирование окрестных террас и «Полярная» с экипажем на борту перешла к Переузью. Отсюда 10 сентября состоялся маршрут на юг по долине безымянного ручья к леднику, названному в 50-х годах в честь академика А. Е. Ферсмана. Вновь были отмечены интрузии диабазы, на этот раз в ложе ледника, что подтверждается современной геологической картой. Экспедиция не спеша продвигалась на запад, и у дельты речки Шалоник был выполнен 11 сентября промер поперек пролива «с целью выяснения характера и конфигурации его дна» [Там же, с. 191].

Во время следующей стоянки, у Моржового мыса, изучались мощные палеозойские конгломераты. У «Крестов» встретили ненцев, среди которых оказался и брат И. К. Вылки. 12 сентября ружейный салют жителей становища и ответный с борта «Полярной» возвестили о завершении экспедиции. 21 сентября пришедшая «Королева Ольга Константиновна» взяла на борт В. А. Русанова и его спутников и 30 сентября доставила в Архангельск.

В отчете экспедиции В. А. Русанов уделил много внимания полезным ископаемым. Отметив неперспек-

тивность поисков каменного угля на Новой Земле, он рекомендовал обратить внимание на Шпицберген и Землю Франца-Иосифа, одновременно задаваясь вопросом: «Не упустили ли мы и Землю Франца-Иосифа, как уже упустили Шпицберген, и не почувствуем ли мы потом запоздалого сожаления об этой утрате?» [Там же, с. 193]. Подводя итог экспедиции, он писал: «Для того чтобы ориентироваться и продуктивно работать в совершенно необследованной стране, необходимо сначала с ней познакомиться хотя бы в самых общих чертах, необходимо ее пересечь или обойти в главных направлениях. И лишь после такой предварительной, чисто рекогносцировочной работы можно приступить к подробному исследованию отдельных пунктов, наиболее интересных и важных в научном или практическом отношении» [Там же, с. 219]. Одним из таких пунктов, по его мнению, могла стать губа Саханиха с породами девонского возраста, с которыми были связаны проявления признаков различных полезных ископаемых. В. А. Русанов подготовил и передал новому архангельскому губернатору докладную записку «О желательности продолжения обследования Новой Земли в 1912 году и в особенности обследования губы Саханихи», но на этот раз в его судьбу вмешался Петербург. После его успешных экспедиций в столице поняли, что лучшей кандидатуры для активизации русской деятельности на Шпицбергене не найти.

Шпицбергенская экспедиция 1912 г.

Эта экспедиция стала последней в жизни В. А. Русанова. О ней мало что известно в связи с исчезновением исследователя вместе с личным составом и экипажем судна. Сам В. А. Русанов кратко описал основные события этой экспедиции в двух телеграммах и трех письмах, отправленных со Шпицбергена (они включены в сборник его работ). Единственный отчетный документ экспедиции — карта заявленных участков для разработки полезных ископаемых была доставлена участником экспедиции Р. Л. Самойловичем, вернувшимся в Россию со Шпицбергена. Когда надежды на скорое возвращение В. А. Русанова и его спутников не осталось, Р. Л. Самойлович в 1913 г. опубликовал очерк о работах экспедиции на Шпицбергене. Поскольку оба исследователя шли разными маршрутами, их описания дают

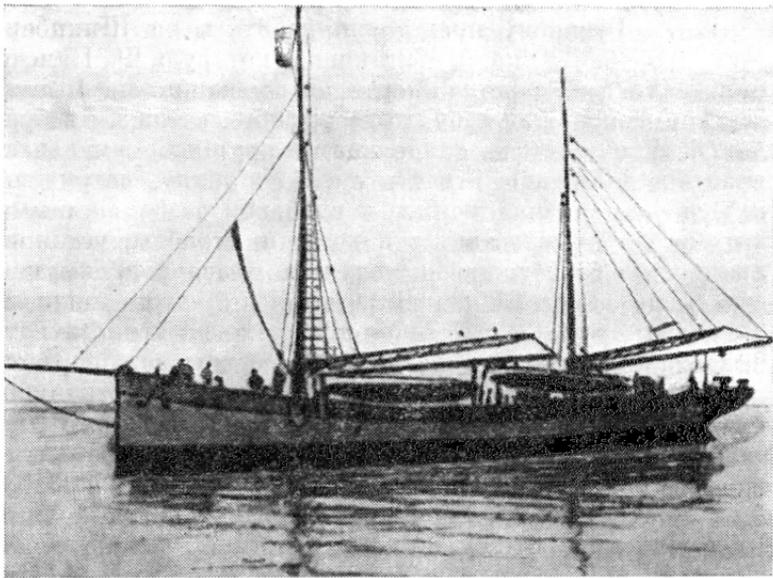
возможность судить о ходе экспедиции. Краткий отчет еще одного члена экспедиции, возвратившегося вместе с Р. Л. Самойловичем, — Э. Ф. Сватоша⁶ лишь уточняет отдельные детали и даты. Наконец, редкие находки заявочных столбов последней экспедиции В. А. Русанова на Шпицбергене позволяют скорректировать его маршруты на местности. Таким образом, источников, которые раскрывают деятельность экспедиции, весьма немного. И тем не менее сравнение их с опубликованными планами показывает, что она шла успешно.

В проекте Шпицбергенской экспедиции В. А. Русанов в соответствии с ее целями («обследование горных богатств Шпицбергена... важно проверить, в какой степени справедливы сообщения иностранцев об истреблении на всем Шпицбергене животных, имеющих промысловое значение» [Русанов, 1945, с. 284]) наметил следующие районы исследований: «...во-первых, Горн зунд — для осмотра русских построек, во-вторых, Бель зунд, в особенности южную ветвь этого залива — Зюйд бай как наименее обследованную, и, в-третьих, южную сторону Айс-фиорда... Едва ли представляется необходимость для экспедиции подниматься выше Айс-фиорда... На восточном берегу острова Принца Карла выступают сбросы третичных отложений, которые, может быть, небезынтересно было бы осмотреть... Обследование Стур-фиорда представляется особенно важным» [Там же, с. 277].

В плане Шпицбергенской экспедиции В. А. Русанов особо подчеркивает, что «экспедиция прежде всего должна будет уяснить на месте общее положение дел. Было бы преждевременным сосредоточивать все работы в одном пункте. Вначале желательно общее рекогносцировочное ознакомление с разными частями острова» [Там же, с. 285]. Р. Л. Самойлович называет целью экспедиции «производство геологических изысканий, ознакомление с существующими горнопромышленными предприятиями на Шпицбергене и определение возможных перспектив в развитии горной промышленности на пем, производство гидрологических работ в океане, а также сбор геологических и ботанических коллекций» [Самойлович, 1913, с. 5].

Научный состав подбирался в соответствии с заданием. Горный инженер Р. Л. Самойлович должен был

⁶ Хранится в ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 190, д. 351-б, л. 101—107.

«Геркулес» — судно последней экспедиции В. А. Русанова

заниматься обследованием горной промышленности архипелага, препаратору Э. Ф. Сватосу поручались зоологические сборы (для чего он был специально откомандирован Зоологическим музеем Петербургской Академии наук), А. С. Кучин (ученик известного норвежского океанолога Б. Хеллапа-Хансена, участник экспедиции Р. Амундсена в Антарктиду в 1910—1912 гг.) одновременно с исполнением обязанностей капитана отвечал за океанологические наблюдения. Наконец, в качестве натуралиста и медика [Русанов, 1945, с. 296] в экспедиции приняла участие Жюльетта Жан, о которой В. А. Русанов сообщает как об «окопчившей естественный факультет Парижского университета и в настоящее время состоящей студенткой медицинского факультета. Кроме того, указанное лицо работает в Сорбонне над диссертацией на степень доктора геологии у проф. Науг'а» [Там же]. В экспедиции была сильная геологическая группа, что отвечало основной задаче. Для экспедиции в Норвегии было куплено моторно-парусное судно «Геркулес» водоизмещением 63 т и мощностью мотора 24 л. с. Вместе с экипажем судна на его борту находились 14 человек.

В. А. Русанову предстояло работать на Шпицбергене в очень сложной обстановке, которую Ф. Нансен описал так: «...люди, никогда не бывавшие на Шпицбергене, воображают, будто достаточно, когда им взбрет в голову, стать владельцами крупных земельных участков на Севере — взять с собою лодку, нагруженную досками с надписями и вдобавок с фальшивыми датами, да приколотить эти доски к столбам, установленным на берегу, чтобы получить права и преимущества перед другими людьми, которые здесь жили и трудились, быть может, уже тогда, когда этих захватчиков еще и на свете не было. Известны даже примеры, когда люди посылали в мипистерство иностранных дел в Лондоне карты Шпицбергена, на которых отмечали как свою собственность большие участки страны, где их нога никогда не бывала...» [Нансен, 1938, с. 248]. А к мнению крупнейшего полярного исследователя в мире прислушивались. Важно отметить, что в своей книге «Шпицберген» Ф. Нансен отметил, что В. А. Русанов «прибыл на Шпицберген с целью сделать заявки на угольные участки для русского правительства» [Там же, с. 374], но не поставил его в один ряд с дельцами периода «угольного бума» на архипелаге⁷.

По мере поступления новой информации о ледовой обстановке в планы вносились поправки. Смысл их заключался в том, чтобы экспедиционные работы из Стур-фиорда с его сложными ледовыми условиями перенести к западным берегам архипелага, где льда было меньше. В последнем письме в министерство внутренних дел, отправленном 23 июня из Александровска, появляются некоторые уточнения: «Если состояние льдов позволит, то постараюсь дойти даже до такого северного пункта, как Зелепая и Королевская гавани. Если состояние льдов у восточных берегов Шпицбергена, в Стур-фиорде, будет неблагоприятно, то, соглас-

⁷ В то время между Ф. Нансеном и В. А. Русановым шла дискуссия о приоритете викингов и поморов в открытии Шпицбергена. Последние работы [Старков и др., 1983] свидетельствуют о присутствии русских на архипелаге с XVI в., тогда как норманнская версия не получила археологического подтверждения. Таким образом, В. А. Русанов оказался прав. Большинство исследователей (В. Стефанссон, К. Биркет-Смит и др.) также не поддерживают версию об открытии Шпицбергена древними скандинавами, которая, по мнению Р. Рамсея, «мягко выражаясь, весьма сомнительна» [1982, с. 173].

но инструкции, я не буду пытаться с риском зимовки проникнуть в этот фьорд» [Русанов, 1945, с. 297]. Тем самым обследование берегов Стур-фьорда не отменялось: рискованное плавание заменялось заведомо сложным, но менее опасным сухопутным маршрутом. Отметим также, что уже во время плавания по ледовым условиям пришлось отказаться от посещения Хорнсунна.

Итак, экспедиция В. А. Русанова на судне «Геркулес» оставила Александровск 9 июля (27 июня ст. ст.), а днем раньше из Хаммерфеста на Шпицберген на яхте «Веслеме» отплыла экспедиция Ф. Нансена. Великому норвежцу повезло больше — уже через двое суток показался Медвежий остров, который «Геркулес» миновал лишь 14 июля. От этого острова к своей цели оба судна шли практически с одинаковой скоростью в обход полосы льда у мыса Сэркапп. Норвежцы увидели его 12-го, а русские, видимо, 15 июля. Погода была переменной, она-то и сыграла с норвежцами злую шутку: при плохой видимости они обошли Землю Принца Карла с запада, и в день, когда «Геркулес» был у острова Медвежьего, Ф. Нансен, считавший, что находится у входа в Грэн-фьорд, вдруг обнаружил, что киль его яхты бороздит воды северной части пролива Форлансунн. Из-за этого навигационного просчета русские и норвежцы пришли к цели практически одновременно — «Веслеме» вечером 16 июля, а «Геркулес» утром следующего дня. Он вошел в воды Ван-Мейен-фьорда через пролив Аксель, высадив на Земле Норденшельда, в устье долины Берцелиуса, отряд Р. Л. Самойловича.

Начало работ Р. Л. Самойлович описал следующим образом: «План дальнейших работ был таков: В. А. Русанов с двумя матросами должен был, высадившись в бухте Михаэлиса (ныне Риндерс.— *В. К.*), совершить путь на восточную сторону Шпицбергена, мне же предстояло тем временем обследовать северное побережье Колокольного залива (Ван-Мейен-фьорда.— *В. К.*)» [Самойлович, 1913, с. 7].

После высадки отряда Р. Л. Самойловича «Геркулес» бросил якорь в восточном куту фьорда, в бухте Риндерс. В. А. Русанов приводит деталь, характерную именно для этой бухты: «Найдя удобную пристань у одного из глетчеров» [Русанов, 1945, с. 298]. В описываемом районе им может быть только ледник Паула, что и подтверждается дальнейшим описанием: «Для перехода я выбрал наиболее узкое место между восточ-

ным концом Бель зунда и Китовым заливом... Мы пошли... сначала по жидким моренам, а потом по самому леднику, спускающемуся в море...» [Там же, с. 299]. Здесь отряд ожидали тяжкие испытания, так как приходилось идти, утопая по колено в «снежных болотах», характерных для инфильтрационного типа питания ледников, что объясняется низким положением как водораздела ледников Паула—Стронг, так и границы их питания. При облете территории в августе 1966 г. эта часть ледника выглядела пестрой от множества «снежных болот», а в прифронтальных частях обоих выводных языков можно было увидеть обилие трещин и промоин. Безусловно, это был один из самых сложных пеших маршрутов. При выходе к побережью опасения В. А. Русанова полностью подтвердились: «Стур-фиорд к северу от Китового залива оказался покрытым сплошным, неразбитым льдом» [Там же]. В результате к побережью Стур-фиорда В. А. Русанов вышел только 21 июля, на сутки позже намеченного срока. В поисках угля отряд В. А. Русанова «стал продвигаться вдоль западного берега Стур-фиорда к северу... возвращение новым, более северным и чрезвычайно растресканным ледником оказалось в высокой степени опасным» [Там же]. Именно здесь В. А. Русанов провалился в глубокую трещину, но был спасен своими спутниками. «Новым, более северным» по отношению к Китовому заливу является ледник Томсона (на современных картах), который уже не назовешь «чрезвычайно растресканным», поскольку он отступает.

В бухту Риндерс, к месту стоянки «Геркулеса», В. А. Русанов прибыл на два дня позже, чем планировалось, лишь 24 июля, т. е. весь маршрут вместо четырех намеченных дней занял шесть. (В датах событий экспедиции среди ее участников имеются определенные расхождения, см. таблицу.) С. В. Обручев [1929] обнаружил в 1925 г. на побережье Стур-фиорда, между ледниками Стронг и Томсона, у подножия горы Жуковского заявочный столб с надписью: «В. А. Русанов, 1912». Здесь было выставлено три таких столба из плавника в местах с признаками меловых (барремских) углей.

До ледника Томсона маршрут В. А. Русанова прослеживается вполне отчетливо. По мнению В. М. Пасецкого и Д. М. Пинхенсона, возвращение к судну происходило новым, более северным маршрутом. Так, судя

В. А. Русанов и Жюльетта Жан на борту «Геркулеса»

по карте из сборника работ исследователя, его обратный маршрут начинался из бухты Агард. И это лишь одна из многих очевидных ошибок, допущенных составителями карты маршрутов экспедиции В. А. Русанова на Шпицберген, на что первым обратил внимание В. М. Пасецкий. Знакомясь с местностью, автор книги пришел к выводу, что возвращение от ледника Томсона в бухту Риндерс напрямик невозможно, так как, сократив расстояние примерно на 30 км, измученные люди должны были бы преодолеть четыре горные цепи высотой около 1000 м, не говоря уже о ледниках, располагавшихся между ними. С точки зрения выбора пути такое предположение просто противоречит здравому смыслу. Сам В. А. Русанов писал только о «новом, более северном» леднике, но никак не о пройденном пути, что также необходимо учитывать. По-видимому, после неудачи на леднике Томсона В. А. Русанов и его спут-

**Хронология маршрутов экспедиции В. А. Русанова
на Шпицберген в 1912 г.**

Раѳон работ	По Р. Л. Самойловичу [1913]	По В. А. Русанову [1945]	По З. Ф. Сватошу [Отчет ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 190, л. 351-6, л. 101-107]
Александровск	26.06	26.06	26.06
О. Медвежий	01.07		
Белльсунн	До 03.07	03.07	04.07
Паула-Стронг		05—11.07	
Грин-Харбор	16—19.07	Прибытие 15.07	15—18.07
Колсбэй	19.07		
Адвент-Бэй	19—21.07		
Далее в статье	1913 смена стиля		
Сканская бухта	05.08		
Колсбэй	07.08		
Бухта Трюгхамна	09.08		
Земля Принца Карла (прибытие)	12.08		31.07—02.08
Английская бухта	15.08		
Нью-Лондон	17.08		02—05.08
Кросс-фиорд	18.08		05—07.08
Гидрологический разрез	20.08		
Грин-Харбор		10.08	
Новая Земля (Маточкин Шар)		18.08	

Ф. Нансен на «Веслеме» прибыл в Грин-Харбор 24 августа 1912, г. Т. е. на сутки позднее «Геркулеса».

пики вернулись в бухту Риндерс по другому леднику (Кваль на современных картах), притоку ледника Стронга, по крайней мере такое решение в сложившейся обстановке представляется наиболее рациональным. Из всех сухопутных маршрутов В. А. Русанова именно этот наиболее протяженный (около 150 км), наиболее длительный (6 сут) и наиболее сложный (почти 120 км по ледникам в разгар таяния).

Работы Р. Л. Самойловича проходили в значительно-но менее сложных условиях. С момента высадки

17 июля в устье реки Берцелиуса Р. Л. Самойлович в сопровождении матроса на гребной шлюпке проводил самостоятельный маршрут по южному берегу Земли Норденшельда. После неудачной попытки войти в устье реки Берцелиуса (мешало сильное течение) было решено перейти на несколько километров восточнее, к подножию горы Кольфьелетт высотой 715 м. Здесь на склоне на контакте, по мнению Р. Л. Самойловича, юрских и третичных пород, а по современным представлениям нижнемеловых и третичных, был обнаружен пласт угля мощностью до 1 м.

Следующий объект исследований Р. Л. Самойловича — гора Сундевальтоппен, которая была «сложена из темных третичных сланцев и песчаников, причем последние на высоте 642 метра принадлежали к той же свите третичных песчаников с отпечатками растений, которая тянется с западного берега к восточному Шпицбергену» [Самойлович, 1913, с. 10—11]. С гребня горы был виден маленький силуэт «Геркулеса». «Необыкновенно красивое зрелище представляли острокопечные горы Шпицбергена и ледники при ярком сиянии солнца. Глубокое, неведомое чувство испытываешь при виде этого непередаваемого величия красоты», — отметил исследователь [Там же, с. 12].

После завершения первых маршрутов, оставив на берегах Ван-Мейен-фиорда 10 заявочных знаков, 28 июля «Геркулес» прибыл в Грэн-фиорд и бросил якорь у норвежской радиостанции. Отсюда В. А. Русанов писал: «Сейчас мы пойдем в Адвент-бай для осмотра эксплуатируемых угольных шахт и оттуда в Королевский залив и на остров Принца Чарльза» [Русанов, 1945, с. 300]. Русские исследователи сверили на радиостанции свои хронометры по сигналам времени из Парижа и «говорили по радиотелеграфу с капитаном парохода, шедшего из Исландии в Англию» [Самойлович, 1913, с. 15]. «Берега Зеленой гавани, — отметил Р. Л. Самойлович, — сплошь уставлены заявочными знаками отдельных предпринимателей и акционерных обществ, стремящихся здесь захватить участки с целью производства добычи угля, который здесь залегают мощными пластами, однако лишь американцы добывают уголь. Предприятие пока в зачаточном состоянии, и только этим летом была проведена штольня 200 м длиной» [Там же, с. 16]. Участники экспедиции побывали также на западном берегу залива, где обнаружили раз-

валины русского зимовья площадью около 40 квадратных аршин и кладбище с 15 могилами.

Пребывание в Грэн-фиорде заняло трое суток. Только 1 августа в бухте Колсбэй высадился отряд В. А. Русанова, а несколько часов спустя в Адвент-фиорде — отряд Р. Л. Самойловича. Исследователи снова работали порознь, чтобы обойти побольше территорий. Окрестности Адвент-фиорда уже тогда становились центром промышленной деятельности на Шпицбергене, и рабочий поселок горняков (сейчас административный центр Лонгьир), как отметил Р. Л. Самойлович, «состоит из 2—3 десятков строений, в которых помещаются рабочие, администрация, машины, склады и животные» [Там же, с. 27].

Спустя двое суток отряд В. А. Русанова также прибыл в Адвент-фиорд. Завершив здесь обследование шахт, экспедиция на «Геркулесе» перешла в Сканскую бухту (Земля Диксона), где работа продолжалась с 5 по 6 августа. За это время В. А. Русанов обошел Сканскую бухту, поставив здесь три заявки на перспективных участках. Отряд же Р. Л. Самойловича безрезультатно с точки зрения поисков угля обследовал район побережья до мыса Тордсен. 7 августа экспедиция на «Геркулесе» вернулась в Колсбэй, очевидно, чтобы еще раз провести разведку района. И не напрасно — на будущий год русские горняки под руководством Р. Л. Самойловича начали в этих местах добывать уголь.

9 августа судно перешло в бухту Трюгхамна (Спокойная у Р. Л. Самойловича), где восточнее массива Алькхорн работы продолжались до 12 августа. Р. Л. Самойлович отметил: «Берега Спокойной гавани уставлены заявочными знаками по преимуществу норвежских компаний». [Там же, с. 31], добавив несколько слов по поводу каменноугольной фауны в породах, слагающих мыс Сельма, а также о находке русских развалин в бухте Йемер со следами пожара. В целом именно побережье Ис-фиорда наиболее детально обследовалось. В короткие сроки, с 29 июля по 11 августа, здесь было выставлено 10 заявок на перспективных участках в трех районах: между Колсбэем и Адвент-фиордом, у Сканской бухты и в окрестностях бухт Трюгхамна, Йемер и в тундре Эрдмана. В частности, одна из таких заявок в виде столба из плавника длиной 110 см с надписью: «Rusanov, 1912» — была обнаружена несколько

лет назад отрядом ленинградских геологов под руководством А. И. Панова.

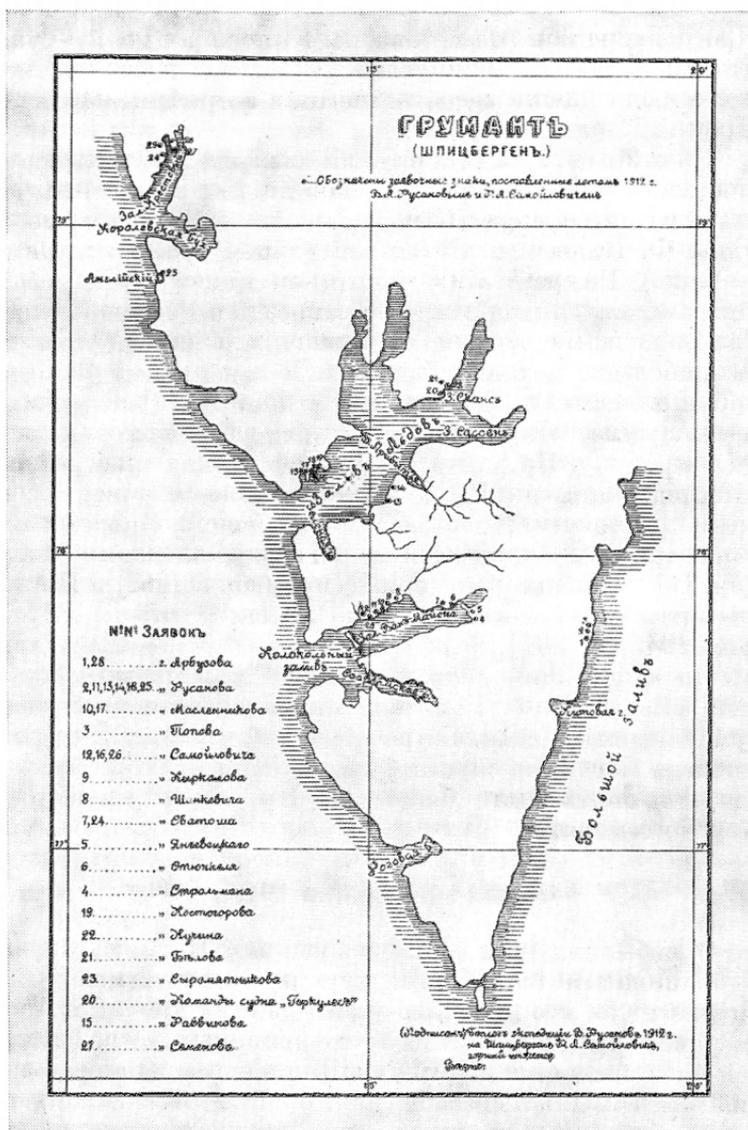
С 12 по 15 августа работы проходили на Земле Принца Карла и начались, по-видимому, с бухты Сельвоген — единственной и более или менее удобной на восточном побережье острова. Как и прежде, отряды В. А. Русанова и Р. Л. Самойловича работали раздельно, однако восстановить детально маршруты по имеющимся материалам невозможно, даже в отчете Р. Л. Самойловича они охарактеризованы вскользь: «Русанов в сопровождении матроса Раввинова отправился по водоразделу (? — В. К.) на западную сторону острова. Я же с матросом Черемхиным пошел к северо-западу, имея намерение ледником пройти к тому же, западному побережью» [Там же, с. 33].

От бухты Сельвоген к западному побережью ведет удобная сквозная долина Скоттия-Гаук, и, видимо, В. А. Русанов прошел по ней, по крайней мере в одном направлении. По Р. Л. Самойловичу, возвращался он другой дорогой. Но какой? Что касается маршрута Р. Л. Самойловича, то, возможно, он перевалил через хребет по ледникам Додс и Магда, где-то южнее пика Джесси, а затем, «пройдя на север вдоль западного берега острова, мы другой дорогой вернулись к гавани» [Там же]. Даже если отряд Р. Л. Самойловича возвращался по сквозной долине с ледниками Миллер и Фолл, то и в этом случае протяженность маршрута близка только к 50 км и описываемый маршрут на местности представляется реальным, тем более что ледники острова, по личному опыту автора, проходимы. Интересно другое. Все описанное Р. Л. Самойловичем показывает, что оба исследователя стремились к западному побережью, тогда как именно «на восточном берегу острова Принца Карла выступают сбросы третичных отложений» [Русанов, 1945, с. 277], в какой-то мере связанных с наличием углей. К сожалению, ни В. А. Русанов, ни Р. Л. Самойлович не раскрыли целей и результатов этих поисков, более продолжительных, чем в Колсбэе или в Сканской бухте. Известно только, что каких-либо заявок на этом острове, сложенном преимущественно древними магматическими породами (так называемая серия Гекла-Хук), поставлено не было.

15 августа началось обследование полуострова Брёггер, как и раньше, двумя отрядами; причем, учи-

тывая сроки и расстояния, «Геркулес» мог перейти в Английскую бухту только проливом Форлансунн. Само по себе это свидетельствует о высоком мастерстве капитана А. С. Кучина, поскольку глубины в проливе у стрелки Сарса достигают в отлив всего 3 м, в то время как осадка судна достигала 2,5 м, сильные приливно-отливные течения также осложняли плавание в проливе.

Судя по данным Р. Л. Самойловича, отряд В. А. Русанова был высажен в Английской бухте, вблизи выставленного здесь заявочного столба (см. карту). Отсюда пересечь полуостров Брёггер можно по сквозным долинам, которыми привык пользоваться в таких случаях В. А. Русанов. Более заметен с моря путь по ледникам Эдит и Ловен Восточный, который на подходах просто бросается в глаза. Однако в 7 км западнее, между горами Бьёрвиг (615 м) и Стеен (730 м), располагается более низкий и удобный перевал, которым обычно пользуются в настоящее время. Оба перевала преодолеть не составляло большого труда, тем более для такого опытного исследователя, как В. А. Русанов. Проблема прохода через горы на полуострове Брёггер занимала и Р. Л. Самойловича. Когда «Геркулес» обошел полуостров Брёггер с запада, Р. Л. Самойлович отметил: «Мы бросили якорь в южной гавани (т. е. в окрестностях современного Нью-Олесунна). Отсюда я отправился на юг... Идя вдоль возвышенностей, мы довольно быстро достигли Английской гавани... обойдя таким образом полуостров Брёггер по побережью» [Самойлович, 1913, с. 34]. На этом маршруте были отмечены признаки угля, следы пребывания поморов, а также четкие проявления карста. Р. Л. Самойлович описал еще одну особенность пород среднего карбона, буквально бросающуюся в глаза на местности. «Часть известняков благодаря содержанию окиси железа окрашена в кирпично-красный цвет, и река, размывающая эту породу (песчаники-алевролиты по современным представлениям.— В. К.), несет в море совершенно красную воду» [Там же]. Об обратном возвращении Р. Л. Самойлович ничего не говорит, но на местности речка с красной водой выводит к описанному выше низкому и удобному перевалу горы Бьёрвиг, которым мог воспользоваться исследователь. Судя по положению заявочного знака, В. А. Русанов, видимо, прошел перевалом через ледники Эдит и Ловен Восточный.

Отчетная карта Шпицбергенской экспедиции В. А. Русанова

Заключительный этап экспедиции проходил в очень сжатые сроки. Рекогносцировка побережья с посещением горных предприятий в Конгс-фиорде и установкой четырех заявочных знаков в Кросс-фиорде была выполнена в четыре дня. Интересно, что заявки на берегах

Кросс-фиорда были выставлены на породах Гекла-Хука, что исключает наличие углей. Возможно, В. А. Русанов и его люди нашли здесь то, чего не встретили на Земле Принца Карла?

Уже 20 августа «Геркулес» вышел на выполнение гидрологического разреза длиной до 150 км к западу от входа в Конгс-фиорд. (Сходные наблюдения были выполнены Ф. Нансеном в этом же районе тремя неделями раньше.) Во время этих работ, как пишет Р. Л. Самойлович, «разрешился вопрос об отъезде в Россию зоолога Сватоша и меня, как окончивших свои работы на Шпицбергене, а также боцмана Попова, заболевшего во время плавания» [Там же, с. 36]. 23 августа экспедиция на «Геркулесе» прибыла в Грён-фиорд, чтобы отправить их на родину. На радиостанцию поступила телеграмма: «Исследования на Шпицбергене закончены, вся программа выполнена, поставлено 28 заявок. Собраны палеонтологическая, зоологическая и ботаническая коллекции. Обследована вся горная промышленность Шпицбергена. Много льдов. Иду на восток. Русанов» [Русанов, 1945, с. 301].

На следующий день у низкой косы бросила якорь яхта «Веслème» Ф. Нансена, также закончившего работу в северных водах. Встреча полярников так и не состоялась. Когда год спустя Ф. Нансен посетил устье Еписея, они опять были близко друг от друга на востоке Карского моря.

Финал экспедиции 1912 г.

О событиях последней экспедиции В. А. Русанова, выполнившего шпицбергенскую программу, мы знаем крайне мало, что породило много разных домыслов. Тем не менее, пожалуй, никто из современных исследователей не сомневается в том, что Шпицбергенская экспедиция явилась лишь своеобразной прелюдией к какому-то масштабному предприятию, суть которого до конца не ясна и, судя по последнему, 10-му пункту «Плана Шпицбергенской экспедиции», связана с проблемой Северного морского пути: «Нахожу необходимым открыто заявить, что... я бы смотрел на обследование Шпицбергена как на небольшую первую пробу.

С таким судном можно будет широко осветить, быстро двинуть вперед вопрос о Великом Северном мор-

ском пути в Сибирь и пройти Сибирским морем из Атлантического в Тихий» [Русанов, 1945, с. 287]⁸. О существовании плана на навигацию 1912 г., причем связанного с зимовкой, имеется ряд свидетельств: воспоминания Р. Л. Самойловича и Н. В. Пинегина (по результатам бесед с В. А. Русановым), письма членов экипажа (например, матроса В. Черемхина, хранящиеся в фондах Музея Арктики и Антарктики в Ленинграде) и др. Интересно и другое — во многих документах указывается месяц октябрь, который, очевидно, имел особое значение в развитии событий: в письме В. Черемхина («Контракт наш заключили до половины октября...» [Пасецкий, 1961, с. 167]), в ведомости жалования на команду за подписью начальника Архангельского порта А. Эльзендорга («срок службы команды четыре (4) месяца, считая с 14-го июня 1912 года») и, наконец, в письме самого В. А. Русанова («Ждите вестей от экспедиции не раньше октября» [Русанов, 1945, с. 301]).

К проблеме октября как наиболее вероятного начала зимовки мы еще вернемся, а пока отметим, что в предшествующих экспедициях В. А. Русанова существовало всегда два плана исследований (на что впервые обратил внимание В. М. Пасецкий): официальный (с минимальным объемом работ) и личный (с максимально возможными задачами); причем работы всегда проводились по второму. Этим-то вторым, максимальным планом экспедиции 1912 г. и стала попытка «двинуть вперед вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь».

После выхода из Грин-Харбора (Грэн-фиорда) 23 августа 1912 г. «Геркулес» направился к Маточкину Шару по кратчайшему расстоянию, пересекая Баренцево море с запада на восток. Переход, судя по известным датам, произошел за 8 сут со среднесуточной скоростью 97 миль, такой же, как и при плавании от Александровска к Шпицбергену. Учитывая расстояние от Шпицбергена до Новой Земли, считать, что были отклонения от прямого пути, нет никаких оснований.

⁸ В. М. Пасецкий отметил, что мероприятия в пункте 10 В. А. Русанов «не приурочивал к 1912 году, а как бы намечал на будущее» [Пасецкий, 1961, с. 179]. По мнению автора, в первую очередь это относится к заключительной части цитаты В. А. Русанова.

Обитатели Поморской губы, по-видимому, были последними, кто видел 31 августа В. А. Русанова и его спутников живыми и здоровыми. Со слов очевидцев много лет спустя И. К. Вылка так описал отплытие «Геркулеса»: «...Русанов больше всего находился у местного населения. В момент ухода последней шлюпки к борту своего судна в теплой и дружеской обстановке прощался с местными жителями... В момент отшвартовывания шлюпки от берега все взрослое население из боевого оружия дало трехкратный салют в честь отбытия... Когда судно „Геркулес“ уходило в море все дальше и дальше, жители бросились на гору, чтобы еще раз приветствовать и пожелать Русанову и его спутникам счастливого плавания.

...Погода в тот день не благоприятствовала путешествию Русанова, так как еще до проводов его на борт судна поднялся сильный восточный ветер, от которого даже стоящее на рейде судно „Геркулес“ дало большой крен на борт... Хотя день был ясный, но над горами острова Новой Земли было много „сердитых“ белых облаков, предвещавших нехорошую погоду. Пролив был чист и льдин не было. Здесь хочу пояснить в отношении наших еще старых примет: если подул восточный ветер и над горами появились белые облака, это значит, что из Карского моря приближается к берегам острова ледяной покров (разбитые льдины).

Отец мне рассказывал, что Русанов, уходя в далекое плавание на шлюпке до своего судна „Геркулес“, все время махал своей шляпой провожавшим его жителям в необычайно хорошем настроении» [Пасецкий, 1961, с. 204—205]. Действительно, в судовом журнале «Святой Анны» под командованием Г. Л. Брусилова два дня спустя отмечен сплошной лед на юге Карского моря, недоступный судну, — возможно, продолжение ледового массива у Маточкина Шара. В становище у ненцев осталась телеграмма следующего содержания: «Юг Шпицбергена остров Надежды окружены льдами Занимались гидрографией Штормом отнесены южнее Маточкина Шара Иду северо-западной оконечности Новой Земли отсюда на восток Если погибнет судно направлюсь ближайшим по пути островам Уединения Новосибирским Врангеля Запасов на год все здоровы Русанов».

То немногое, что нам известно, позволяет думать, что льдов на пути к мысу Желания «Геркулес» на

Телеграфъ Из С.-Петербурга, Почт.-Тел. Бюро Пер. Ст. Большой №		Телеграмма. 63 ПЕРГ СТИНКЕЛЬ : ЛАБЕРЕЖИ ХААНОВКИ 9													
Б. АЛЕКСАНДРОВСКА 2 208. 31. 19. 8. 15 AM															
Дата 20/11/1912 г. Час 08 Прислано <i>Зр</i>	№ 621	<table border="1"> <tr> <th>Разряд</th> <th>Служба связи</th> <th>Дороги</th> </tr> <tr> <td>.....</td> <td>.....</td> <td>.....</td> </tr> <tr> <td>.....</td> <td>.....</td> <td>.....</td> </tr> <tr> <td>.....</td> <td>.....</td> <td>.....</td> </tr> </table>	Разряд	Служба связи	Дороги	Служба связи
Разряд	Служба связи	Дороги													
.....													
.....													
.....													
ИССЛЕДОВАНИЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ ЗАКОНЧЕНО ВСЯ ПРОГРАММА ВЫПОЛНЕНА ПОСТАВЛЕНО 28 ЗАЯВОК СОБРАНО ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЗООЛОГИЧЕСКАЯ БОТАНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИИ ОБСЛЕДОВАНА ВСЯ ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ШПИЦБЕРГЕНА МНОГО ЛЬДОВ ИДУ НА ВОСТОК РУСАНОВ															

Последняя телеграмма В. А. Русанова

встретил, так как почти в течение месяца кромка льда на востоке Баренцева моря сместилась с $78^{\circ}30'$ с. ш. (по наблюдениям на «Минерве») до 76° с. ш. (по наблюдениям на «Святом Фоке» в конце сентября того же года), т. е. всего на 270 км к югу. Учитывая скорость смещения ледовой кромки и время, необходимое «Геркулесу», чтобы добраться до мыса Желания, примерно четверо суток было вполне достаточно, чтобы беспрепятственно войти в Карское море. Так предположительно развивалась обстановка в первой декаде сентября 1912 г., но все дальнейшее остается под покровом тайны. Единственно, в чем, пожалуй, можно не сомневаться — если бы «Геркулес» зазимовал у берегов Новой Земли, были бы обнаружены хоть какие-то признаки его пребывания.

В попытках оценить развитие событий в экспедиции В. А. Русанова после Шпицбергена жертвами ошибок порой становились и умудренные опытом полярники. Так, первоначально Ф. Нансен сформулировал свою точку зрения следующим образом: «За Русанова труднее ручаться, чтобы он непременно стремился попасть в Диксонову гавань, но и у восточного побережья Карского моря он вряд ли побывал, так как там о нем ничего не слыхали. Скорее всего, он направился к берегу

Новой Земли, но только не к западному, так как экспедиция Седова не нашла там его следов. Значит, он презимовал где-нибудь на восточном берегу...» [Нансен, 1915, с. 72]. Но, поскольку такое развитие событий не подтвердилось, вскоре Ф. Нансен стал намечать и другие районы возможного пребывания В. А. Русанова: «Во время моего путешествия в Сибирь (в 1913 г.— В. К.) мы напрасно искали следы экспедиции Русанова на острове Диксона... Русанов, наверное, побывал бы там, если бы попал со своим судном в Карское море. Также напрасно искали следы его пребывания на берегах Новой Земли и, кроме того, на острове Уединения, где поиски вел Свердруп» [Нансен, 1938, с. 375].

Воистину мудреную загадку задал В. А. Русанов своим современникам! Во всяком случае, 10-й пункт «Плана Шпицбергенской экспедиции» в то время не вспоминали. Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач» в навигацию 1913 г. вообще не получала указаний о поиске В. А. Русанова или его следов. О том, что такие поиски ведутся, моряки с этих судов узнали по радио 8 сентября 1914 г. с барка «Эклипс», крейсеровавшего у островов Тилло вблизи Таймырского побережья в поисках следов экспедиции на «Геркулесе».

Как известно, в одно время была утрачена связь с экспедициями В. А. Русанова, Г. Л. Брусилова и Г. Я. Седова, и это не могло не беспокоить русскую общественность. Поэтому не случайно 18 ноября 1913 г. в совет Русского географического общества за подписью 40 его видных членов, среди которых были известные полярные исследователи Ф. Н. Чернышев, К. А. Волосович, И. П. Толмачев, М. Я. Кожевников и др., поступило письмо, в котором, в частности, отмечалось: «Нижеподписавшиеся члены императорского Русского географического общества обращаются к обществу с просьбой взять на себя инициативу в деле организации помощи экспедиции Г. Я. Седова и к розыску экспедиций Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова и оказанию им помощи. Нижеподписавшиеся обращают внимание общества на то, что все вспомогательные экспедиции необходимо организовать уже в предстоящем 1914 году, так как всякое промедление в этом деле может иметь самые печальные последствия». Спустя два месяца П. П. Семенов-Тянь-Шанский обратился к министру внут-

ренных дел Н. А. Маклакову, повторив аргументацию инициативного письма, особо настаивая на государственной помощи: «Помощь правительства, надлежащим образом, быстро и во время организованная, может их спасти и тем самым возратить Отечеству энергичных честных работников для дальнейшей деятельности». В создавшихся условиях царскому правительству пришлось принимать меры по спасению людей, по его мнению «легкомысленно, на свой страх и риск пустившихся в плавание» [Пинхенсон, 1962, с. 523—524]. Помимо «Эклипса», в поисках участвовали суда «Герта», «Андромеда» и «Печора». Но произошло событие, повлиявшее на направление поисков. Осенью 1914 г. на борту «Святого Фоки» вернулись спасенные участники дрейфа «Святой Анны». Они доставили судовой журнал, анализ которого показал, что в Карском море существует дрейф льда, направленный на север, в обход Новой Земли с востока, а Земли Франца-Иосифа с востока на запад. Это дало основание заведующему гидрометеорологической частью Главного гидрографического управления Л. Л. Брейтфусу (1915 г.) заявить: «Если Русанову в 1912 году, так же как и в 1910 году, удалось, несмотря на крайне неблагоприятное состояние льдов, проскочить в Карское море, обогнув мыс Желания, то он должен был здесь подвергнуться новой опасности... „Геркулеса“ следует искать уже не в Карском море, а в водах к северу или северо-западу от Шпицбергена, то есть, надо полагать, судно это разделило участь судна „Фрам“ и судна „Святая Анна“».

Такой «прогноз» лишил людей с «Геркулеса» последних шансов на спасение... Если в 1914 г. «Андромеда» и «Печора» безрезультатно обследовали западные берега Новой Земли (куда и Я. И. Нагурский впервые летал на гидросамолете), а «Герта» посетила Землю Франца-Иосифа, то на следующий год в летние месяцы «Герта» обследовала берега Шпицбергена, а «Андромеда» под командованием Г. И. Поспелова (капитана «Дмитрия Солунского» в экспедиции 1910 г.) после неудачных попыток пробиться к Земле Франца-Иосифа осмотрела северо-восточные берега Новой Земли до ледников Норденшельда. На этом поиски прекратились.

Много времени спустя невозможно понять, почему был полностью проигнорирован пророческий прогноз, высказанный буквально по свежим следам участником событий Р. Л. Самойловичем: «Может быть также, что

они успели обогнуть мыс Желания и, не достигнув устьев Оби или Енисея, принуждены были остаться на зимовку» [Самойлович, 1913, с. 38]. Того же взгляда придерживался Н. В. Пинегин, встречавшийся с В. А. Русановым накануне экспедиции 1912 г.: «Из записки, оставленной в Маточкином Шаре, можно заключить, что целью этого похода было стремление доказать возможность прохода на судне к устьям сибирских рек мимо оконечности Новой Земли» [Пинегин, 1935, с. 42].

В том, что к мнению Р. Л. Самойловича и Н. В. Пинегина не прислушались, поскольку они были начинающими полярниками, удивительного ничего нет, но как организаторы поисков не приняли во внимание ближайшие планы В. А. Русанова, опубликованные в печати, просто непонятно. В статье «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан» были уже намечены вехи будущего пути. Действительно, характеризуя предстоящую экспедицию 1910 г., В. А. Русанов особо отметил: «Если работы экспедиции дадут положительные результаты, то уже в 1911 году можно будет сделать первый пробный рейс из Архангельска в Енисей по новому Ледовито-Океанскому пути» [Русанов, 1945, с. 67]. Но, как мы помним, полевой сезон 1911 г. был посвящен обследованию Южного острова Новой Земли. Значит, вполне логично, что исполнение задуманного было перенесено на 1912 г., а завершить плавание планировалось к октябрю — вот почему именно этот срок и указан во многих документах.

В литературе о В. А. Русанове, как правило, обращается внимание на пункты, перечисленные в его последней записке-телеграмме, оставленной в Маточкином Шаре 31 августа 1912 г.: остров Уединения, Новосибирские острова, остров Врангеля. Большинство толкователей этого документа увидели здесь некий маршрут плавания. Между тем сам В. А. Русанов писал: «Течение должно огибать Новую Землю; еще раз отклоняясь к востоку, это течение медленно передвигает полярные льды от северных сибирских берегов к Гренландии. Обломки несчастной „Жаннетты“ и трехлетний дрейф „Фрама“ во льдах с неопровержимой ясностью доказали, что льды, отодвигаемые от северных европейско-азиатских берегов теплым, проходящим у западных берегов Новой Земли течением, выносятся в Атлантиче-

ский океан уже холодным обратным течением, проносщим льды у восточных берегов Гренландии» [Там же, с. 66]. В. А. Русанов заблуждался в оценке общей циркуляции вод Северного Ледовитого океана, тем не менее приведенный отрывок объясняет перечень указанных им в последней телеграмме островов: попутное течение вынесло бы к ним потерпевших кораблекрушение. Таким образом, на основе анализа творчества В. А. Русанова появилась первая версия цели плавания 1912 г. на восток — в устья сибирских рек, причем родоначальником этой версии можно считать Р. Л. Самойловича.

Вторая версия возникла при особых обстоятельствах. В период индустриализации нашей страны возрос интерес к проблеме Северного морского пути. Уже одно то, что многовековая мечта человечества была близка к осуществлению, заставляло по-новому взглянуть на проблему, в разрешение которой В. А. Русанов внес большой вклад. М. С. Боднарский в разделе своей книги, посвященном В. А. Русанову, отмечал: «Его заветной мечтой было пробраться к острову Уединения и дальше к мысу Челюскин и Берингову проливу для океанографических и геологических исследований...» [Боднарский, 1926, с. 154]. Чтобы доказать возможность такого развития событий, М. С. Боднарский пошел на правку текста последнего документа В. А. Русанова — «если не погибнет судно». Важно обратить внимание читателя на то, что в цитированных выше строках упоминаются такие географические названия и раскрываются такие задачи, о которых нет речи ни в одном из русановских документов. Тем же путем, к сожалению, пошел и В. Ю. Визе: «Из записки мы узнаем, что, отправляясь в плавание на „Геркулесе“, Русанов имел большой план пройти северо-восточным проходом до Берингова пролива... На свое судно он не очень надеялся и поэтому пишет, что в случае гибели судна отправится (очевидно, пешком по льдам или на лодке) к ближайшему острову. Из перечисления этих островов следует, что Русанов собирался совершить свое плавание вдали от сибирских берегов, а это, учитывая качества его корабля, было несомненной ошибкой» [Визе, 1932, с. 72]. И хотя в 1934 г. выяснилось, что «Геркулес» пересек Карское море, оказавшись вполне надежным судном, точка зрения В. Ю. Визе не изменилась.

Находка предметов, принадлежавших, несомненно, членам экипажа «Геркулеса», произошла при следующих обстоятельствах. Летом 1934 г. топограф А. П. Гусев из состава гидрографического отряда на борту парусно-моторной шхуны «Сталинец», высадившись на один из островов в группе Мона у Берега Харитона Лаптева, обнаружил здесь деревянный столб высотой 2 м, обложенный у основания камнями, с вырезанной надписью: «Геркулес, 1913». Вблизи валялись остатки сломанных нарт и крышка от патронного ящика. (В 1938 г. этот столб с острова, получившего название Геркулес, вывез известный полярный геолог П. В. Виттенбург, работавший на Шпицбергене с 1913 г. с Р. Л. Самойловичем. Ныне этот памятник находится в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде.)

Спустя несколько недель, когда другая гидрографическая партия со «Сталинца» работала в северной части шхер Минина (примерно в 80 км от острова Геркулес), топограф М. И. Цыганюк на песчаном перешейке небольшого безымянного островка (названного позднее островом Попова—Чухчина) наткнулся на остатки одежды, детали фотоаппарата «Кодак», бумажные патроны, ложки, сломанный горный компас, бритву, монеты и другие предметы. Особую ценность среди находок могли иметь письменные источники, о которых в акте на передачу на хранение во Всесоюзный Арктический институт от 10 ноября 1935 г. сказано, что они «настолько неясны и неполны, что не дают представления о содержании их текстов, за исключением: 1) одной карточки „Георгий Николаевич Александров“, наклеенной на почтовую карточку, на которой осталось изображение дома с садом на берегу реки или моря; 2) части текста одного документа, содержащего слова: «Василью Григорьеву Попову в том, что он плывал на вверенном мне пароходе „Николай“ Д. И. Масленникова в должности матроса навигации 1911 г. с 1 марта по 20 декабря 1911 г.», 3) ясного оттиска почтового штемпеля «Архангельск 13.4.08.»; 4) сохранившегося адреса па почтовой карточке: „становище Териберка, Александру Петровичу Чухчину“; 5) текста истлевшей визитной карточки „Зенон Францевич Сватощ“».

Документы со всей очевидностью подтверждали: речь шла об участниках экспедиции на «Геркулесе». Важно другое: само положение находок, в 150—200 км от входа в Енисей, свидетельствовало в пользу версии

Р. Л. Самойловича—Н. В. Пинегина. Не вдаваясь в подробности, лишь отметим, что позднейшие находки не внесли ничего принципиально нового в то, что уже известно читателю.

Вскоре было проведено повторное обследование острова Попова—Чухчина. Участник поисков А. В. Марышев прямо утверждает: «Все находки, в том числе донесения Русанова, которые были найдены в смерзшемся состоянии, были упакованы в ящик и с л/п „Георгий Седов“ отправлены в Ленинград» [Пасецкий, 1974, с. 10]. Однако в специальном письме, хранящемся в фондах Музея Арктики и Антарктики, другой участник поисков 1934 г.—М. И. Цыганюк категорически заявляет: «Никаких донесений Русанова, упоминаемых Марышевым в своей записке, в действительности найдено не было... Донесения Русанова, якобы найденные «Торосом», не что иное, как выдумка Марышева». Оба варианта описания событий исключают один другой и равным счетом ничего не проясняют в судьбе людей с «Геркулеса». Кстати, экипажем «Тороса» в музей были переданы кости, которые под № 657 экспонировались в качестве останков человека вплоть до 1972 г. И только актом от 22 июля того же года за подписями кандидата биологических наук Е. И. Кузьминой, кандидата географических наук В. А. Троицкого и главного хранителя фондов музея В. В. Кондратьевой на основании заключения специалистов Зоологического музея АН СССР была установлена принадлежность этих костей... кольчатой нерпе.

Следует сказать, что в качестве «неопровержимых» улики часто предъявляются самые разнообразные кости,—видимо, с них и пошла легенда об открытии В. А. Русановым Северной Земли. Какие-то кости, остатки судна и пустые консервные банки, судя по рассказу топографа Н. Н. Пьянкова, были найдены им в заливе Ахматова в 1947 г. Проверяя этот факт, доктор исторических наук М. И. Белов не обнаружил в документах экспедиции, в которой работал Н. Н. Пьянков, ни слова об этих находках. Кроме того, известный полярный гидрограф В. А. Троицкий проанализировал все обстоятельства, связанные с этой версией, и пришел к следующему заключению: «Следует сделать вывод, что в месте находки 1947 года человеческих костей не было — за них были приняты кости животных» [Шпаро, Шумилов, 1982, с. 130].

Таким образом, версия открытия Северной Земли оказалась несостоятельной.

В ряду проблем, связанных с последней экспедицией на «Геркулесе», особо стоит вопрос о так называемой третьей стоянке русановцев в районе полуострова Михайлова (первая — на острове Геркулес, вторая — на острове Попова — Чухчина). Вполне логично, что после зимовки в 1912/13 г. экипаж «Геркулеса» предпринял попытку выйти к жилым местам на материке. В 1921 г. известный полярник-промысловик Н. А. Бегичев обнаружил следы сожжения трупа человека. Долгое время считалось, что это был участник норвежской экспедиции на судне «Мод», зимовавшей в 1918—1919 гг. вблизи мыса Челюскин, П. Кнутсен, погибший при попытке доставить почту на остров Диксон. Предполагалось, что кремировал П. Кнутсена его товарищ П. Тессём, также позднее погибший в окрестностях Диксона. Однако в 1973 г. литератор Н. Я. Болотников по находкам на острове Попова — Чухчина и в окрестностях полуострова Михайлова высказал мысль, что обнаруженные в 1921 г. Н. А. Бегичевым останки принадлежат члену экипажа «Геркулеса». Учитывая, что обе экспедиции снаряжались в Норвегии, сходство найденных предметов снаряжения и обмундирования в общем неудивительно. Однако свидетельство Н. А. Бегичева, опытного промысловика, для которого поиск являлся его профессией, не позволяет нам пока принять версию Н. Я. Болотникова. В отчете Н. А. Бегичева говорится: «Я увидел обгоревшие дрова, шлюпочный крюк, мелкие раздробленные кости человека, много пуговиц, гвоздей, очки, выстреленные винтовочные гильзы... Оказалось, труп был сожжен на костре, костер был свежим, уголь на дровах, не обмытый дождями, и лежавшие около которого винтовочные гильзы норвежского военного образца были выпуска 1915 года»⁹. Н. А. Бегичев, описавший страшную находку, отчетливо понимал ее значение. Если он отметил, что уголь не был обмыт дождями (что вполне допустимо для условий Арктики за два года), то тем более трудно представить ошибку в дате на гильзе.

Таким образом, попытка разгадать судьбу последней экспедиции В. А. Русанова не увенчалась пока успехом.

⁹ ААН СССР, ф. 47, оп. 5, д. 8, л. 47—48.

Научное наследие

Концепция геологического строения Новой Земли

Начиная свои наблюдения на суровом полярном архипелаге, В. А. Русанов писал: «Исключая два-три пункта, вся Новая Земля была совершенно не обследована перед началом моих работ на ней. Если не считать случайных заметок Норденшельда и небольшой статьи академика Ф. П. Чернышева, то, приступая к геологическому исследованию Новой Земли, я не имел никакого руководства» [Русанов, 1945, с. 219]. По сути дела, перед исследователем открывалось обширное поле деятельности.

Первая работа В. А. Русанова по геологии Новой Земли вошла в сборник его работ издания 1945 г. под заголовком «Состояние геологических исследований на Новой Земле». В ней начинающий геолог-полярник готовит необходимый научный «плацдарм» на будущее, обосновывая исходные позиции. В этой работе В. А. Русанов впервые выделяет первичные породы — от нижнего палеозоя до карбона и вторичные — более молодые мезозойские. Еще в 1875 г. А. Э. Норденшельд отметил, что «в рыхлом песке на берегу встречались куски белемнита, угля и окаменелого дерева. К сожалению, я не мог здесь оставаться столько времени, чтобы отыскать тот слой, которому обязаны происхождением куски угля» [Норденшельд, 1875, с. 26]. А В. А. Русанов достаточно уверенно показал, что породы с юрской фауной белемнитов в основной массе переотложены и значительных массивов на Новой Земле не образуют. Он впервые обнаружил современную морскую фауну (*Pecten islandica*, *Balanus* и др.) на морских террасах высотой до 50 м, что, несомненно, свидетельствовало о поднятии берегов Новой Земли. Значительные изменения уровня заставили его особо отметить, что «нельзя в настоящий момент отбросить гипотезу о существовании других проливов к северу от Маточкина Шара» [Русанов, 1945, с. 228]. Правда, здесь В. А. Русанов ошибался в причинах: колебания уровня моря были здесь не при чем. Зато ледники нередко перегораживали поперек врезанные в глубь суши заливы-фиорды, что и позволяло надеяться на еще один пролив поперек Новой Земли вплоть до 20-х годов. Что касается угля, то, указав на

его признаки, В. А. Русанов не рисовал обнадеживающих перспектив.

Много времени спустя интерес у нового поколения геологов вызвала его статья «О силуре Новой Земли», опубликованная на французском языке в 1909 г. Значение этой работы заключается не в открытии нового вида силурийских ископаемых *Кагосерас* (что нередко подчеркивают авторы-негеологи), а в том, что В. А. Русанов впервые описал обнажение лудловского яруса силура с «наибольшим разнообразием фаций как в литологическом, так и в фаунистическом отношении» [Ермолаев, 1937, с. 113], причем с целым рядом характерных представителей ископаемой фауны (некоторые *Rhynchonella*, *Whitfieldella diduma Dalm*, *Proctus Waigatschensis Tsch* и т. д.) На основании аналогичных видов фауны (в частности, *Cyrtoceras lamimare*) В. А. Русанов сделал вывод о существовании в силуре обширного морского бассейна, включавшего как Новую Землю, так и Центральную Европу. Другие виды ископаемых указали на распространение верхнесилурийского моря вплоть до Северной Америки (что подтверждало взгляды одного из учителей В. А. Русанова — Г. Э. Ога).

Крупнейший советский геолог-полярник 20—30-х годов на Новой Земле М. М. Ермолаев отметил, что «первыми работами по стратиграфии Новой Земли, касающимися всех палеозойских отложений, развитых на ней, были исследования В. А. Русанова» [Там же, с. 102]. Даже отсутствие в его стратиграфической колонке пняжного карбона на фоне выполненного — лишь досадный пропуск, легко восполненный последующими поколениями геологов.

Статья «Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле в связи с геологическим строением острова» занимает особое место среди трудов В. А. Русанова. Ее сокращенный вариант — «Новоземельский каменный уголь и вековые движения суши и моря» — был опубликован в «Известиях Архангельского общества изучения русского Севера» за 1910 г. и представляет собой текст лекции, прочитанной на общем собрании Архангельского общества по изучению русского Севера 23 сентября 1909 г. В целом это одна из наиболее интересных по своим научным идеям работа В. А. Русанова, написанная по материалам полевых наблюдений экспедиций 1907—1909 гг. В ней отмечены следующие события геологической истории Новой Земли.

Во-первых, образование ее пород, по мнению исследователя, происходило в основном от силура до карбона, практически повсеместно в морских условиях.

Во-вторых, интенсивные горообразовательные процессы в конце палеозоя — в карбоне (герцинский орогенез по современной терминологии) вызвали подъем Новой Земли. Таким образом, произошла смена условий — с морских на континентальные. Ход горообразовательных процессов В. А. Русанов толкует с позиций контракционной гипотезы Э. Зюсса, объяснявшей зависимость горообразовательных процессов от остывания Земли. При этом Новую Землю он относит к неустойчивой складчатой зоне, что в значительной мере и определило характер происходивших здесь событий. «Одна из морщин, одна из горных складок прошла в конце каменноугольного периода как раз на том самом месте, где теперь находится Новая Земля. Так образовался этот длинный, вытянутый с юга на север остров, горные складки которого также идут с юга на север» [Русанов, 1945, с. 238].

В-третьих, возникшие в результате герцинского орогенеза горы в мезозое подверглись разрушению с образованием пенеплена — приподнятого почти плато (сейчас это одно из основных положений геоморфологии). В юре происходила сравнительно небольшая морская трансгрессия, оставившая следы в виде характерной фауны белемпитов и аммонитов.

В-четвертых, очередное поднятие Новой Земли в третичное время и омоложение рельефа в результате альпийского орогенеза. Архипелаг был областью сноса, и поэтому третичных осадков здесь не накапливалось.

В-пятых, уже в четвертичное время (а возможно, и в конце третичного) «Новая Земля пережила, с одной стороны, периоды оледенений и, с другой стороны, периоды отступления ледников и, вероятно, одновременного наступания моря» [Там же, с. 240]. Такой последовательности событий в формировании Новой Земли геологи придерживаются и сейчас, хотя целый ряд деталей ими уточнен. Не случайно после выхода в свет первого собрания сочинений В. А. Русанова один из геологов-новоземельцев 30-х годов — Н. Н. Мутафи писал: «Заслуги В. А. Русанова в геологическом изучении Новой Земли бесспорны. Им впервые в различных районах Новой Земли был собран огромный фактический мате-

риал, намечена стройная концепция геологической истории, даны прогнозы на поиски рудных месторождений» [Там же, с. 225].

Такой оценки заслуживает прежде всего работа В. А. Русанова «Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле». Сам же исследователь в этой популярной лекции видел лишь повод для изложения своих взглядов по актуальной проблеме — перспективности Новой Земли с точки зрения добычи каменного угля. И хотя признаки угля были слабыми, но вопрос стоял настолько остро, что студент, не окончивший университета, ударился в дискуссию с маститым ученым, академиком Ф. Н. Чернышевым. В. А. Русанов полагал, что молодые угли — лигниты образовались из плавника в период четвертичной морской трансгрессии, Ф. Н. Чернышев же считал эти угли мезозойскими, сохранившимися в остатках, фрагментарно. Причем сам В. А. Русанов, оперируя теорией пенеплена, не оставил камня на камне от перспектив на мезозойский уголь на архипелаге, а в 1911 г. он согласился со своим оппонентом о переотложенном характере мезозойского угля [Там же, с. 192]. Проиграв этот сугубо частный научный спор, В. А. Русанов решил целый комплекс гораздо более важных и сложных проблем геологии Новой Земли, значительно опередив в этой области Ф. Н. Чернышева.

Проблема поиска полезных ископаемых на Новой Земле в то время в связи с необходимостью освоения острова стала весьма актуальной. Ей посвящена статья «О полезных ископаемых Новой Земли», написанная В. А. Русановым по результатам первых трех полевых сезонов в 1910 г. На первое место среди горючих ископаемых он поставил торф, полагая, что местная ситуация, «вероятно, побудит новоземельских колонистов обратиться к этому до сих пор совершенно не использованному источнику топлива» [Там же, с. 246]. При этом В. А. Русанов считал, что использование торфа на побережье, где достаточно плавника, едва ли имеет смысл, в то время как «будущим оленеводам наличие торфа, вероятно, поможет полнее использовать обширные, теперь пустующие внутренние части Южного острова» [Там же, с. 246]. Рассчитывая еще на четвертичные лигниты, он в то же время определенно утверждал, что «на Новой Земле, очевидно, нет залежей вторичного (т. е. мезозойского. — В. К.) каменного уг-

ля, так как не встречается самих вторичных отложений» [Там же, с. 248]. Оставалась еще надежда на более древние палеозойские угли — дело было за континентальными осадками палеозоя (как на Шпицбергене), но на Новой Земле в ту геологическую эпоху господствовали морские условия. О железном колчедане из палеозойских сланцев В. А. Русанов прямо писал: «Никакого практического значения такое железо на Новой Земле никогда иметь не будет» [Там же].

Более обнадеживало положение с охрой (мумией). «Если пустить на рынок новоземельскую мумию, то она, вероятно, легко выдержала бы конкуренцию и заняла бы видное место, по крайней мере на северных рынках» [Там же]. В. А. Русанов отмечал также присутствие медного колчедана в Маточкином Шаре и наплывы малахита в Машигиной губе. Серебряно-свинцовые руды он наблюдал в ряде мест: на берегах Маточкина Шара, в верховьях реки Песчанки и, наконец, на южной оконечности Новой Земли. Большое внимание обращал В. А. Русанов на стройматериалы, среди которых выделял мрамор, аспидный камень и диабаз. Наличие основных диабазов по аналогии с Уралом, по мнению В. А. Русанова, позволяло надеяться на присутствие платины и иридия.

К проблеме полезных ископаемых на Новой Земле исследователь вернулся в полевом отчете 1911 г., где с девонскими породами, по его мнению, были связаны проявления асбеста (Крестовая губа), свинца, меди (губа Пропащая) и даже нефти (залив Чекина). Результаты экспедиции 1911 г. в совокупности с наблюдениями других исследователей, в частности А. А. Свицына в Пропащей губе, укрепили В. А. Русанова в решимости более детально изучить девонские породы в окрестностях губы Саханихи для поисков месторождения меди уже на следующий год, но эта экспедиция, как известно, не состоялась.

Надо отметить, что составители сборника русановских работ весьма сдержанно оценивали результаты поисков В. А. Русановым полезных ископаемых на Новой Земле. Позднее это обстоятельство хорошо объяснил К. К. Демокидов. Признанный авторитет Ф. Н. Чернышев, как известно, отрицал наличие на Новой Земле полезных ископаемых. «В дальнейшем эти два противоположных взгляда сыграли большую роль в деле изучения Новой Земли. Так, например, распространение взглядов

В. А. Русанова в начале второго периода (геологических изысканий 1921—1934 гг.— В. К.) побудило исследователей начать систематическое изучение Новой Земли, а переход в 1934 году на точку зрения Ф. Н. Чернышева способствовал прекращению изучения этого острова в течение 13 лет, вплоть до 1947 г.» [Демокидов, 1953, с. 9].

Как раз именно на это время и пришлось издание трудов В. А. Русанова. После же 1947 г. только на Южном острове Новой Земли К. К. Демокидов описал рудопроявления меди, полиметаллов, золота, ванадия, вольфрама, плавикового шпата, горного хрусталя. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения исследователя, проведенной в городе Орле в 1975 г., также подтвердили многие прогнозы В. А. Русанова, особенно для юга Новой Земли. Так, в 1973—1974 гг. сотрудник Коми филиала АН СССР М. В. Фишман открыл медное месторождение южнее полуострова Медного, а Н. П. Юшкин — сфалеритовое рудопроявление в заливе Рейнеке. В брекчиевых известняках нижнего силура Н. И. Тимонин нашел галенитовое рудопроявление [Юшкин и др., 1975].

Круг научных интересов В. А. Русанова был достаточно широк. В работе «Об ископаемых льдах на Новой Земле», написанной по наблюдениям в 1909 г. в окрестностях Крестовой губы, он охарактеризовал погребенные ледники — реликты более значительного предшествующего четвертичного оледенения. Его вывод: «...ископаемый лед можно отнести к остаткам плейстоценовых ледников» [Русанов, 1945, с. 253]. Генезис рассмотренных В. А. Русановым образований подтвержден и более поздними исследованиями. Между тем в других районах Арктики (Новосибирские острова, Северная Якутия) сходные по морфологии образования оказались обычными жильными льдами, типичными для районов вечной мерзлоты. В связи с этим важно отметить следующее. В. А. Русанов, полемизируя с Ю. В. Крамером («Архангельск», 1909, № 242), принимавшим ископаемые ледники за «ископаемые озера», указал на известные структурные различия, характерные для глетчерного и водного льда, выявленные им с помощью призмы Николя. Этот весьма серьезный довод в пользу ледникового происхождения описанных образований имеет принципиальное значение для суждений о четвертичной истории Новой Земли.

Статья «О палеозойских отложениях Новой Земли», опубликованная В. А. Русановым в 1910 г., в значительной мере детализирует, оформляет многие идеи, изложенные им в работе «Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле в связи с геологическим строением острова». Теперь возраст глинистых сланцев у побережья Карского моря на основании лишь литологических и стратиграфических признаков В. А. Русанов относил «к нижнему силуру, а может быть, даже к кембрию» [Там же, с. 254]. Позднее, уже в 1927 г., С. В. Обручев и М. В. Кленова условно наметили кембрий на юге Новой Земли, а в 1931 г. его выходы обнаружил М. М. Ермолаев на Южном острове, у самого входа в Маточкин Шар, в губе Поморской, и почти одновременно Е. Лермонтова нашла фауну кембрия в сборах Ф. Н. Чернышева. В той же работе верхние горизонты слагающих пород на Новой Земле В. А. Русанов отнес к пермско-карбонному возрасту, что близко к современным оценкам. Исследователь указал также на существование древней геосинклинали, ориентированной в палеозое по простиранию Новой Земли. Интрузии диабазов В. А. Русанов увязал с герцинской складчатостью. Подсчитав количество определенных видов ископаемых — 212 (значительно больше, чем указывали предшественники), он поставил вопрос о несогласии (перерыве) между девонем и нижним карбоном, что, по мнению Н. Н. Мутафи, являлось ошибкой. Однако позднее, на конференции в Орле в 1975 г., Н. П. Юшкин и Н. И. Тимонин сообщили, что на Новой Земле есть геологические разрезы двух типов: с перерывом (верховья реки Нехватовой и Белушьей губы) и с постепенным переходом между породами указанного возраста (на юго-восточной оконечности Новой Земли).

Результаты наблюдений, полученные во время плавания на «Дмитрии Солунском» вокруг Северного острова, не изменили основные взгляды В. А. Русанова на узловыe проблемы геологии Новой Земли. Это подтверждает содержание статьи «О гониатитовой фауне нижнего карбона и верхнего девона, найденной на Новой Земле», опубликованной в 1911 г. В ней речь идет о распространении сделанных ранее выводов на все побережье Северного острова. Обработка материалов полевых наблюдений показала, что на островах Берха и Личутина свита слагающих пород опрокинута — более древние породы налегали на более молодые. Это могло

произошли лишь при орогенических движениях, направленных с востока на запад. Тем самым были сделаны первые шаги к идее Карской плиты, разработанной и обоснованной сравнительно недавно. Судя по замечаниям В. А. Русанова, при написании статьи он не мог использовать результаты наблюдений М. К. Круглова (они были опубликованы лишь в 1918 г.).

Находка девонской фауны по Карскому побережью усложняла первоначальные построения. В частности, В. А. Русанов высказал мысль о «существовании вытянутой и, вероятно, мощной полосы пермско-карбоновых отложений, скрытых подо льдом во внутренней части Новой Земли» [Там же, с. 258]. Это может свидетельствовать о попытке на основании собственных находок сравнительно молодых пород перми и карбона в Ледяной Гавани в 1910 г. и наблюдений Ф. Н. Чернышева в 1895 г. на пермском поле Южного острова наметить общую тектопическую схему Новой Земли в виде гигантского единого синклиория. В. А. Русанов в своих рабочих построениях опережал время, потому что первая геологическая карта Новой Земли появилась только в 1937 г. Она была составлена группой исследователей из Всесоюзного Арктического института Главсевморпути во главе с М. М. Ермолаевым. При всем единстве структур на севере и юге архипелага по выходам древних пород в осевой части Новой Земли выделялись местные антиклинории, разделенные на Южном острове обширным пермским полем, приуроченным к синклинорию на месте погружения оси складчатой зоны Новой Земли. Южный антиклинорий был установлен С. В. Обручевым и М. В. Кленовой только в 1927 г. Такая непростая тектоническая схема архипелага усложнялась еще смещением оси складчатых структур на западе, к побережью Баренцева моря, где в 30-х годах были обнаружены древние породы кембрия. Таким образом, современная тектоническая схема Новой Земли отличается от той, какой ее пытался представить В. А. Русанов: у него просто не было необходимых данных.

В ноябре 1911 г. в Архангельском обществе изучения русского Севера В. А. Русанов прочитал лекцию «Происхождение Новой Земли». Он рассказал о находках континентальных палеозойских осадков — тиллитов. Классификация таких пород — дело весьма сложное. (Н. П. Юшкин и Н. И. Тимонин на примере Шпицбергена отнесли их к конглобрекциям в основании визейского яруса кар-

бона.) Впервые В. А. Русанов обратил внимание на большую рельефообразующую роль ледников, сообщил о находках морской фауны до высот 200 м, что имело важное значение для восстановления четвертичной истории. Заканчивалась лекция обзором работ, выполненных В. А. Русановым на Новой Земле. Исследователь словно прочлся с архипелагом, где так успешно и счастливо трудился на протяжении пяти экспедиционных лет.

Кроме того, есть еще одна статья В. А. Русанова — «Колебания береговой линии и отступление ледников Новой Земли», переданная им своему учителю Ш. Велену. Судя по всему, она была написана еще до отъезда в экспедицию 1911 г. Статья вышла в свет в 1921 г., когда надежд на возвращение автора уже не осталось. По богатству идей и использованному материалу это, несомненно, одна из наиболее интересных работ В. А. Русанова. Здесь автор обратился к проблемам четвертичной геологии, в частности к взаимосвязям оледенения и морских трансгрессий, изложил свои взгляды на формирование ледниками рельефа морского дна, в чем предвосхитил классические работы Дж. Грегори. В. А. Русанов считал, что фьорды образовались в результате дизъюнктивных нарушений и в дальнейшем были обработаны ледниками. Он отметил и такие характерные особенности рельефа дна фьордов, как участки переуглублений. Все это было новым словом в еще только зарождавшейся отрасли науки — геоморфологии берегов и дна морей.

Отмечая вклад В. А. Русанова в становление современных представлений о геологии Новой Земли, необходимо еще раз подчеркнуть, что в ходе экспедиций 1907—1911 гг. им были сделаны следующие важные выводы. Во-первых, для слагающих архипелаг пород был установлен палеозойский возраст и тем самым заложены основы принятой сейчас концепции об их стратиграфии. Во-вторых, дана палеонтологическая характеристика слагающих пород с выявлением ряда руководящих ископаемых. В-третьих, обнаружены признаки целого ряда полезных ископаемых. В-четвертых, намечены основные этапы геологической истории Новой Земли.

Отметим одну особенность геологических публикаций В. А. Русанова — их отчетный характер, стремление обобщить полученные результаты, нередко в пределах одного полевого сезона. Совершенно не случайно он отмечал рекогносцировочный характер своих исследований: «Не желая вести работу наугад и слепо, я вынуж-

ден был начать общим рекогносцировочным обзором всей Новой Земли, каковой мной и был выполнен...» [Там же, с. 219].

Вклад В. А. Русанова в картографирование Новой Земли

В начале XX в. геологические исследования в Западной Европе уже проводились на достаточно точной топографической основе, поскольку картирование территорий предшествовало геологической съемке. Однако в практике русской школы геологов, когда исследования сплошь и рядом проходили на неизученной территории, топографическую привязку результатов полевых наблюдений приходилось делать непосредственно во время геологических работ. Являясь типичным представителем русской школы экспедиционных исследователей, В. А. Русанов, однако, сумел применить полученные им в Сорбонне знания в суровых условиях Арктики. Он внес значительный вклад в картографирование Новой Земли.

Выполненные ранее съемки, как говорилось выше, охватывали побережье Новой Земли лишь до широты полуострова Адмиралтейства. В отчете экспедиции 1909 г. говорилось, что «результатом географического исследования было пополнение карты Новой Земли теми новыми данными, какие удалось собрать в пути. Не производя точной инструментальной съемки, Русанов не считал вправе вносить поправки в подробную карту Новой Земли, изданную Главным гидрографическим управлением в 1897 г., и нанес на карту, не исправляя ее, только те из числа совершенно не обозначенных на карте озер, рек, ледников и гор, очертание и географическое положение которых успел определить путем маршрутной съемки» [Русанов, 1945, с. 116]. Именно такая методика, достаточно эффективная в условиях полевых работ, и явилась залогом успеха В. А. Русанова в картографировании Новой Земли. Многие топографические съемки В. А. Русанова вполне сравнимы с современными картами, причем легко выполняемая привязка по местным характерным объектам позволяет использовать карты В. А. Русанова и в других целях, например для характеристики изменений ледников.

Полевые наблюдения В. А. Русанова в экспедициях 1907—1908 гг. — это по сути знакомство с будущим рай-

оном полевых исследований. Первые же топо съемки В. А. Русанов произвел лишь в 1909 г. В результате были составлены две карты. Первая — «Карта части Новой Земли, обследованной экспедицией 1909 г.» в масштабе 24 версты в дюйме (т. е. 1:1 008 000) — охватывает часть побережья от Глазовой губы до губы Митюшихи, а также внутренние участки Северного острова между губой Крестовой и Незнаемым заливом. В куту Машигиной губы, к востоку от так называемой Машигиной Ледянки, исследователь обнаружил узкий пролив (на картах не обозначенный), ведущий в обширный залив, который далеко вдавался в глубь Северного острова Новой Земли. До В. А. Русанова верховья Машигиной губы описал С. А. Моисеев, посетивший эти места еще в 1839 г.: «17 (июля), понедельник... Залив Машигина нашли мы наполненным льдом... Залив суживается и образует вершину (кут), как бы отдельную губою заворотившуюся к югу. Эта губа называется Машигина Ледянка, потому что иногда во все лето не вскрывается от льда... Восточные утесы этой Ледянки состоят из льда...» [Пахтусов, Моисеев, 1956, с. 191].

Последнее замечание не случайно. Именно здесь один из участников плавания на ледоколе «Ермак» в 1904 г. — геолог В. Н. Вебер, также посетивший Машигину губу, обнаружил ледник, перегородивший кут Машигиной Ледянки поперек. Таким образом, именно отступление этого ледника и освободило пролив, обнаруженный В. А. Русановым. Ледник же был назван В. А. Русановым ледником Буля в честь Пьера Марселена Буля, французского палеонтолога и геолога, профессора Музея естественной истории в Париже, одного из своих учителей. Другой большой ледник на востоке открытого залива получил имя Лакруа. Таким образом, установленное В. А. Русановым отступление ледников привело к существенным изменениям в топографии острова, что и нашло отражение на карте. Говоря современным языком, это частичное обновление карты в связи с изменением природной обстановки. Однако отступление ледников позволяло проникать в такие районы Новой Земли, где раньше топо съемки не проводились.

Другим интересным местом на карте В. А. Русанова является центральная часть полуострова Адмиралтейства и перешеек, соединяющий его с Северным островом Новой Земли. Поистине загадочное место. В 1594 г. суда В. Баренца прошли проливом между островом Адмирал-

тейства и Северным островом Новой Земли, указав целый ряд глубин до 12 саженей, т. е. примерно 22 м [Де Фер, 1936]. Однако в 1823 г. Ф. П. Литке, посетив эти места, констатировал, что в проливе «так мелко, что никакое судно пройти не может» [Литке, 1948, с. 226]. В записках же П. К. Пахтусова, которые он вел в 1834—1835 гг., сказано: «Полуостров Адмиралтейства соединяется с землею низким перешейком, который иногда покрывается водою» [Пахтусов, Моисеев, 1956, с. 144].

Таким образом, все три исследователя описывают последовательное исчезновение пролива. В описании полуострова Адмиралтейства В. А. Русанов особо отметил: «По свидетельству Баренца, в XVI веке был остров. С любопытством смотрел я в бинокль на перешеек, покрытый огромным низким ледником, спускавшимся с запада из середины полуострова» [Русанов, 1945, с. 117]. Последняя фраза может лишь озадачить современного исследователя, потому что никакого ледника в центре полуострова Адмиралтейства нет и быть не может, поскольку высоты коренного рельефа здесь чуть выше 250 м, в то время как положение границы питания (выше которой формируются вечные льды) на соседних ледниках не ниже 400 м! В этом автор книги смог убедиться лично при посещении перешейка в сентябре 1959 г.

В чем же причина ошибочных наблюдений В. А. Русанова, нанесенных, кстати, им на карту? Очевидно, следует обратиться к событиям утра 25 августа 1909 г., когда В. А. Русанов в сопровождении верных спутников-пенцев прибыл на шлюпку к берегам полуострова Адмиралтейства. Описывая Средний залив, он особо отметил: «Осмотреть этот и предыдущий заливы более подробно не удалось — все время сильно мешал густой туман. В лучших условиях производилось исследование залива Садовского» [Там же, с. 196]. Маршрут плаванья проходил мимо острова Борисова на мыс Спидвель, затем с поворотом к востоку на северный входной мыс, в залив Садовского, в глубине которого в 30-х годах нашего столетия было поставлено промысловое становище. Тем самым осмотр перешейка с описанного В. А. Русановым участка побережья был затруднен из-за скалистых гряд и тумана, что и привело его к неверному заключению об истоках ледника у перешейка. Хотя эта ошибка фигурирует в ряде его работ, все же год спустя, уже во время плаванья в водах севернее полуострова Адмиралтейства,

он пришел к правильному заключению: «Далее берег поворачивает к северо-востоку и состоит исключительно из голубых прозрачных скал спускающегося в море громадного ледника. Длина ледника не могла быть определена¹ — он скрывается где-то далеко между горами и, несомненно, сливается с ледником, опускающимся в заливе Садовского» [Там же, с. 204].

Это и есть настоящее описание ледника Низкого, край которого исследователь, таким образом, наблюдал дважды с противоположных направлений: в 1909 г. — из залива Садовского (причем в тумане), а год спустя — из Глазовой губы. Гор на полуострове Адмиралтейства также нет — очевидно, истоки ледника Низкого были отнесены В. А. Русановым к Северному острову Новой Земли, как оно и есть на самом деле. Отметим также, что отчетная карта экспедиции 1909 г. важна тем, что на ней показаны маршруты исследований, места стоянок и т. д., а также особо выделены участки, открытые экспедицией.

Другая карта называлась «План внутренней части Новой Земли между Крестовой губой и Незнаемым заливом». Она составлена в более крупном масштабе (6 верст в дюйме, или 1:252 000). На этой карте впервые были показаны внутренние районы Северного острова Новой Земли. Наряду с детальной гидрографией (озера, реки) и ледниками цветной шкалой высот был дан рельеф со ступенями в 400 футов (около 130 м). Эта карта была составлена в связи с поисками путей с побережья Баренцева моря на Карский берег по системам сквозных долин. На ней намечены также проходы в верховья залива Чекина (по наблюдениям самого В. А. Русанова со склонов южнее озера Долгого) и к заливу Медвежьему (по наблюдениям Сапко Вылки). И хотя А. А. Быков не опубликовал фотограмметрические съемки в куту губы Крестовой и при пересечении Северного острова, результаты экспедиции 1909 г. в части картирования Новой Земли представляются весьма значительными.

По итогам полевого сезона 1910 г. была составлена еще одна карта. В. А. Русанов писал: «Произведена со шлюпки непрерывная опись северо-западного берега Новой Земли от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы включительно. Обследована и снята на

¹ По Каталогу ледников СССР — 36,5 км при площади свыше 370 км².

карту с промером глубин Архангельская губа... Осмотрены ближайшие к северу от Архангельской губы острова... Посещены некоторые пункты, лежащие на северном и северо-восточных берегах Новой Земли, а путем пешеходных экскурсий внутрь Новой Земли получено некоторое знакомство с совершенно не обследованными областями этого острова. На основании собранных данных составлена и отпечатана прилагаемая при сем карта Северного острова Новой Земли, являющаяся несколько более точною и подробною, чем существующие карты» [Там же, с. 157]. О том, насколько плохи карты, В. А. Русанов писал следующее: «Во многих местах Северного острова производилась съемка, причем постоянно приходилось убеждаться в несходстве карт с действительными очертаниями. Так, например, на карте против острова Вильгельма берег Новой Земли тянется прямой линией, а в действительности здесь находится широкий залив, оканчивающийся красивым ледником, а самый остров Вильгельма занимает площадь втрое меньшую той, какая показана на карте. Или: острова Панкратьева сводятся в действительности к одному только острову, а другой остров оказался полуостровом» [Там же, с. 129].

Особенно плохо было показано побережье Карского моря. Было много и других неточностей: «Этот полуостров (Пяти Пальцев.— *В. К.*), как выяснилось, совершенно неточно обозначен на существующей карте и очень верно был снят Ильей Вылкой... В продолжение трех лет занимался этот замечательный самоед съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли. Ежегодно продвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения, голодал... Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной манящей дали...» [Там же, с. 155].

Итогом этой деятельности стала «Карта восточного побережья Новой Земли между $73^{\circ}30'$ и 75° сев. широты. Составил новоземельский самоед И. К. Вылка в 1910 г.», опубликованная В. А. Русановым во втором выпуске «Материалов по исследованию Новой Земли». Это очень важное указание, поскольку «Дмитрий Солунский» во время плавания от мыса Желания вдоль восточного берега Новой Земли имел весьма ограниченную привязку к берегу: нередко наблюдения велись с расстояний, исключавших надежную съемку. На карте И. К. Вылки

отчетливо видны особенности прибрежной полосы на участке от залива Чекина до современного ледника Кропоткина. Тем самым съемки П. К. Пахтусова были продолжены почти на 150 км севернее, причем в наиболее сложной с точки зрения полевых работ части Новой Земли. В частности, И. К. Вылка «закрыл» пролив, намеченный П. К. Пахтусовым от верховий залива Медвежьего в направлении кута залива Цивольки,— на это обстоятельство до сих пор никто не обратил внимания. О карте И. К. Вылки В. А. Русанов писал: «Если соотношение частей и размеры площадей у Вылки требуют в некоторых случаях исправления, то общая конфигурация берегов и очертания отдельных участков суши по большей части схвачены им довольно точно» [Там же, с. 212]. Действительно, при сравнении карты И. К. Вылки с современной картой легко опознаются все основные географические объекты побережья, до 1910 г. отсутствовавшие на карте Новой Земли: залив Ога и небольшая бухта по соседству южнее, ледник Ога в куту одноименного залива, залив Альберта — современный залив Новый и т. д.

По сути вклад В. А. Русанова и И. К. Вылки в создание карты Карского берега Новой Земли в экспедиции 1910 г. неразделим. Используя съемки И. К. Вылки, В. А. Русанов тем самым считал его своим коллегой, сотрудником-исследователем, а не просто проводником, в качестве которого И. К. Вылка был нанят в предшествующую экспедицию.

Еще одна карта по итогам экспедиции 1910 г. была опубликована в «Материалах по исследованию Новой Земли». Она называлась «Новая Земля. Северный остров. Составил начальник Новоземельской экспедиции 1910 г. В. Русанов по существующим картам и по данным исследований с 1907 по 1910 г.». Эта карта, по существу, открывала новую эпоху в изучении Новой Земли, поскольку на ней впервые появились внутренние, наиболее труднодоступные территории, включая ледниковый покров. Карта приблизительно в масштабе 1:1 250 000 была положена на градусную сетку, в оригинале имела цветную шкалу высот со ступенями 200 м, на ней были показаны ледники, гидрография, основные элементы рельефа местности. Береговая полоса Карского моря на не исследованных ранее участках стала приобретать реальные очертания, на побережье Баренцева моря отчетливо обозначились заливы Вилькицкого, Кри-

вошеина, бухта Жан и другие географические объекты. Наконец, очертания ледникового покрова оказались «привязанными» к ближайшим объектам местности, выявились его северные и южные пределы, а также большая часть выводных языков, как правило оканчивавшихся в верховьях глубоко врезанных в глубь суши фиордов. На Карском берегу даны практически все выводные языки ледникового покрова.

Правда, здесь пропущен крупный ледник Кропоткина, который есть на карте И. К. Вылки, — он плохо виден с моря даже на сравнительно близком расстоянии. Там же, где «Дмитрий Солунский» сильно удалялся от побережья, В. А. Русанов полностью доверял карте И. К. Вылки. Другие пропуски здесь также весьма незначительны и легко объясняются сложностями в опознавании отдельных береговых объектов. Еще раз необходимо подчеркнуть, что участок Карского побережья между мысом Дальним и заливом Хромченко на отчетной карте экспедиции 1910 г. является результатом совместной деятельности В. А. Русанова и И. К. Вылки.

Как известно, результаты работ Новоземельской экспедиции 1911 г. не были своевременно опубликованы в связи с подготовкой В. А. Русанова к экспедиции на Шпицберген. Полевой отчет увидел свет только в 1945 г. О характере ежедневных работ по картированию дают представление отрывки из него.

Так, 16 июля во время пребывания экспедиции у мыса Черного «Тизенгаузен собрал обширный гербарий и произвел съемку значительной части полуострова. Художник Вылка также принял весьма деятельное участие в топографической съемке» [Русанов, с. 168]. 23 июля «Тизенгаузен занялся топографической съемкой той бухты, где стоит изба» [Там же, с. 171] (речь идет о восточном берегу губы Черной). 29 июля «Тизенгаузен занялся топографической съемкой Большого Оленьего острова, Вылка — рисованием и съемкой северной стороны Петуховского Шара. Тизенгаузен закончил съемку в западной части Петуховского Шара» [Там же, с. 173].

Указанный отчет не только фиксирует выполнение значительных работ по топосъемке, но и анализирует причины расхождений с картами, составленными предшественниками. Например, 30 июля отмечено: «Вылка раньше всех пришел к правильному заключению, что большой остров Тихомирова не существует. На месте

пролива, показанного на картах между островами Большим Оленьим и Тихомирова, Русанов нашел перешеек... Существование столь возвышенного перешейка вместо показанного ранее пролива в данном случае объясняется не поднятием суши, а просто неточностью съемки» [Там же].

На исходе июля «целый день продолжали съемку Петуховского Шара, но для ускорения вели ее с судна, причем вести работу с судна оказалось не только гораздо скорее, но и удобнее, так как одновременно со съемкой можно было сделать и промер глубин» [Там же, с. 173—174]. Это пример нехитрой, но эффективной полевой рационализации, столь присущей экспедициям В. А. Русанова. «1 августа началась с утра съемка залива Рейнеке и одновременно промер его с судна» [Там же, с. 174]. Вход в этот залив когда-то обнаружил еще П. К. Пахтусов, но размеры его пока было трудно предсказать.

На следующий день «Тизенгаузен продолжал съемку с судна... Съемку продолжали до сумерок — до тех пор, пока можно было разглядеть румбы компаса, до 8 вечера» [Там же, с. 175]. 3 августа «съемку было решено продолжать, несмотря на дождь» [Там же]. Запись следующего дня: «Целый день продолжали съемку залива Рейнеке. Русанов стоял все время у руля и вел судно, Тизенгаузен записывал, Вылка и матрос поочередно измеряли глубины...» [Там же]. 5 августа произошло следующее: «Продолжал стоять на руле до тех пор, пока съемка залива Рейнеке не была закончена и сомкнута исходным западным створом, после чего передал руль Вылке... Меня очень радует, что наконец-то мы закончили с огромным заливом Рейнеке. Это оказался один из самых обширных заливов Новой Земли. До нас никто не знал его истинной величины и очертания. Только вход этого залива был нанесен на карту, да и то неточно. Нанесение этого залива на карту значительно изменит конфигурацию южной оконечности острова и еще резче подчеркнет изрезанность береговой линии и простираение ее в северо-западном направлении. Оказывается, залив Рейнеке верст на тридцать вдается внутрь Новой Земли по направлению к северо-западу и прихотливо делится на множество бухт и самостоятельных заливов, представляющих весьма удобные и защищенные от ветров якорные стоянки. В залив Рейнеке было бы легко запрятать флот целого мира. Некоторыми из

своих разветвлений залив Рейнеке подходит очень близко к Петуховскому Шару и к Сахалихе, образуя, таким образом, своей южной стороной огромный полуостров» [Там же] — тот самый, что на современных картах носит имя В. А. Русанова.

Открытие обширного залива спустя несколько дней было дополнено еще одним. 9 августа «Тизенгаузен» был снят залив, лежащий рядом с заливом Рейнеке к востоку от него; этот залив так же не был нанесен на карту, как и залив Рейнеке. Вообще часть Новой Земли к северо-востоку от Петуховского Шара пришлось не исправлять, а широко пополнять новыми топографическими данными» [Там же, с. 177]. Весьма интересная цитата, поскольку она снова позволяет внести поправку в историю полярных открытий: ведь к востоку от залива Рейнеке располагался залив Карпинского, который, как полагали участники экспедиции 1924 г. на боте «Грумант» под руководством Р. Л. Самойловича, они обнаружили впервые. Правда, вины их в покушении на первооткрытие нет, поскольку результаты русановской экспедиции 1911 г. не публиковались. Ранее поморы знали этот залив под названием «губа Охальная». Проблема первооткрытия этого залива сложна, поскольку еще в 30-х годах прошлого века вход в него показал на карте П. К. Пахтусов.

Собственно, топосъемки последней Новоземельской экспедиции В. А. Русанова на этом закончились. Отрывки из его дневника свидетельствуют о том, что при характеристике гидрографии побережья и изменения условий плавания исследователь опирался на данные наблюдений своих предшественников: «Залив Каменка сильно обмелел со времени Пахтусова. Наибольшие найденные в 1911 г. глубины не превышали 2, 1½ метров и мельче у южного входа, а северный проход оказался совершенно прегражден мелью и недоступен даже для самой маленькой лодки. В общем с 1832 г. глубина залива уменьшилась по крайней мере вдвое» [Там же, с. 179—180]. Картографические работы экспедиции высоко оценивала пресса тех лет. Так, газета «Северное утро» (№ 95 за 1911 г.) писала: «Члены этой экспедиции Э. П. Тизенгаузен и художник Вылка выполнили на протяжении нескольких сот верст съемку южных и восточных берегов острова».

Однако все работы экспедиции проходили под руководством В. А. Русанова, который направлял деятель-

ность своих сотрудников и при картировании побережья.

Доверяя И. К. Вылке как топографу, В. А. Русанов полнее смог сосредоточиться на геологических исследованиях, что не умаляет его заслуг в картировании юга Новой Земли. Не только карты, но и статьи В. А. Русанова, посвященные Новой Земле, носят характер лодчий. Да и названия их говорят сами за себя: «Опись берегов и внутренних частей Новой Земли от полуострова Адмиралтейства до Крестовой губы и от последней до Незнаемого залива» и «К топографии Новой Земли». Первая написана по результатам экспедиций 1908 и 1909 гг., а вторая — преимущественно по результатам 1910 г.

Несомненно, в истории картографирования Новой Земли В. А. Русанову принадлежит почетное место.

Роль В. А. Русанова в изучении оледенения Новой Земли

В исследовательской деятельности В. А. Русанова изучение оледенения Новой Земли занимает особое место. Насколько известно, оценка его как гляциолога ранее не проводилась, а между тем его вклад в эту область науки значителен.

В. А. Русанов начал изыскания на Новой Земле, располагая лишь самыми общими сведениями о положении и характере ледников в прибрежной зоне архипелага. В ходе экспедиционных работ он рассматривал ледники в качестве самостоятельного, а не попутного объекта исследований. Его гляциологические наблюдения были выполнены по единой программе и охватили практически все типы ледников Новой Земли. Кроме того, В. А. Русанов впервые пересек Северный остров в зоне интенсивного оледенения. Поэтому можно считать, что в изучении оледенения Новой Земли В. А. Русанов пошел намного дальше других исследователей того времени.

В 1907 г. В. А. Русанов обследовал побережье Маточкина Шара, посетив ряд ледников (Третьякова, Молчанова, Велена и др.). Он описал их перигляциальную зону, характер морен, морфологию и, что особенно важно, впервые пришел к выводу об общем сокращении оледенения Новой Земли.

В 1908 г. В. А. Русанов впервые пересек Северный остров Новой Земли. Он описал ряд специфических черт горного оледенения островов (например, редкий случай раздвоения ледниковых языков Макарова — Жерве на водораздельных участках сквозных поперечных долин и т. д.).

Работы экспедиции 1909 г. проходили в ином гляциоморфологическом регионе, в основном на участке западного побережья между губой Крестовой и полуостровом Адмиралтейства. Это зона полупокровного оледенения, т. е. промежуточного по степени развития между горным и покровным. Именно здесь В. А. Русанов начал наносить на карты вновь открытые ледники. Он писал: «До сих пор на карты Новой Земли, за редкими исключениями, не наносились движущиеся ледники или глетчеры. Между тем отмечать все ледники Новой Земли столь же необходимо, как горные кряжи, реки, долины, так как ледники в высшей степени характерны для Новой Земли» [Русанов, с. 217]. Исследователь зарисовывал 16 ледников: выводные языки ледниковых плато (например, Шумный, Лакруа, Буля) и обычные горные (Благодать, Макарова — Жерве, Географического Института, Эдельштейна и др.). Необходимо отметить, что верховья Машигиной губы и сквозной долины от губы Крестовой к заливу Незнаемому (в 1925 г. названной М. А. Лавровой долиной Русанова) до маршрутов Владимира Александровича были настоящим белым пятном, куда не ступала нога человека.

Вершиной деятельности В. А. Русанова на Новой Земле является экспедиция 1910 г., которой он руководил. За полевой сезон было совершено плавание вокруг Северного острова и выполнены наблюдения в прибрежных районах, причем краевая зона ледникового щита в целом была охарактеризована впервые. Описания плаваний и сухопутных маршрутов, опубликованные в ряде работ, содержат массу сведений о ледниках Новой Земли. Однако достижением экспедиции является карта Северного острова, где впервые была показана общая картина оледенения в центральной части острова, вдали от побережий. «Особенно интересные наблюдения, — писал В. А. Русанов, — были сделаны над многочисленными ледниками, которые во многих местах прорезают берега и, по-видимому, покрывают сплошным, непрерывным, хотя и не особенно толстым слоем всю внутреннюю северо-восточную часть острова. По-

этому северный остров вдвойне заслуживает название ледяного острова: вечные льды его покрывают, а плавающие льды его окружают» [Там же, с. 130].

К характеристике карты с точки зрения морфологии ледников мы еще вернемся, а пока отметим, что на ней в полной мере отражено все разнообразие существующих здесь форм ледников. Выполнение гляциологической части программы наблюдений сам В. А. Русанов оценивал довольно лаконично: «...сделаны наблюдения над современным состоянием и движением ледников» [Там же, с. 157]. По-видимому, в последнем случае подразумеваются пространственные изменения ледников.

Экспедиция 1911 г. дала сравнительно мало новой гляциологической информации, поскольку ее основной задачей было обследование побережья Южного острова Новой Земли, где вообще мало ледников. В отчетах экспедиции содержатся сведения о ледниках в районе заливов Степового и Шуберта, а также по южному побережью Маточкина Шара. Значительное место уделил В. А. Русанов проблеме взаимосвязи современного и древнего оледенения. Она возникла в связи с обнаружением им тиллитов — древних морен, следов палеозойского оледенения.

Таким образом, в итоге пяти экспедиций был обследован практически весь регион распространения ледников. Необходимо отметить, что карты В. А. Русанова не только показали современную картину оледенения, но и позволили в будущем судить об изменениях ледников на Новой Земле. В своих гляциологических наблюдениях В. А. Русанов успешно использовал новую методику. Так, вывод о глетчерном происхождении погребенного льда в окрестностях Крестовой губы он сделал в результате определения структурных особенностей льда с помощью призмы Николя. Использование В. А. Русановым накопленной до него информации и немногочисленных картографических источников, которые оставили его предшественники, позволило ему в полной мере представить сложную картину колебания ледников.

Морфология оледенения Новой Земли была описана В. А. Русановым настолько детально, что его наблюдения использовались многие десятилетия спустя. Наиболее полный «новоземельский» раздел известной монографии П. А. Шумского «Оледенение Советской Аркти-

ки» [1949] в значительной мере написан на основе наблюдений В. А. Русанова. Его положения учитывались при составлении карт вплоть до начала проведения аэросъемочных работ в 1952 г. Правда, следует отметить, что В. А. Русанов применял весьма ограниченную терминологию при типизации ледников, например: «Ледник Третьякова является типичным представителем ледников альпийского типа» [Русанов, 1945, с. 262]. Более подробной характеристики «ледников альпийского типа» В. А. Русанов в своих работах не приводил. Тем не менее П. А. Шумский с успехом использовал аналогичную терминологию в своем труде при гляциоморфологическом районировании оледенения Новой Земли. Часто употреблял В. А. Русанов термин «покров» в различных вариантах («сплошной ледяной покров», «ледники внутреннего покрова» и т. д.). Выводные ледники он рассматривал как неотъемлемую часть покрова: «...ледник Норденшельда² и лежащие к югу от него ледники можно рассматривать как один великий ледник».

В. А. Русанов указывал и другие типологические подразделения. Так, группа ледников менее развитых, чем альпийские (горные по современной терминологии), включает «прибрежные», т. е. присклоповые, ледники, расположенные ниже бровок террас и береговых обрывов (таковы висячие ледники в Пиренеях). У В. А. Русанова находим следующее описание района Карского побережья: «Нависшие над водой обнажения ледников... состояли не из плотного голубого льда, а из зернистого белого фирна» [Там же, с. 212]. Связь различных типологических групп ледников с рельефом В. А. Русанов прослеживает вполне отчетливо. Так, «альпийские» ледники «занимают лишь склоны гор и некоторые части кое-каких долин» [Там же, с. 217]. Однако он намечает более развитые ледники, хотя и не достигшие стадии покровов, которые «заполняют целые долины сверху донизу и от одного края до другого», — по современной терминологии ледниковое плато с выводными языками.

Таким образом, основные подразделения ледников В. А. Русанова в целом соответствуют принятым в на-

² Подразумевается группа ледников Норденшельда по Карскому побережью, включающая выводные языки ледникового покрова Розе, Средний (Новопашенного), Рождественского и Вершинского.

стоящее время. Это отражает карта 1910 г. Она не только демонстрирует главную закономерность оледенения Новой Земли (увеличение к северу в соответствии с принципом широтной зональности), но и одновременно показывает приуроченность описанных морфологических подразделений ледников к определенным регионам. Между тем следует учитывать, что полевые наблюдения В. А. Русанова не были им обработаны полностью; опубликованы лишь первые, предварительные выводы, а ряд других не получил должного развития и обоснования. Это подтверждается следующим примером. Важнейшая закономерность оледенения Новой Земли — приуроченность к бассейну Баренцева моря в связи с поступлением с него питающих осадков (что количественно было доказано автором только после МГГ 1957—1959 гг.) была отмечена В. А. Русановым в полемике с Крамером еще в 1909 г.: «Ледники Новой Земли или одинаково развиты по обе стороны ее, или скорее преобладают на западе» [Там же, с. 393]. Эта проблема могла быть решена только после создания карты Новой Земли.

Отступление ледников Новой Земли было описано В. А. Русановым в целом ряде работ по результатам его Новоземельских экспедиций 1907—1911 гг. Общий вывод о направленности развития оледенения Новой Земли он сформулировал так: «И прибрежные ледники, и ледники внутренних долин находятся в состоянии отступления» [Там же, с. 270]. Такой вывод основывался на оценке положения краевых морен относительно концов ледников и полностью противоречил заключению Ф. Н. Чернышева. В отличие от исследователей, доказывавших только продолжительное общее сокращение оледенения Новой Земли (Д. Г. Панов, М. М. Ермолаев, Г. В. Горбацкий, Р. Л. Самойлович и др.), В. А. Русанов представлял колебания ледников как разнонаправленный процесс: «По-видимому, усиленное распространение ледников шло последние столетия, а отступление их — явление самое новое, современное; оно охватывает лишь последние годы» [Там же, с. 262]. Возможно, подобной формулировкой В. А. Русанов стремился как-то увязать собственные выводы с наблюдениями Ф. Н. Чернышева. находка плавника *in situ* в боковых моренах ледника Вилькицкого, по мнению В. А. Русанова, усложняла общую картину развития оледенения: «Очевидно, лет сто—полтораста назад на

месте современного ледника был морской залив» [Там же, с. 261]. При этом сходная картина наблюдалась и на морских ледниках Архангельской губы. В пользу недавнего наступания ледников, считал В. А. Русанов, свидетельствовало происшедшее уже после работ П. К. Пахтусова, в 30-х годах прошлого века, погребенные бухты ледником капитана Бенара (Краснова на современных картах) на южном берегу залива Незнаемого. П. А. Шумский заметил: «Высказывания В. А. Русанова по этому поводу довольно противоречивы» [Шумский, 1949, с. 178].

Более поздние наблюдения (особенно Новоземельской экспедиции по программе МГГ 1957—1959 гг., снаряженной Институтом географии АН СССР) подтвердили правильность взглядов В. А. Русанова и Ф. Н. Чернышева. Оказалось, что их наблюдения проводились в период смены направленности развития новоземельского оледенения на рубеже XIX—XX вв., а сравнительно недавнее крупное наступание ледников Новой Земли (что привело к причленению ряда прибрежных островов — Адмиралтейства, Панкратьева — моренным материалом), по-видимому, совпало с малым ледниковым периодом в Западной Европе.

Отметим и еще один оправдавшийся русановский прогноз: «При продолжительном уменьшении осадков и при повышении температуры возможно даже, что когда-нибудь этот же самый Ледяной мыс³ превратится в Ледяной залив» [Русанов, с. 149]. Именно такое положение было отмечено на топографической карте, снятой экспедицией Всесоюзного Арктического института в 1933 г.

Эволюция оледенения, таким образом, привлекала внимание В. А. Русанова со многих точек зрения. Можно считать, что он вплотную подошел к разработке основ морфогенетического эволюционного ряда ледников. Наблюдавшаяся им пространственная смена форм оледенения (обусловленная на Новой Земле в основном широтной зональностью) позволила ему охарактеризовать эволюцию форм во времени: «Сначала в южных частях Северного острова ледники занимают лишь склоны гор и некоторые части кое-каких долин. Северные ледники заполняют долины сверху донизу и от одного края до другого. Затем ледники соединяются друг с дру-

³ Ледник Петерсена на современных картах.

гом и наконец сплошным ледяным покровом одевают всю внутренность Новой Земли» [Там же, с. 217].

В этом описании очень важным, по нашему мнению, является указание на усложнение форм в результате их слияния, причем «за Крестовой губой ледники начинают сливаться друг с другом в своих истоках» [Там же, с. 262], т. е. в области питания, что свидетельствует о качественном скачке в процессе эволюции оледенения и появлении признаков, типичных для ледниковых плато. Последнее замечание В. А. Русанова не случайно, если учесть, что южнее он наблюдал слияние типичных горных ледников только в области расхода. Таким образом, В. А. Русанов обнаружил единственное место в нашей стране, где перерастание горного оледенения в покровное можно видеть непосредственно на местности. На отчетной карте экспедиции 1910 г. он показал характерные особенности таких ледников полупокрова — консолидацию массы льда в единое тело с общей областью питания и разделением области расхода на несколько участков, приуроченных к выводным ледникам. Эта карта доказывает, что взгляды В. А. Русанова на специфику форм ледников, промежуточных по степени развития между горными и покровными, гораздо более соответствуют реальному положению вещей, чем выводы Э. Дригальского и Дж. У. Тиррела о характере «сетчатого оледенения».

Карта В. А. Русанова, составленная по итогам экспедиции 1910 г., ознаменовала новый этап в изучении оледенения Новой Земли. Карта позволяет проводить гляциоморфологическое районирование, в основном правильно дает очертания и границы ледникового покрова Новой Земли, показывает значительную расчлененность покрова на выводные ледники вдоль западного побережья. Кроме того, карта иллюстрирует приуроченность выводных ледников к продольным долинам на полуострове Литке, признаки убывания покрова на крайнем севере Новой Земли и т. д. Карта В. А. Русанова отразила и характерные особенности горных ледников — их разобщенность, отсутствие морен и т. д.

Карта В. А. Русанова имеет не только историческое значение. Сравнивая ее с современными картами, можно проследить изменения ледников, в основном таких крупных, как Норденшельда и Вилькицкого. Судя по карте В. А. Русанова, ледник Шумный достигал моря, сейчас же он оканчивается на суше. Всего по картам

установлены изменения положения края для 13 ледников. Таким образом, карты В. А. Русанова являются не только свидетельством определенного этапа изученности оледенения Новой Земли, но и источником количественной информации его важнейшей режимной характеристики — колебаний.

Сам В. А. Русанов считал, что «была выполнена предварительная работа, открывающая для дальнейших, более полных исследований весьма широкое и плодотворное поле деятельности» [Там же, с. 162]. Однако можно утверждать, что он успел сделать очень много. Перечислим основные достижения В. А. Русанова в области изучения ледников.

1. Оледенение Новой Земли впервые было охарактеризовано в целом.

2. Результаты его исследований были положены на карту, точность которой позволила использовать ее для количественных оценок изменений оледенения.

3. Выявлены основные морфологические подразделения оледенения и определено их положение в пределах острова.

4. Установлена направленность развития оледенения, причем верно отмечен ее сложный, разнонаправленный характер колебаний, чего нередко не учитывали более поздние исследователи.

5. Намечился морфогенетический подход в оценке ледников различных типов, причем в подразделениях, принятых сейчас.

6. В. А. Русанов первым планировал экспедицию на ледниковый щит Новой Земли, которая в основном носила бы гляциологический характер.

Взгляды В. А. Русанова на природу новоземельского оледенения изложены в трех работах: «Состояние геологических исследований на Новой Земле» (1909 г.), «Происхождение Новой Земли» (1911 г.) и «Колебания береговой линии и отступление ледников на Новой Земле» (1921 г.). Ряд сведений гляциологического характера содержится в «Материалах по исследованию Новой Земли», опубликованных в 1910 и 1911 гг. Даже несмотря на неполную обработку полученных наблюдений, его выводы и суждения отвечают современным представлениям. Накануне последней экспедиции В. А. Русанов писал: «Будущим исследователям, которые пожелают и смогут пройти по ледяному покрову, предстоит интересная задача отметить распределение горных высот внутри

Новой Земли, уяснить образование ледников у их истоков, определить общую высоту ледникового покрова... и вообще изучить физические свойства и характерные особенности еще никем не обследованных ледников Новой Земли» [Там же, с. 273]. Особо его интересовало то, «чем обусловлено столь резко выраженное современное отступление ледников на Новой Земле» [Там же, с. 217].

В последующие десятилетия это своего рода научное завещание было в значительной мере выполнено усилиями многих гляциологов, среди которых наибольший вклад внесли участники зимовочных экспедиций по программе 2-го МПГ 1932—1933 гг. и МГГ 1957—1959 гг., организованных Всесоюзным Арктическим институтом Главсевморпути и Институтом географии АН СССР.

Идеи о Северном морском пути в работах В. А. Русанова

Особое место в исследовательской деятельности В. А. Русанова занимает проблема освоения Северного морского пути. О том, насколько большое значение ей придавалось, свидетельствует то, что в сборнике его трудов работы, посвященные проблематике Северного морского пути, предшествуют геологическим публикациям. По мнению М. И. Белова, «все, о чем писал Русанов, где бы он ни был: на Новой Земле и Шпицбергене — всегда и везде Русанов мечтал, думал и готовился к походу по Северному морскому пути» [Белов, 1977, с. 124].

Такая трактовка основного направления деятельности исследователя не подтверждается даже простым подсчетом его публикаций — по Северному морскому пути всего четыре. И хотя важность и особое значение работ В. А. Русанова в этой области несомненны, наибольший вклад все же им сделан в изучение географии и геологии Арктики — данные вопросы освещены в 14 публикациях.

Роль В. А. Русанова в разработке проблем арктического мореплавания исследователи оценивают по-разному. Например, Д. М. Пинхенсон считает, что «после своих Новоземельских экспедиций В. А. Русанов в ряде опубликованных статей настойчиво пропагандировал идею освоения морского пути, ведущего не только в Западную Сибирь, но и далее на восток, т. е. сквозной трассы» [Пинхенсон, 1962, с. 588]. Однако М. И. Белов

утверждал, что включенные в издание 1945 г. работы В. А. Русанова «касались доказательств необходимости установления торговой транспортной связи северо-европейских русских портов с устьями Оби и Енисея, т. е. освоения одного из участков Северного морского пути, а не всей его трассы, пролегающей между Мурманском и Беринговым проливом» [Белов, 1977, с. 122—123].

Как мы помним, свои взгляды на проблему Северного морского пути В. А. Русанов изложил в письме военному министру В. В. Сахарову от 28 апреля 1904 г., вскоре после начала русско-японской войны. Главным здесь является не столько обоснование возможности переброски эскадры Балтийского флота на Дальневосточный театр военных действий, о чем говорится предельно ясно («Я думаю, что было бы величайшим, почти безумным риском отправить наши военные суда Северным Ледовитым океаном без предварительного исследования»), сколько предложение провести такие исследования. Возможность плавания в водах Северного Ледовитого океана, по мнению В. А. Русанова, обусловлена теплом Гольфстрима и сибирских рек. Эта идея позже красной нитью пройдет через все его работы по проблеме Северного морского пути. Суть предложений В. А. Русанова сводилась к необходимости изучения условий плавания отрядами по два судна в каждом, которые бы продвигались по трассе навстречу друг другу от Новой Земли и Берингова пролива. (Кстати, идея работы отрядом из двух судов позднее нашла воплощение в работах экспедиции Северного Ледовитого океана 1910—1915 гг. на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач».)

Русановская программа наблюдений включала гидрографические и океанографические работы с передачей информации доступными средствами (от почтовых голубей до обычного телеграфа). «Этот флот..., — делал вывод В. А. Русанов, — если море окажется свободным, а прочие условия благоприятными, сможет достигнуть Тихого океана, затратив 18 дней приблизительно на переезд от Карских Ворот до Берингова пролива» [Провидец будущего Арктики, 1975, с. 16]. Вывод о продолжительности плавания по Северному морскому пути при том уровне развития техники представляется сейчас фантастичным. Первым советским военным кораблям летом 1936 г. на подобный переход понадобилось 80 сут, а за 18 сут был совершен переход в мае — июне 1978 г. транспортным

судном «Капитан Мышевский» под проводкой атомного ледокола «Сибирь», причем с использованием спутниковой информации и навигации.

Интерес В. А. Русанова к проблеме освоения Северного морского пути вылился позже в разработку им целого ряда организационных и технических мероприятий, которые удалось воплотить в жизнь лишь десятилетия спустя после гибели исследователя.

В. А. Русанов смог непосредственно ознакомиться с условиями плавания в Маточкином Шаре, Карском и Баренцевом морях. Тогда же была предпринята экспедиция в Карское море — принца Орлеанского в 1907 г. В последней четверти XIX в. из 80 рейсов к устьям Оби и Енисея успешными оказались лишь 49 — очевидно, такую ситуацию для регулярных транспортных операций между Архангельском и Сибирью было трудно назвать благоприятной. И тем не менее в статье «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан» В. А. Русанов утверждал: «...я пришел к заключению о возможности и необходимости установить правильное и лишенное риска срочное торговое судоходство с Сибирью... Я предлагаю огибать Новую Землю как можно севернее, а Карское море совсем оставлять в стороне...» [Русанов, 1945, с. 64]. Здесь необходимо сделать оговорку. Во времена В. А. Русанова к акватории Карского моря относилось пространство южнее линии, соединяющей мыс Желания с островом Белым. В. А. Русанов рассматривал три варианта пути из Архангельска в Сибирь:

1. Югорско-Шарский — наилучший по навигационным условиям («Я предложил бы от него совершенно отказаться...» [Там же, с. 64]).

2. Маточко-Шарский, требующий гидрографического обеспечения, также ненадежный из-за льда.

3. Ледовитоокеанский — в обход Карского моря («мешок, наполненный льдами большую часть года» [Там же, с. 65]).

На основе собственных наблюдений в 1909 г. и результатов экспедиции принца Орлеанского на «Бельгике» в 1907 г. В. А. Русанов отмечал относительно благоприятные условия плавания к устьям сибирских рек вдоль западного побережья Новой Земли. По его мнению, это объяснялось тем, что течения здесь относят льды, нагоняемые северными ветрами. «Благодаря Гольфстриму возможно вдоль западного побережья Новой Земли

правильное пароходное сообщение между Европой и Сибирью с июля по сентябрь включительно» [Там же, с. 66].

В этой же статье В. А. Русанов наметил план исследований по крайней мере на два года вперед: сначала летом 1910 г. «понадобится подняться до самого крайнего северного пункта Новой Земли, до мыса Желания... и обогнуть его. Если работы экспедиции дадут положительные результаты, то уже в 1911 году можно будет сделать первый пробный рейс из Архангельска в Енисей по новому Ледовито-Океанскому пути» [Там же, с. 67].

Если в экспедиции 1909 г. у В. А. Русанова возникла сама идея обхода Новой Земли ради плавания к устьям Оби и Енисея, то после экспедиции 1910 г. эта мысль окончательно окрепла и с точки зрения природной обстановки нашла обоснование в статье «К вопросу о Северном морском пути в Сибирь».

По мнению В. А. Русанова, до 80% общей площади льдов проходимы для судов той поры и только 10—15% непроходимы. Меньшая ледовитость Баренцева моря по сравнению с Карским объясняется влиянием Гольфстрима, большей соленостью и более интенсивным режимом волнения. «Все это, а в особенности сопоставление имеющихся температурных данных, говорит скорее в пользу обхода Новой Земли с севера, чем с юга» [Там же, с. 74], где у Гольфстрима «не уменьшается его механическая мощь, не исчезает его способность сносить льды к северу и очищать путь в Сибирь вокруг северной оконечности Новой Земли» [Там же, с. 77], причем, как считал В. А. Русанов (что не подтверждается современными данными), в центре Карского моря происходит встреча теплых вод Гольфстрима и теплых вод Оби и Енисея.

Столь же далека от истинной картина ветров, которая, в трактовке В. А. Русанова, «оказывает такое большое, решающее воздействие на распределение льдов» [Там же, с. 82]. Преобладание восточных ветров на Новой Земле В. А. Русанов объяснял тем, что они дуют с Карского моря, «где скопились массы холодного и тяжелого воздуха, стремящиеся переместиться через Новую Землю с востока на запад» [Там же, с. 83]. По современным представлениям, это стоковые ветры типа бора, которые дуют от водораздела острова к побережьям обоих морей. Но поскольку во времена В. А. Русанова основная часть наблюдений проводилась на западном

побережье Баренцева моря, то вывод исследователя становится понятен. И тем не менее из неверных предпосылок было сделано вполне правильное с точки зрения практики мореплавания заключение: «...наиболее свободный от льдов путь должен проходить мимо западных и северо-западных берегов Новой Земли» [Там же, с. 85].

А теперь остановимся подробнее на ряде предложений В. А. Русанова, имевших значение для развития Северного морского пути. Во-первых, он считал необходимым организовать службу льда и погоды, причем с широким использованием радио. «Огромное значение будут иметь точные, подробные и быстро публикуемые метеорологические бюллетени для будущего рационально поставленного мореплавания в полярных водах» — [Там же, с. 85], цель которых — передавать «сведения о последних ветрах и о последнем распределении льдов, полученные в пути по беспроволочному телеграфу» [Там же]. Во-вторых, исследователь предлагал построить специальные транспортные суда для плаваний во льдах (позднее эта идея нашла воплощение в целой серии отечественных проектов, начиная с «Таймыра» и кончая «Норильском»). В-третьих, важным, по мнению В. А. Русанова, было специальное гидрографическое обеспечение трассы: «Необходимо соорудить маяки, установив на них наблюдательные посты и метеорологические станции» [Там же, с. 87].

Именно В. А. Русанов первым четко поставил вопрос об участии правительства в организации мореплавания по Северному морскому пути: «Что касается правительственной поддержки, то она могла бы ближайшим образом выразиться не в бесполезном субсидировании существующих частных пароходных компаний, а в подготовке почвы для деятельности будущего рационально организованного мореплавания» [Там же]. И далее: «Особенности морского пути требуют специальной и сложной организации. И поручить это сложное дело одной из существующих морских пароходных компаний было бы почти то же самое, что предложить речной пароходной компании совершать морские рейсы» [Там же, с. 91].

Таким образом, В. А. Русанову принадлежит идея создания специализированной морской полярной организации (не частной!), которая позднее, уже в советское время, нашла свое воплощение в Главсевморпути.

В августе 1911 г. в сборнике отчетных «Материалов по исследованию Новой Земли» (по итогам экспедиции 1910 г.) появилась статья В. А. Русанова «Экономическое значение Северного морского пути в Сибирь». В ней автор выступал против строительства железной дороги от Белого моря к низовьям Оби, видя будущее за перевозками морем. Отнюдь не случайно повторение некоторых положений из предыдущей работы. Так, он доказывал необходимость ледового и погодного прогноза («Представляется... полная возможность заранее и очень задолго предсказать приближение и затем наступление годов, не благоприятных для полярного мореплавания» [Там же, с. 95]).

«Когда явится возможность, — писал В. А. Русанов, — пользоваться услугами радиотелеграфных станций, извещающих о распределении льдов, тогда исчезнет необходимость в бесполезной потере времени на выжидательные стоянки у этих льдов» [Там же]. Местоположение таких станций было намечено им на Вайгаче, Южном острове Новой Земли, в Маточкином Шаре и у мыса Желания. Именно здесь они и были построены в наше время.

Еще раз возвращаясь к гидрографическому обеспечению трассы, В. А. Русанов отмечал: «Тщательным обследованием пути и постановкой маяков и знаков в соответствующих местах будет устранена... опасность со стороны банок, мелей, подводных камней и т. д.» [Там же]. Наконец, «применение ледоколов будет последним и самым решительным шагом, навсегда и прочно обеспечивающим пользование этим великим путем» [Там же, с. 98].

Таким образом, В. А. Русанов перечислил практически все основные (за исключением авиации) задачи, которые в будущем пришлось решать Главсевморпути.

Переходя к собственно экономическим проблемам, В. А. Русанов считал, что «важнейшими предметами вывоза из Сибири Северным морским путем должен сделаться, во-первых, хлеб, во-вторых, лес и, в-третьих, полезные ископаемые» [Там же, с. 101]. «Только Северным морским путем можно будет в самом близком будущем вывозить из Сибири сотни миллионов пудов груза, если этот путь будет теперь же хорошо изучен и в совершенстве оборудован» [Там же, с. 102].

Таким образом, В. А. Русанов экономически обосновал необходимость освоения Северного морского пути

для развития территорий, примыкающих к побережью Северного Ледовитого океана. Такой подход сохраняет свою актуальность до настоящего времени.

Последняя из статей В. А. Русанова, посвященных Северному морскому пути, — «К вопросу о назначении Беломорского ледокола». Сейчас может показаться несколько странным, что в качестве главного поля деятельности ледокола выбрано Белое море. Однако во времена В. А. Русанова основной грузопоток из-за границы на север шел именно через Белое море, и ледокол должен был появиться именно здесь.

В целом оценка роли В. А. Русанова в деле освоения Северного морского пути исчерпывающе дана советским историком Д. М. Пинхенсоном: «Памятником славному полярному исследователю служит то, что его основные предложения относительно организации Северного морского пути показали свою жизненность и осуществлены в советское время» [Пинхенсон, 1962, с. 390].

Уже в ближайшие годы после исчезновения экспедиции на «Геркулесе» вместе со своим отважным руководителем началось оборудование трассы Северного морского пути радиометеостанциями, в первую очередь западного участка между Архангельском и устьями сибирских рек. В 1913 г. строится полярная станция в Югорском Шаре, а годом позже — на Вайгаче и в Марресале (западное побережье полуострова Ямал). Сразу же сократилась продолжительность плавания морских судов из западноевропейских портов в устья сибирских рек — с 33 дней в 1913 г. до 11 дней в 1915 г. [Там же, с. 415]. В 1915 г. вошла в строй полярная станция на острове Диксон, у входа в Енисейский залив, а в 1917 г. начато строительство Усть-Енисейского порта. Даже гражданская война не смогла остановить работы в Арктике, как их намечал В. А. Русанов. Летом 1918 г. была снаряжена для гидрографического оборудования в Обь-Енисейский район специальная экспедиция в составе нескольких ледокольных судов. Советские Карские экспедиции начали свои регулярные плавания к устьям сибирских рек в 1921 г. Спустя год В. Ю. Визе и В. Н. Кедровливанский, обрабатывая наблюдения гидрографической экспедиции на «Таймыре», у берегов Новой Земли обнаружили проникновение атлантических вод в Карское море вокруг Новой Земли, тем самым частично подтвердив теоретические выкладки В. А. Русанова. В 1922 г. для обеспечения деятель-

ности Карских экспедиций Госплан принял решение о строительстве радиометеостанций в Маточкином Шаре (выстроена в 1923 г.) и на мысе Желания (построена в 1931 г.), о чем писал еще в 1911 г. В. А. Русанов. В развитие его идей в 1926 г. в Новом Порту в Обской губе было организовано постоянное синоптическое бюро для Карского моря, а в Маточкином Шаре — для новоземельских проливов. Вскоре Убеко-Сибирь издало лодию Обской губы и начала функционировать ледовая служба Карского моря. Однако «ледовитоокеанский путь» отпугивал опытных полярных моряков вплоть до 1930 г., когда два судна под проводкой ледокольного парохода «Малыгин» возвращались на запад после завершения навигации вокруг мыса Желания. С 1940 г., по данным ледовой авиаразведки, этим путем стали пользоваться регулярно при неблагоприятной ледовой обстановке на юге Карского моря. «Ледовитоокеанский» вариант Северного морского пути получал права гражданства.

* * *

Имя В. А. Русанова увековечено на карте нашей Родины. На Новой Земле его имя носят полуостров, пролив и становище, долина, по которой он совершил свое пересечение в 1909 г., залив на восточном побережье Новой Земли. Часто встречается имя исследователя и на других полярных архипелагах: мыс на острове Нансена (Земля Франца-Иосифа), еще один мыс на острове Колосовых вблизи Таймырского побережья, ледник на острове Октябрьской Революции (Северная Земля), наконец банка у входа в Хатангский залив (названная, правда, в честь ледокольного судна, долго носившего имя В. А. Русанова). На Шпицбергене имя ученого носит мыс в бухте Колсбэй, где им были в свое время выставлены заявки на уголь [Попов, Троицкий, 1972].

В городе Печора В. А. Русанову поставлен памятник, а мемориальный музей создан на его родине, в городе Орле на улице, носящей его имя, которое также присвоено улицам в Архангельске, Москве и в далеком Баренцбурге на Шпицбергене.

Основные даты жизни и деятельности

В. А. Русанова

- 1875 3(15) ноября родился в городе Орле.
- 1897 окончил Орловскую духовную семинарию.
- 1897—1898 поступил вольнослушателем в Киевский университет.
- 1901—1903 отбывал ссылку в Вологде; проводил исследования на водоразделе бассейнов Волги и Печоры; совершил морское путешествие в Архангельск.
- 1903 по окончании ссылки выехал во Францию; поступил в Парижский университет на естественный факультет по специальности геология; посещал Высшую русскую школу.
- 1906 подготовил этнографо-социологическое исследование «Зыряне».
- 1907 по личной инициативе предпринял первую экспедицию на Новую Землю; обследовал побережье пролива Маточкин Шар.
- 1908 приглашен в качестве геолога для участия во французской экспедиции Ш. Бенара; с отрядом доктора Кандиотти пересек Северный остров от залива Незнаемого до Крестовой губы по ледникам Макарова (Жерве).
- 1909 участвовал в экспедиции на Новую Землю; в качестве начальника отряда обследовал побережье от губы Крестовой до полуострова Адмиралтейства.
- 1910 возглавил экспедицию на судне «Дмитрий Солунский», обошел Северный остров Новой Земли; провел исследования гидрологического и ледового режима Карского моря.
- 1911 руководил экспедицией на моторной лодке «Полярная»; обошел Южный остров Новой Земли.
- 1912 возглавил Шпицбергенскую экспедицию на судне «Геркулес»; завершив программу, посетил становище Маточкин Шар на Новой Земле.
- 1913? пропал без вести со всем экипажем и личным составом экспедиции в Карском море.

Основные труды В. А. Русанова ¹

- 1903 Об изыскании нового водного пути между Волжско-Камским и Печорским бассейнами.
Очерк промыслов по Усть-Сысольскому уезду.
- 1904 Об изыскании водного пути из реки Печоры в Волжский бассейн.
- 1906 Зыряне.
- 1909 Состояние геологических знаппй на Новой Земле (глава из книги Ш. Бенара, на фр. яз.).
О силуре Новой Земли (на фр. яз.)
Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле в связи с геологическим строением острова.
О полезных ископаемых на Новой Земле.
Об ископаемых льдах на Новой Земле (на фр. яз.).
О палеозойских отложениях Новой Земли (на фр. яз.).
Опись берегов и внутренних частей Новой Земли от полуострова Адмиралтейства до Крестовой губы и от последней до Незнаемого залива.
- 1910 Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан?
Обзор деятельности Новоземельской экспедиции 1909 года.
Вокруг ледяного острова.
К топографии Новой Земли.
О гониатитовой фауне нижнего карбона и верхнего девона, найденной на Новой Земле (на фр. яз.).
- 1911 К вопросу о Северном морском пути в Сибирь.
Экономическое значение Северного морского пути в Сибирь.
К вопросу о назначении беломорского ледокола.
На «Дмитрии Солунском» вокруг Новой Земли (Обзор деятельности Новоземельской экспедиции 1910 г.).
О гидрологических работах Новоземельской экспедиции 1910 г.
На «Полярной» вокруг Южного острова Новой Земли (Отчет Новоземельской экспедиции 1911 года по Ледовитому океану и Карскому морю).
О желательности продолжения обследования Новой Земли в 1912 году, и в особенности губы Саханихи.
Происхождение Новой Земли.
- 1912 Проект Шпицбергенской экспедиции 1912 года.
План Шпицбергенской экспедиции.
- 1921 Колебания береговой линии и отступление берегов на Новой Земле (на фр. яз.).

¹ Перечисленные ниже работы опубликованы в кн.: Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма. М.: Главсевморпуть, 1945.

Литература

- Белов М. И.* К 100-летию со дня рождения В. А. Русанова: Летопись Севера. VIII. М.: Мысль, 1977. С. 122—132.
- Боднарский М. С.* Великий Северный морской путь. М.; Л.: Госиздат, 1926. 253 с.
- Брейтфус Л. Л.* Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски // Зап. по гидрографии. 1915. Т. 49, вып. 2. С. 1—44.
- Быков А. А.* За полярным кругом // Изв. Арханг. о-ва изучения русского Севера. 1910. № 16, 18—23; 1911. № 14, 17, 19.
- Варнакова Г. М., Корякин В. С.* Каталог ледников СССР. Л.: Гидрометеиздат, 1978. Т. 3. Северный край. Ч. 2. Новая Земля.
- Вебер В. Н.* Из экспедиции «Ермака» в 1901 г. // Зап. минерал. о-ва. Сер. II. 1908. Ч. 46, вып. 2.
- Визе В. Ю.* История исследования Советской Арктики: Баренцево и Карское моря. Архангельск: Север. изд-во, 1932. 212 с.
- Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики. М.; Л.: Главсевморпуть, 1948. 414 с.
- Демюкидов К. К.* Геологическое строение и полезные ископаемые Южного острова Новой Земли // Тр. НИИГА. 1953. Т. 68. 71 с.
- Демюкидов К. К., Романович Б. С., Бушканец Ю. С., Беляков Г. Д.* Геологическое строение островов Новой Земли и острова Вайгач // Тр. НИИГА. 1957. Т. 81. С. 23—57.
- Де Фер.* Плавание Баренца. 1594—1596 гг. Л.: Главсевморпуть, 1936. 308 с.
- Ермолаев М. М.* Очерк геологического строения Новой Земли. Новоземельская экскурсия МГК XVII. М.: Главсевморпуть, 1937. С. 102—147.
- Залесский Н. А.* Флот русского Севера в годы первой мировой и гражданской войн: Летопись Севера. VI. М.: Мысль, 1972. С. 130—161.
- Казиков Ю.* Мальчик из снежной ямы // Новый мир. 1983. № 10. С. 130—174.
- Корякин В. С.* Морфология оледенения // О. П. Чижов, В. С. Корякин, Н. В. Давидович и др. Оледенение Новой Земли: Результаты исследований по программе МГГ. М.: Наука, 1968. С. 23—40. (Гляциология; № 18).
- Корякин В. С.* Современные изменения размеров оледенения // О. П. Чижов, В. С. Корякин, Н. В. Давидович и др. Оледенение Новой Земли: Результаты исследований по программе МГГ. М.: Наука, 1968. С. 232—246. (Гляциология; № 18).
- Корякин В. С.* У последних параллелей планеты // Вокруг света. 1975. № 11. с. 15—19.
- Корякин В. С.* Экипаж «Дмитрия Солунского»: Комментарий // Вокруг света. 1980. № 3. С. 40—43.
- Корякин В. С.* Маршрутами гляциолога. М.: Мысль, 1981. С. 1—127.
- Корякин В. С., Зингер Е. М.* История исследований и краткий физико-географический очерк // О. П. Чижов, В. С. Корякин, Н. В. Давидович и др. Оледенение Новой Земли: Результаты исследований по программе МГГ. М.: Наука, 1968. С. 7—22. (Гляциология; № 18).

- Кругловский М. М.* Некоторые данные по геологии Северного острова Новой Земли // *Материалы по геологии России.* 1918. Т. 26, вып. 1.
- Кузнецов М.* Матшар. Л.: Гидрометеиздат, 1967. 207 с.
- Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». М.: Географгиз, 1948. 333 с.
- Нансен Ф.* Шпицберген. Л.: Главсевморпуть, 1938. 461 с.
- Нансен Ф.* В страну будущего. Пг., 1915. 454 с.
- Норденшельд А. Е.* Экспедиция к устьям Енисея 1875 и 1876 гг. СПб., 1880. 198 с.
- Обручев С.* На «Персее» по полярным морям. М., 1929. С. 1—220.
- Островский Б. Г.* Безвременно ушедшие. Л.: ВАИ, 1934. 257 с.
- Отчет Русского географического общества за 1907 год: Отчет о поездке на Новую Землю Л. А. Молчанова. СПб., 1908. С. 15—17.
- Пасецкий В.* «Геркулес» исчезает во льдах. М.: Географгиз, 1961. 206 с.
- Пасецкий В.* Отогревшие землю. М.: Сов. Россия, 1971. 237 с.
- Пахтусов П. К., Моисеев С. А.* Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. М.: Географгиз, 1956. 213 с.
- Пинегин Н. В.* Новая Земля. Архангельск: Сев. краевое изд-во. 1935. 128 с.
- Пинегин Н. В.* Записка полярника. М.: Географгиз, 1952. 495 с.
- Пинхенсон Д. М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма // *История открытия и освоения Северного морского пути.* Л.: Мор. транспорт, 1962. 766 с.
- Попов С. В., Троицкий В. А.* Топонимика морей Советской Арктики. Л.: Геогр. о-во СССР, 1972. 316 с.
- Провидец будущего Арктики // *Неделя.* 1975. № 46(818). (ЦГА ВМФ СССР, ф. 417 — ГМШ, оп. 1, д. 2953, л. 345/7—19/).
- Рамсей Р.* Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1982.
- Реклю Э.* Земля и люди // *Всемирная география.* СПб. 1898. Т. 2, кн. 1. 912 с.
- Самойлович Р. Л.* Остров Шпицберген и первая русская научно-промысловая экспедиция. Архангельск, 1913. С. 4—6.
- Старков В. Ф., Корякин В. С., Завьялов В. И.* Русские поселения XVI в. на Шпицбергене // *Вестн. АН СССР.* 1983. № 12. С. 109—113.
- Троицкий В. А.* Еще раз о следах экспедиции на «Геркулесе» В. А. Русанова: *Летопись Севера.* III. М., 1962. С. 283—285.
- Филлипсон А.* Европа // *Всемирная география.* СПб. Б/г. 755 с.
- Чернышев Ф. Н.* Новоземельская экспедиция 1895 г. // *Изв. РГО.* 1896. Т. 32, вып. 1.
- Шпаро Д., Шумилов А.* Три загадки Арктики. М.: Мысль, 1982. С. 1—142.
- Шумский П. А.* Современное оледенение Советской Арктики // *Тр. ААНИИ.* 1949. Т. 2.
- Юшкин Н. П., Тимохин Н. И., Фишман М. В.* Рудные формации и проблемы металлогении Вайгач-Южноземельского антиклинория. Сыктывкар, 1975. С. 1—48. (Серия «Научные рекомендации — народному хозяйству»; Вып. 6).
- Benard Cdt. Sh.* Dans l'océan Glacial et en Nouvelle Zemble. P., 1909.
- Benard Cdt. Sh.* Un ete' chez les samoyedes. P., 1924.

Содержание

Введение	5
Становление исследователя	8
Экспедиционные исследования	24
Новоземельская экспедиция 1907 г.	24
Новоземельская экспедиция 1908 г.	31
Новоземельская экспедиция 1909 г.	38
Новоземельская экспедиция 1910 г.	47
Новоземельская экспедиция 1911 г.	58
Шпицбергенская экспедиция 1912 г.	67
Финал экспедиции 1912 г.	80
Научное наследие	91
Концепция геологического строения Новой Земли . . .	91
Вклад В. А. Русанова в картографирование Новой Земли	100
Роль В. А. Русанова в изучении оледенения Новой Земли	109
Идеи о Северном морском пути в работах В. А. Русанова	117
Основные даты жизни и деятельности В. А. Русанова	125
Основные труды В. А. Русанова	126
Литература	127

В.С.Корякин

**Владимир
Александрович
РУСАНОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

Пасецкий В. М.

ФРИТЬОФ НАНСЕН

(1861—1930)

1986, 20 л., 1 р. 20 к.

В книге рассказано о жизни и научной деятельности известного полярного исследователя, выдающегося норвежского ученого, лауреата Нобелевской премии Мира Фритъофа Нансена. Рассмотрены его арктические плавания, в том числе первый в истории знаменитый дрейф на судне «Фрам» через Северный Ледовитый океан. Освещены научные исследования Нансена по изучению природы Арктики. Раскрываются многолетние дружеские связи с учеными Петербургской академии наук, почетным членом которой он был много лет.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

45 коп.